

XXII

СЪЕЗД

КПСС

Гулистон

3

ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ

1961

Абдуджаббар КАХХОРИ

ПАРТИИ ЛЕНИНА

*Когда война взметнула над страну
Железный вой
И дым пороховой,
Я, Партия, связал судьбу с тобою,
Я встал в твой строй,
Как воин рядовой.
Когда визжала смерть над головою
И недруг в рукопашной мне грозил,
Ты мужество в меня вселяла, волю,
И я живым из боя выходил.
Война мое изрешетила тело,
Но партбилет у сердца я сберег.
И если б ты мне снова повелела,
Я вновь прошел бы тысячи дорог.
О, Партия,
Твое бессмертно имя,
Оно звучит, как радость, на устах.
Ты светишь ярким солнцем негасимым,
И радостно идти в твоих лучах.
Тебе, как сын,
О, Партия родная,
Я клятву дал быть во сто крат сильней:
Великий съезд
Программу принимает
Для счастья славной Родины моей.*

Перевел Василий Кириллов

Гулистон

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТАДЖИКИСТАНА
№ 3 ИЮЛЬ—СЕНТЯБРЬ 1961

ГБ УЗССР
Ж 15457
3

Гулистон
3 ИЮЛЬ—СЕНТЯБРЬ 1961

Обложка
худ. М. Краснополысого.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Марианна Фофанова—Ветер века. *Поэма* . . . 3

ДЕЛА И ЛЮДИ НАШИХ ДНЕЙ

А. Одинцов. Нурекский дневник. 10
Н. Демьянченко. Белая долина. *Поэма*. 24

К НЕДЕЛЕ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Евген Летюк. Слова. *Стихи*. Перевод В. Резникова. 30
В. Сосюра. Из „Осенних мелодий“. *Стихи*. Перевод В. Резникова. 31
В. Мысык. *Стихи*. Перевод Е. Петровой . . . 32
Любомир Дмитерко. *Стихи*. Перевод В. Резникова. 33
Микола Ключка. Слишком умная газетная статья. Перевод Я. Гордона 34
М. Билкун, П. Глазовый. Сюрприз в бутылке. Перевод Я. Гордона. 35
Из украинского народного юмора. Перевод Я. Гордона. 33

Раджаб Амонов. У подножья голубых гор. *Поэма*. Перевод В. Жуквского. 40
Кирилл Станюкович Тянь-Шаньский марш. *Рассказ*. 91

НАШ КАЛЕНДАРЬ

Романист, драматург, ученый. (К пятидесятилетию Сатыма Улуг-зода). 406
Л. Кандинов. Сатым Улуг-зода—драматург. . . 110

СО 11 ПЛЕНУМА СП ТАДЖИКИСТАНА

Мирзо Турсун-заде. Тема современности в таджикской литературе. Доклад на Пленуме. 115
Материалы с Пленума. 115
Сегодня о сегодняшнем 125

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

СТАЛИНАБАД,
ОРДЖОНИКИДЗЕ, 6,
ТЕЛЕФОН № 41-66

Рукописи не возвращаются

Редакционная коллегия:

И. О. ответственного редактора В. С. ЖУКОВСКИЙ

**В. А. БАЙДЕРИН, В. Ф. КИРИЛЛОВ, М. И. ЛЕВИН, Г. МИРЗОЕВ, М. МУЛЛОДЖАНОВ,
Ф. НИЯЗИ, Ф. ТАШМУХАМЕДОВ, С. УЛУГ-ЗОДА, М. П. ФОФАНОВА, Р. ХОДИ-ЗАДЕ**
Ответственный секретарь С. Е. ШМЕРКИН

Худ. редактор А. Диков.

Корректор В. Олищенко

Сдано в набор 29/VIII-1961 г. Подписано в печать 29/IX-1961 г. Формат бумаги 70×108^{1/16}. Печ. л. 8.
Уч.-изд. л. 12,09. КЛ 02681. Заказ № 3005. Тираж 3000. Цена 50 коп.

г. Сталинабад, Полиграфкомбинат Министерства культуры Таджикской ССР

Мариянна ФОФАНОВА

Посвящаю XXII съезду КПСС

Вниманье!
Страна обсуждает Программу.
Шуршат над Землей миллионы страниц.
Ступеньками строчек,
Проложенных прямо,
Распахнута ясная даль без границ.
По этой Программе сверяется смело
Для каждого сердца намеченный путь:
И доброе имя,
И доброе дело —
Дороги,
С которых уже не свернуть.
Отстали, отпали все звуки иные —
Раскаты прибоя,
Дыханье травы...
Сегодня
Мы приняли в руки земные
То счастье,
В котором от века правы.
В котором бушует Октябрьское пламя,
И новые зори провидишь ясней...
Ты стала и зорче и радостней,
Память,
С высокой трибуны
Программы своей.
Ты стала и зорче,
И — тверже,

И — шире!
И голос прибойной волны
Не притих:
За всё, что живет и рождается в мире,
Ты больше в ответе, чем память других.
Ты гордая вера Советского строя,
Труда колыбель,
И любви колыбель!
Ты шла по планете мечтая и строя,
И вот она,
Рядом —
Великая цель!

В святой мечте,
В большой мечте о вечности,
Под ливнем лет, под лязганье оков
Из класса в класс
Шагало человечество,
Отмеченное веками веков.
Сердца столетий,
Как вас лихорадило!
И меч, и мор,
И посох, и сума...
Но с первых знаков огненных
До радио
Мужала радиация ума.
Летел Икар в разверзнутые пропасти
И снова рвал
Глухую темноту,
Пока
Над поршнем вскрыленные лопасти
Не дали силу
Первому винту.
Пока
В своем переднике замасленном,
Держащий солнце звонкое
Рукой,
Не встал из тьмы
Гигант
Над всеми классами:
Рабочий класс —
Вселенной Горновой.
Да как пошел он молотом помахивать,
Прокалывать планету на огне,
И вспыхивать рассветом,
И распахивать
Мир немоты
На кованом коне,—
Что полетели искры негасимые
И загорелись «Искрою» одной,
И стали не Россией,
А — Россиями,—
Кольцом сестер вокруг моей, родной.
Я многоликость эту
Вижу в облике
Десятка стран, идущих с нами в ряд.
Они —

Моей земли живые отклики,
Её великой правдою горят.
Народная,
Живая демократия
Простых людей содружеством крепка,
И нас роднит
Одна черта характера —
Рабочая
Закалка молотка.

Косили старую траву,
Растили то,
Что молодо,
Чтоб колосилось на ветру
Зерно
Серпа и Молота.
А ну давай.
А ну давай,
Круши гнилье из края в край!
Под корень бей живучий
Все то,
Что сердце мучит.
«Люби меня,
Храни меня» —
Нас просит стебель каждый.
И житель будущего дня
Одной охвачен жаждой:
Чтоб мир предельно был здоров,
Вступая в двери вечности —
Ни пыли пустоцветных слов,
Ни всякой прочей
Нечисти.
Ни шарлатанов, ни попов,
Ни хулиганов, ни воров,
А правда мыслей,
Дел
И слов, —
Победа
Человечности.
Не просто краской лаковой
Замазывай углы —
А до росинки маковой
Все вымети полы.
А ну давай,
А ну давай,
С планеты мусор выгребай!
Чтоб ни сучка, ни трещины,
Ни войн
И ни военщины.
Чтоб не топтались сапоги
Разливами гречихи,
Чтоб ночью пусть кругом ни зги,
Но эти ночи —
Тихи,
Чтоб не прорвался напролом
Со свастикой нуда.

Чтоб лишь одна любовь
Кругом
Творила в мире чудо.
Владей землей, разлет бровей,
Счастливо и упрямо:
Программа Партии моей —
Твоя,
Любовь,
Программа!

Маленький житель Коммуны
Лежит у меня на коленях.
Это ему придется
Войти в удивительный век.
Это о нём загадывали
Маркс и Энгельс, и Ленин,
Когда говорили
Сердечное,
Великое —
Человек!
Призрак шагал по Европе,
Косматил упрямые пряди,
Клубился воздухом мгlistым,
Гудками ревел окрест,
И ветер новых столетий
Врывался в листы тетради:
Первые Коммунисты
Писали нам
«Манифест».

Наша жизнь проверяет себя
На сердечность,
На честность,
На совесть.
А мальчишек смешная гурьба
Тренируется
На невесомость.
Что им скажешь,
Лобастым птенцам,
Их понятие века особо.
Пусть разведуют легкость!
А нам —
Делать то надлежит,
Что весомо.
То, что в прочный фундамент войдет
На закладке грядущего мира.
И под каждой крышей ведет
Разговоры об этом квартира.
Разговоры!..
Не просто слова —
А состав,
Выжигающий пятна.
Митингует на кухне вдова,
Судит мир наш
Нелицеприятно.
Ей,
Чьи руки под руслами вен
Так натружены мелочью тошной,
Нужно верить:

Снижению цен,
Торжеству над базарной картошкой.
Нужно верить:
Наследует сын
Вдохновенно, счастливо и свято
Всё,
Что дать не успел ей
Один
Не вернувшийся,
В звании солдата...
А девчонке в соседнем крыле,
Чуть спорхнувшей с десятого класса,
Важно знать,
Что не счесть на земле
Для нее золотого запаса.
Что без меры ей вечность дана,
Что в дороге её — без границы —
Распахнуть повелела страна
Для великих открытий ресницы.
Вот и шепчет любовь при луне,
Проникая в надзвездные сферы...
Разговоры подобны волне,
Океану исполненной веры.
Эра света!
Твои островки —
В каждом сердце летящего века.
И всё ярче горят
Маяки
Над завидной судьбой
Человека.

Для счастья,
Для сказок,
Для песен
Написаны вешние строки.
Великую азбуку мира
Любому нетрудно прочесть.
Отмечены точные вехи,
Указаны точные сроки.
Всё сбудется!
Всё совершится!
Мы счастью ответили:
«Есть!»
Для жизни,
Для стройки,
Для дела
Поднимется каждое сердце.
Открыты большие дороги,
Проложен великий маршрут.
Мы в наше горячее Завтра
Еще не успели взглядеться,
Но руки,
Счастливые руки,
Уже нас на подвиг зовут.
Глубокую пахоту жизни
Роса молодая умыла.
Бессмертною искоркой света

Летит над вселенной Титов.
На старте корабль Коммунизма!
Идет навигация мира.
Для дружбы,
Для братства планеты
Готов ты в дорогу?
Готов!

Ступеньки лет — ступени наших дел.
Сто тысяч солнц
Зажжем для светлой встречи!
Чтоб этот древний мир помолодел —
Немало тягот ляжет нам на плечи.
Всё будет —
И мгновения тоски,
И боль утрат, и горе, и тревоги:
Не боги обжигали нам горшки,
И коммунизм построят нам не боги.
Не боги, это верно,
Но — творцы!
По-ленински растила нас отчизна.
Так будьте же достойными, юнцы,
Назваться Мастерами Коммунизма.
Вам воздух счастья трепетный вдыхать,
Ласкать коммуны теплые деревья,
И новые ступени
Воздвигать
С высот добрососедства и доверья.
Для жизни и для счастья —
Только так!
Веление партийного билета —
Что залил ясный свет
Все страны света,
И все сердца планеты
Бились в такт.
Уже сейчас —
Мы в том клянемся Съезду —
Возводим вдохновением сердец
Мир красоты.
И Землю, как невесту,
Ведем в коммунистический дворец.
На добрый труд
Во имя Человека!
Мы строим мир,
Твой чистый мир, весна.
Расцвел наш сад,
И бурный ветер века
По всей земле
Разносит семена.
Великим средоточием идей
Горят Программы пламенные строки.
Все помыслы, все чаянья людей,
Помножены на заданные сроки.
Мы на орбите песен и борьбы.
Державная, вздымай свой вымпел, муза!
Живут во имя всей земной судьбы
Сограждане великого Союза.

Для нас звучит итогом всех веков
Программа
Человеческого Завтра,
И росчерком
Семнадцати витков
Её скрепила
Подпись космонавта.
Шагаем окрыленны и горды
Всей правотой
Своей,
Советской власти,
И светят нам
Как пять лучей Звезды —
Мир,
Труд,
Свобода,
Равенство
и Счастье!

А. ОДИНЦОВ

Рис. худ. И. Васильева и С. Бернштейна.

Всякий раз, когда я возвращался из поездки в Нурек, я садился за стол записывать. В записях использованы наблюдения и впечатления, догадки, раздумья, а порой переложение технических и экономических материалов изыскателей и проектировщиков. Так что это не повесть и не очерк, а лишь материалы к тому и другому — летопись стройки.

Называется это районом

...Называется это районом, но взгляд проектировщиков на район Нурекской ГЭС совсем не соответствует географическому или административному пониманию этого слова. Район гидроузла и смыкающихся с ним сооружений, в том числе и других электростанций, охватывает Узбекистан (за исключением Хорезмской области и Кара-Калпакии), Киргизию, Таджикистан, северо-восточные районы Туркмении и две области Казахстана — Южно-Казахстанскую и Джамбульскую. Площадь района — миллион квадратных километров, население около пятнадцати миллионов человек, из них две трети живут в колхозах и совхозах. А это значит, что всё в этом районе подчинено хлопководству — машиностроению, и текстильные фабрики, и все другие предприятия. Это главный район хлопководства Советского Союза.

Я просмотрел несколько книг по гидроэнергетике; все цифры разные. И все авторы этих книг утверждают: запасы гидроэлектроэнергии колоссальны, возможности неограничены. Только на территории Нурекского района потенциальные гидроэнергетические ресурсы составляют более пятидесяти миллионов киловатт.

И больше всего этой энергии приходится на долю Таджикистана. Другими словами, в таджикской части «Нурекского района» можно построить гидростанцию мощностью около 27 миллионов киловатт и получить около 240 миллиардов киловатт-часов в год. Немудрено, что точка, то есть плотина Нурекской гидростанции, выбрана именно в Таджикистане. Если сравнить гидротехнические возможности нашей республики с энергетическими возможностями таких стран, как Канада, Япония, Швеция, Норвегия, Италия, Австрия, Швейцария, то преимущество будет на стороне таджиков. Только на двух реках — Вахше и Пяндже — можно получить всю эту энергию. Какие громадные возможности, какие огромные перспективы! Не говоря уже о том, что в «Нурекском районе» сосредоточены большие запасы уже разведанного и предполагаемого газа. Это тоже энергетика, это тоже химия!

Я пришел обо всем этом поговорить с Петром Павловичем Журавлевым — главным энергетиком строительства Нурекской ГЭС. И он мне сказал:

— В смысле гидроэнергетики, в смысле запаса природного газа, вообще в смысле потенциальных возможностей наших недр изученность еще недостаточная. Можно только сказать, что в ближайшем будущем Средняя Азия станет одним из крупных центров не только газовой, но и нефтедобывающей промышленности страны. А что касается запасов угля, то они достигают примерно пятидесяти миллиардов тонн.

Мы сейчас говорим: мощность Нурекской ГЭС — 2 миллиона 700 тысяч киловатт — это грандиозно! Важно и другое, что народнохозяйственное значение Нурекского узла не ограничивается только областью энергетики, а имеет комплексный характер: сюда можно отнести орошение богарных земель, судоходство, борьбу с паводками и многое другое.

Нурекский гидроузел — один из самых мощных в мире, самый высокопорный в мире, с плотной, одной из самых уникальных в мире, является самым дешевым в мире.

Цена гидроузла немалая. Но даже если прибавить сюда сооружение линии электропередач, строительство оросительных тоннелей и десятков мощных насосных станций, то «срок окупаемости», как говорят проектировщики, составляет всего два года. Значит, в 1967 году, через два года после окончания стройки, гидроузел будет давать только прибыль, чистую прибыль.

В бассейне гидроузла имеется около двенадцати миллионов гектаров земель, пригодных к орошению, из которых будет орошаться пока три миллиона гектаров. Большинство этих земель располагается в южной полосе хлопководства и субтропических культур. Земли расположены на равнинах с очень хорошими почвами, с прекрасными условиями для мелиорации. Давно говорили о том, что воды Вахша должны быть перенесены на Дангаринское плато и в Яванскую долину с массивом Оби-Кинк. Это 145 тысяч гектаров. Они находятся поблизости, сравнительно неподалеку от Нурекского гидроузла. Таких мест, таких земель много. Они есть и на Аму-Дарье.

Дешевая электроэнергия Нурекской ГЭС позволяет широко применить машинный водоподъем и тем сократить капиталовложения в орошение и ускорить ввод площадей под хлопководство.

Таковы перспективы Нурекского района.

В проекте и в „натуре“

...Прежде всего я вспоминаю строительство Куйбышевской ГЭС. Я приехал туда месяца два спустя после начала стройки. Все было в работе. Строилась железная дорога через Самарскую луку, строилась по километру в день. Работали десятки путеукладчиков, экскаваторов, бульдозеров... В старом городе — Ставрополе на

Волге — было много управлений. Строились новые поселки, разрушались старые.

Казалось, все работы начались одновременно.

Здесь — иначе. Может быть, я пришел к Петру Павловичу Журавлеву немного рано, может быть, мне надо было прийти месяца два спустя.

По проекту предполагалось строить базы в Сталинабаде. Но начальник строительства Семен Константинович Калижнюк решил перенести их поближе к строительству, в Орджоникидзебад. Туда доходит ветка железной дороги. Таким образом «тылы» приближаются на тридцать километров к строительству. Калижнюк и представитель Совета Министров республики выехали в Орджоникидзебад, определили места завтравных строек. Это вовсе не так просто — выбрать места. Нужно найти территорию, где будут выгружаться сотни тысяч тонн материалов, участок для строительства автобазы, в которой будет четыреста грузовиков. Тут же рядом — авторемонтный завод, который будет ремонтировать эти четыреста машин, а также завод по восстановлению шин. На заводе шины будут восстанавливать. Это выгодно, чем покупать новые. Значительно выгоднее. Тут же — механический завод для ремонта экскаваторов, бульдозеров, деревообделочный комбинат, который будет давать и опалубку, и крупные блоки, рядом кислородная станция — кислород необходим для сварочных работ.

Это один комплекс предприятий. Можно себе представить, какой громадный разворот строительства предполагается на этом участке, какие огромные площади будут заняты под промышленные предприятия.

Второй комплекс не меньший. Там будет строиться крупнопанельный деревообделочный комбинат. Укрупненные блоки, весом в 20—30 тонн, будут доставляться к месту специальными панелевозами. Таких дизельных панелевозов будет не менее двухсот-трехсот. Но для того, чтобы крупные блоки прошли по дороге, нужно реконструировать и шоссе. Ведь для того, чтобы машины прошли в Нурек, надо подняться на большую гору по серпантинам и повороты на этих серпантинах надо выровнять, расширить, или, как говорят инженеры, «смягчить».

Для перевозки тяжелых грузов будут использованы прицепы, трайлеры, способные перевезти груз до ста пятидесяти тонн.

В январе в Вахше вода голубая, но при паводке мутносерая, даже красная. Река работает, вымывает ожелезненные лёссовые почвы, каменные породы. На каждый кубометр воды приходится пятнадцать килограммов твердых частиц.

В январе в районе Нурека проходит в Вахше примерно сто сорок кубометров воды в секунду, во время паводков — три тысячи кубометров в секунду. В ущелье

река несетя со скоростью курьерского поезда.

Через четыре с половиной года — они промелькнут быстро — никто не поверит, что на берегах Вахша когда-то были «пустые скалы».

Но для того, чтобы агрегаты Нурекской ГЭС дали ток в 1965 году, надо очень много сделать уже в 1961. Нужно отвести воды Вахша в новое русло. Обычно на других стройках роют отводные каналы, а здесь, в горах, приходится строить

но рассказывает Журавлев. — Будет применяться не только телефонная, но и телевизионная связь. Будет установлен автоматический контроль за работой тех или иных предприятий.

Петр Павлович рассказывает спокойно, записывать под его диктовку очень удобно — такая профессорская манера говорить. Меня осеняет:

— Петр Павлович, вы, вероятно, немало на своем веку преподавали...

тоннели. Первый — малый тоннель — должен быть готов к октябрю, с тем, чтобы уже в нынешнем году начать очистные работы в котловане и к марту 1962 года, параллельно с малым отводным тоннелем, прорыть второй — большой.

На гидростанции будет девять турбин по триста тысяч киловатт каждая, три водонапорных тоннеля, да еще оросительный.

Да, дел в 1961 году много, очень много. Чтобы разместить строителей, нужно построить город. А для тех, кто будет строить город, гаражи и заводы, необходимо построить несколько временных поселков. Для работы первых механизмов, подъемников, растворомешалок нужна энергия. Нужно построить линию высоковольтной передачи. Ждать этой линии некогда, поэтому в Нуреке создается временное энергетическое хозяйство, электростанция мощностью в четыре тысячи киловатт. За три месяца она должна войти в строй. А к концу года надо закончить строительство линии электропередачи. Еще не известно, где они пройдут, ибо не готовы ни техническая документация, ни трасса. Этим «надо, надо» набирается с каждым днем все больше и больше.

— Очень большое значение Калижнюк придает организации работ, — спокой-

но рассказывает Журавлев. — Будет применяться не только телефонная, но и телевизионная связь. Будет установлен автоматический контроль за работой тех или иных предприятий.

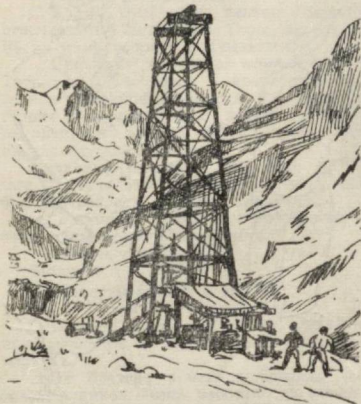
— Преподавал. Немного преподавал... А больше всего Журавлев строил. Был энергетиком на Туркменском канале, руководил «электричеством» на строительстве оросительных систем в Туркмении, потом ушел на пенсию. Отец Петра Павловича был модельщиком на литейном заводе. В доме все — мастерские и Петр Павлович, уйдя на отдых, оборудовал столярную мастерскую, стал работать, как говорят, по домашности: книжная полка, табурет. План был большой, но на табурете пришлось остановиться. Другой пенсионер, Семен Константинович Калижнюк, предложил оставить «старость» и занять должность главного энергетика Нурекстроя; самому Калижнюку, тоже незадолго до того ушедшему на пенсию, предложили возглавить руководство строительством.

Рассказывает Петр Павлович, как с радостью забросил рубанки и пилы. Это ведь для стариков... Журавлев очень сердится, что быстро забывают пенсионеров, не дают им работы, не используют их опыты.

Петр Павлович дал мне два тома «проектного задания Нурекской ГЭС».

Вот отдельные места из этого проекта. ...«Район ГЭС представляет горный массив, рассеченный рекой Вахш, протекающей в каньон с высотой берегов до

пятисот метров». В «натуре» это выглядит весьма убедительно. Небольшой подвесной мостик на тросах, перекинутый с одного берега на другой. Плохо оструганные доски лежат на тросах. Поручни из тонкой проволоки. Я сделал несколько шагов и остановился. Смотреть вниз было очень неприятно. Тогда я отвернулся, стал смотреть на противоположный берег и сделал еще несколько торопливых

шагов. Оказался над пропастью. Внизу — серые, вымытые водой скалы. «Вымытые водой»... — совсем не то слово! Размытые?.. Тоже не то. Это каменные гроты, каменные ултики, каменные воронки. Вода из камня вылепила свое отражение: волны, перекаты, брызги... Понимаете, скала, вернее, гора, монолит, твердые породы рассечены, исковерканы водой, простой речной водой. Эта картина впечатляет. Невольно лезут в голову разные метафизические мысли, сравниваешь с чем-то, с кем-то, очеловечиваешь воду: настойчивость, упорство. Одно оправдание мыслям: стоишь на шатком мостике, нет подходящей почвы для серьезных обобщений.

Внизу — светлоголубая клокоцущая вода. Огромная река пробивает себе дорогу. Пробивает очень давно. Все горы — справа, слева — все ущелье сделано водой, сделано Вахшем. И эта плоская отвесная стена — скала, и эти террасы, это русло.

Нодо мной, метрах в трехстах, скалы почти сходятся, и громадный Вахш трудно пробивается в двухметровую щель. Вспоминаю: во время паводков здесь проходит три тысячи кубических метров в секунду. В секунду! Я подумал: какой крепости должны быть эти скалы, чтобы сдержать эту многомиллионотонную силу.

Мостик качает. Каждый шаг — усилие. Внизу бьется Вахш. Делаю еще несколько шагов, хочу быстрее пробежать до конца мостика на тот берег. Стараюсь

не смотреть на воду. Берега Вахша изрезаны оврагами, ручьями, остроконечные пики гор покрыты снегом. На одном террасовом берегу видна спина динозавра. Это размытые ручьями крепкие горные породы. Триста миллионов лет назад, во времена динозавров произошло землетрясение, и пики гор, и весь горизонтальный пласт повернулись почти под прямым углом к поверхности земли. Знакомый геолог мне говорил, что сюда надо привозить студентов — виден весь учебник геологии.

На берегу Вахша, на узкой конной тропе, — готовый кадр из фильма: светлоголовая девушка с распущенными волосами одета в брезентовую грубую куртку, в такие же штаны, заправленные в резиновые сапоги. Широкополая шляпа закинута за спину. Перед девушкой тренога с нивелиром. Она прицелилась в чернобелую графленную рейку, которую держит молодой парень в пиджаке с красной каймой. Парень в тубетейке, на ногах башмаки из сыромятной кожи, похожие на лыжные пьексы. Это «муки» — обувь горцев. Гляжу, что будет дальше. Парень подходит со своей рейкой. Девушка что-то говорит, парень пожимает плечами, потом они очень весело смеются. Их смех в тишине гор разносится далеко.

Подхожу. Оказывается, они смеялись над тем, как я шел по мосту. Мы разговариваем, я вынимаю блокнот, записываю фамилии и уже мысленно готовлюсь в обратный путь. Собираю силы и мужественно перехожу мосток. Он гнется и плавает у меня под ногами.

Я гляжу на громадную гору, — где-то здесь, внутри, пройдут три громадных тоннеля. Они пронизуют всю эту гору. Вода Вахша окажется в турбинах.

Город Нурек

Город Нурек создан 16 декабря 1960 г. Когда-то здесь, в кишлаке Нурек, был районный центр: потом он был ликвидирован. Теперь здесь будет город. Но его пока еще нет. Маленький базарчик под навесом. Новая будочка «Союзпечать». Одноэтажный магазинчик.

Нурек расположен в небольшой долине. Одна каменная стена — с одной стороны Вахша, вторая — с другой.

Между ними территория города. Гора, замыкающая город, — известковая. Строится печи. Будут выжигать известь.

Ремонтируется здание горсовета. Это делают строители Нурекской ГЭС. По существу, они хозяева Нурека.

Чабаи идет за осликом. Трудяга-ослик несет на спине две высоких вязанки хвороста. Сзади громадный дизельный тягач тянет прицеп, в нем бумажные мешки с цементом. У склада стоит бензовоз. Рядом режутся детишки. Они уже приехали и к экскаваторам и бульдозерам. Из колхозной конюшни выводят лошадей. Тут все перепутано: и колхоз, и

стройки. Все пока смешано. Завтра все будет иначе. Тут будут многэтажные здания. Сегодня на повестке дня: ремонт кибиток. Первые жилища для первых строителей.

Знакомлюсь с Дмитрием Петровичем Руденко — бригадиром штукатуров. Он приехал из Киргизии несколько лет назад. Работал в кишлаке Нурек прорабом. Но что там за строительство было! Сейчас — другое дело, разворот. Жена — повар в рабочей столовой.

— Стало лучше, стали хорошие блюда подавать, разнообразие. Говорят, скоро будут расширять печь.

— А сколько человек сейчас на стройке? — спрашиваю я.

Дмитрий Петрович умолкает, лицо вытягивается:

— А вы, собственно говоря, кто такой? Почему интересуетесь количествами?

— А что ж такого?

Прораб поясняет сухо:

— Я три года был в армии, служил на охране военного объекта. Меня интересует, почему вы спрашиваете про количество людей? Для чего это вам знать? А?

Предъявляю документы.

— Ну, это другое дело. А то у нас в армии всегда был такой порядок: кто, откуда. Проверить документы, выяснить, — уже улыбаясь объясняет он.

Рабочих пока немного, человек четыреста.

... Три девушки, три веселых друга. Окончили в Перми строительное училище. Им по двадцать лет. Ира Тележникова, Оля Красноперова и Валентина Баяндина. Окончили среднюю школу, хорошо работают. Дали им одну маленькую комнату на троих. Вечером пришел к ним в общежитие — убираются. Оля моет полы. Ира приколачивает полочку для книг. Книгами для чтения не интересуются, только учебниками. Готовятся к поступлению в строительный институт. Хотя на заочное отделение. Вечерами — в клуб, на танцы.

Первая база находится на конном дворе колхоза. Конюшню приспособили под материальный склад.

Бригадир складской бригады. Он же сторож, — Нури Набиев из Туткаула. Этот кишлак окажется на дне будущего Нурекского моря. Все его жители идут работать на стройку. Нури окончил семь классов, работал трактористом, а последние шесть лет — в геологической экспедиции на буровой, старшим рабочим.

Он охотно водит по «своему» складу. Тут сварочные аппараты, трассы, кабель, сапоги, газовые горелки, шайки, постельное белье, краски, комбинезоны, трансформаторы, сверла, комфорки для печей.

Каждые пять минут приходят груженые машины, привозят шифер, цемент, лесоматериалы.

Тучи обнимают вершины гор, медленно сползают вниз. Подходит Нури. Говорит шоферу самосвала:

— Цепи надень.

— Зачем?

Нури смотрит на горы:

— Ночью дождь будет.

... Холм. Это гора гипса. Готовый строительный материал. Горы не будет. Её на днях взорвут подрывники.

... Приезжаю в городок тоннельщиков Туткаул. Знакомлюсь с прорабом — Евгением Львовичем Заниным. Его бригада строит временную баню, латает кибитки, ремонтирует здание почты, клуб; два склада идут под жильё.

Подходит младший лейтенант милиции. Говорит важно, с достоинством, любит употреблять иностранные слова:

— Утописты говорили, что нельзя в этом месте построить плотину.

— Какие утописты?

Молчит.

— Кого вы имеете в виду?

— Я сказал — утописты. Ясно?

С тех пор слово «утописты» вошло в наш лексикон в самых различных вариантах.

... Из Братска приехала бригада экскаваторщиков. Пока работают на земляных работах, ждут технику. Может быть, когда я пишу эти строки, механизаторы уже давно получили машины. Я встретился с ними, когда работали они бетонщиками, закладывали котлован под здание дизельной электростанции.

Знакомлюсь. Бригадир Владимир Васильевич Бирюков. Родом из Красноводска. Решил поближе к дому. И к теплу. Василий Егорович Герасимов работал и бурильщиком, и плотником. Анатолий Иванович Богачев. В Братске был шофером, автолесарем.

— Не плохо было там, — говорит он, — но мошкара заела и мороз, решили всей бригадой к теплу.

Анатолий Гаврилович Лукьянов работал на четырехкубовом экскаваторе Уралмаша. Александр Иванович Проскуряков работал на экскаваторах всех марок.

Все дружно жалуются на низкие заработки. Сами успокаивают себя: вот придут экскаваторы, тогда уж — держись!

Не только к теплу поближе едут люди в Нурек. Некоторые приезжают «просто так», начитавшись газет и журналов, приезжают не отдавая себе отчета в том, что они будут делать, какую принесут пользу. И первый вопрос в отделе кадров: «ваша профессия?» — порой ставит в тупик такого энтузиаста. Для этих людей возникает много трудностей, а главная — овладеть производством, техническими знаниями.

Строят сегодня не лопатой и киркой, а машиной, автомобилем, трактором,

перфоратором, экскаватором... И когда легкомысленный «энтузиаст», приехавший «просто так», бросивший где-то учебку или работу, попадает на машину учеником или слушателем на курсы, садится за парту, — вот тогда и происходит главный процесс: переработка беспорядка в настоящий энтузиазм. А энтузиазм волей-неволей охватит всякого, кто побывает здесь: заставит изучить книгу, оцупывать каждую деталь будущей «своей» машины, часами копаться в масле, в бензине, чтобы спустя несколько месяцев, вероятно, уже другим человеком, вымыть добела руки, надеть светлую рубашку и собственноручно вывести с платформы новенькую, только что полученную машину.

Подходит к «братской бригаде» паренек. На голове — берет, из-под берета — чубчик, под рубашкой, расстегнутой до пояса, — тельняшка, брюки — клёш...

— Нет ли закурить?

Дают закурить. Бригадир спрашивает:

— Ты откуда такой?

— С Ростова.

— Работал где?

— Учился, в речном техникуме...

— Так!... — пауза. — Чего же сюда?

— Прочитал в газетах и...

Дружный смех: ясно, мол, что за энтузиаст.

— Что делать будешь?

— Обещают взять учеником на бульдозер.

— Дело! — произносит бригадир.

Кто-то из экскаваторщиков говорит, говорит серьезно:

— Брюки ушей, широки. В рычагах запутаются. И рубашку застегни. Ученик...

Эти люди имеют профессию. Уверены в себе. Я думаю о них: может быть, остепенятся и осядут в Нуреке? Может, и остепенятся, осядут. Поговорить бы надо с ними. И сейчас, и потом. Поговорить по-хорошему, убедить.

Есть на стройке парторг, комсорг, профорг...

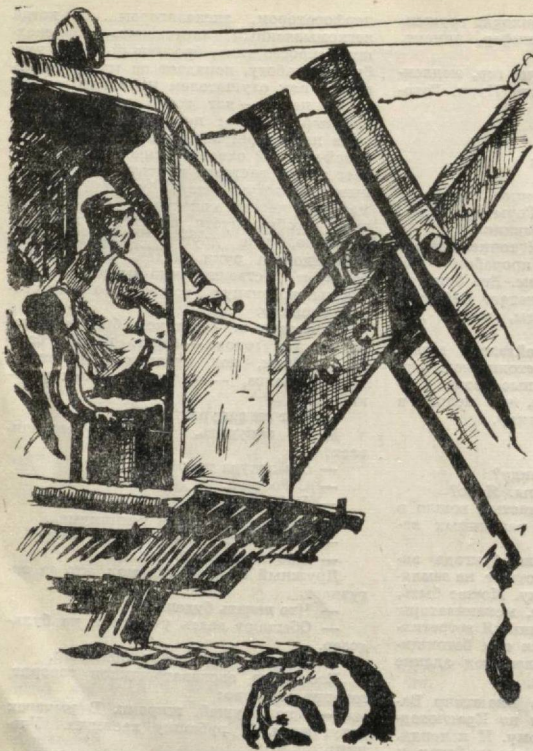
— Видели их? — спрашиваю.

— Видеть — видели... — отвечают.

... Вот тут будет гидростанция. Небольшое ущелье. Его расширяют. Сюда войдут тоннели. Обыкновенное ущелье. К кустам привязан ослик, рядом на земле — вязанка дров. Здесь будет гидростанция.

... Заседание у проектировщиков. Разговор о поликлинике, клубе, больнице, рабочих чертежах, озеленении. Все деревья, что можно, надо немедленно перевести из Туткаула. О птичниках. Дело в том, что в Нуреке начали строить птицеводческий совхоз, заложили несколько фундаментов под птичники. Сейчас на этих фундаментах будут возводиться ремонтный завод и гараж.

Разговор проектировщиков своеобразный. Словечки: «разбить» дом, «привя-

Словом, продолжение следует. Не утонишь за жизнью.

История

Снова приехал в Нурек. Там по-прежнему все только начиналось: перестраивалось для горсовета здание чайханы, закладывался фундамент второго восьмиквартирного дома. Рядом с автобусной остановкой под навесом расположилась чайхана и за откидными столиками сидели экскаваторщики из Братска, ели самбусу, пили зеленый чай, а после писали письма в Братск.

Мы ходили с проектировщиками по кишлячким улицам, среди глинобитных кибиток, и Владимир Владимирович Коваленко рассказывал, где будет стадион и плавательный бассейн, где медицинский городок и как планируется озеленение города Нурека.

— Он утонет в зелени.— Он так и сказал: — Утонет.— И добавил, что на каждого из тридцати тысяч жителей будет двенадцать квадратных метров зеленых насаждений. Потом

он показал на два холма и заметил, что их скоро сравняют и вот там и на месте кишлака Нурек будет построен город. Он будет разбит на шесть микрорайонов, в каждом будет все необходимое: магазины, школы, а дома будут строиться четырехэтажные, со всеми удобствами: газ, ванна, телефон. Я спросил: зачем нужен газ, если рядом будет большая гидроэлектростанция с очень дешевой энергией. Владимир Владимирович ответил, что электрический обогрев тоже будет применяться.

... Сейчас об этом городе и о строительстве уже можно сказать много, даже очень много, наверно можно написать книжку, потому что и эти места и строительство имеют свою большую историю. Об истории мне и хочется рассказать.

...Приехала к нам в Сталинабад Анна Павловна. Мы с ней подружились в Нуреке еще в январе, и она, когда бывала в Сталинабаде, всегда заходила. Анна Павловна Рудченко — председатель местного первого строительного участка и заместитель секретаря партбюро. Муж её Василий — бульдозерист, сестра — штукатур, сын — ученик четвертого класса.

зать» здание, «завести лес», склады «горяты» (в том смысле, что не готовы еще рабочие чертежи для строительства складов), «озадачить» плотников (то есть дать задание,—) «бьют» тоннели (то есть пробивают), «выносим оси основных сооружений», «даем вам крест привязки»...

Заседание заканчивается ночью. Нет, не заканчивается. Объявляют:

— Завтра в восемь — продолжение следует...

... Продолжение следует! Надо еще о многом написать. Ведь дошел я в своем дневнике едва ли до марта. А сколько событий произошло за лето? Много интересных новостей в отделе энергетики Академии наук Таджикистана, интересные вести привез из Москвы Семен Константинович Калижнюк, а на стройке каждый день — перемены, уже начали пробивать тоннель, каждый день вступают в строй новые механизмы, экскаваторы, бульдозеры и... вертолеты, которые перевозят грузы... Много новостей, всех не перечислишь. Еще больше стало рабочих и каждый с интересной судьбой, каждому нужно внимание...

Все они приехали из Братска, как только услышали о Нурекской ГЭС. Они и были первые строители. Они сами приводили в порядок кибитки, устраивали первую столовую, собирали первую библиотеку. Но сейчас речь не об этом. Пришла Анна Павловна и сказала, что в Нуреке нашли клад. О кладе ей рассказал муж Василий. Будто бы найден кувшин и браслет с какой-то старинной надписью. Я позвонил в Академию наук Таджикистана, и мне сказали, что находка может быть интересной, потому что в этих местах существовали древние поселения и что завтра в Нурек выедет сотрудник Академии.

Дней пять спустя я встретил в Нуреке Эдика Юркевича — молодого разведчика прошлого, очень увлекающегося человека. Он мне стал рассказывать, что кувшины найдены, они очень интересны и могут быть отнесены к средним векам.

Эдик Юркевич рассказал, что облазил все горы и кое-что разыскал. Он пошел в полевую сумку и вытащил фотоаппарат. На снимке был изображен замшелый камень с очень интересным старинным орнаментом.

— База, — сказал Эдик. — Позднее средневековье.

— Какая база?

Эдик снисходительно улыбнулся:

— Ну, основание колонии. Понимаете? Когда-то, вероятно, здесь был замок с колоннами и вот от одной из колонн осталась база. Понимаете?

Так я начал влезать в прошлое. А прошлое здесь, несомненно, очень богатое, и археологи найдут для себя много интересного.

— Вот посмотрите, — продолжал Эдик, показывая в сторону гор, нависших над Вахшем. — Можно предполагать, — сказал он, — что по этой дороге проходил Александр Македонский. — И он добавил: — Это было ранней весной триста двадцать седьмого года до нашей эры.

Я посмотрел на гору. Была ранняя весна. На горах, как и в ту давнюю пору, расцвела миндаль. И я, наверно, пропустил мимо ушей очень интересные вещи, которые мне рассказывал Эдик. А он, помнится, рассказывал, как женился Александр Македонский на дочери одного из бактрийских царей — Роксане и какое это имело значение «в деле бактрийско-согдийского содружества».

...Союз писателей создал «Нурекский штаб». Сейчас уже ясно, что делать этому штабу — писать коллективную книгу, летопись, а тогда, весной, было неизвестно. Решили для начала выехать в Нурек на реконсидировку. Поехали Абдусалом Дехоти, Гафар Мирзоев и я. Приехали в Нуреке, остановились около чайханы, и сразу увидели полковника Джалилова. Полковник был в шинели, но без погон, в военной фуражке, но без кокарды. О нем надо немножко рассказать.

До войны полковник Джалилов работал научным сотрудником института языка и литературы при филиале Академии

наук Таджикистана. Во время войны Раджабли Джалилову пришлось изменить профессию, он стал командиром кавалерийской дивизии, которая во время битвы под Москвой вошла в конный корпус генерала Доватора. О комдиве говорили, как о человеке редкой энергии, чрезвычайной смелости и мужества.

После боев под Москвой кавалерийская дивизия Джалилова оказалась под Сталинградом. Там с полковником Джалиловым встретился таджикский писатель — Фотех Ниязи. В романе «Верность» есть подполковник Рустамов, он списан с Джалилова.

После войны полковник был назначен военным комиссаром Центрального района Сталинабада, а недавно вышел в отставку и... начал писать мемуары. Он написал всего пятнадцать страниц, как был вызван в ЦК партии и направлен в Нурек, где его вскоре избрали председателем горсовета.

Все трое заходим в маленький кабинет: письменный стол, стул, диван. Садимся. Начинаем расспрашивать, но нас прерывает телефонный звонок.

— Я сказал, — говорит кому-то Джалилов, — что овощеводческий совхоз будет. Будет — это не значит есть. А овощи нужны сегодня. Понимаете?

Он извиняется и вызывает к себе ведущего торговым отделом.

Входит человек и мы сразу видим, что это тот, кого вызывал Джалилов, ибо торговые работники больше всего похожи на торговых работников. Из необъятных боковых карманов вынимаются блокноты, накладные. Заведующий отделом торговли показывает накладные Джалилову, тут же звонит по телефону и одновременно переговаривается с нами, при этом смеется, сердится, кому-то жалуется, достает из кармана брюк разнарядку, ругается, что не хватает машин и перекладывает на Нурекский лад всем известный анекдот про торгового агента, который приехал в Нурек и никак не мог дозвониться до Сталинабадской базы. Тогда он вызвал междугороднюю, заказал Москву и уже через Москву дозвонился до Сталинабадской базы № 3.

Приходит начальник отдела связи и молча слушает, как все его дружно ругают. А мы понимаем, что сейчас Джалилову очень некогда и что мы можем, вероятно, целый день просидеть на диване и нигде не успеем побывать. Мы понимаемся, благодарим. Джалилов прерывает разговор с начальником отдела связи и начинает рассказывать, какой будет город Нурек и что будет находиться в каждом микрорайоне. Рассказывает он коротко, по-военному. А, может быть, коротко потому, что мешают ему телефонные звонки и люди, которые все время приходят в кабинет.

В Тугкауле у нас оказывается сразу два десятка знакомых. Из Сталинабада на нескольких машинах приехали ведущие артисты театра оперы и балета, вече-

ром они дадут шефский концерт строителям ГЭС.

Если мы будем ходить толпой со всеми этими очень хорошими людьми, то толку не будет. Надо брать блокнот и записывать. И совершенно безразлично, кто будет первый герой этой поездки.

Мы идем к тоннельщикам, но тоннельщиков нет. Есть молодая светловолосая девушка. Кто такая? Буровой мастер взрывных работ. Это интересно.

Зовут ее Тоня Бойко. Она окончила Новороссийский индустриальный техникум, а сейчас здесь ведет буровзрывные работы.

— Вы когда-нибудь бывали в Нуреке? — спрашивает она меня.

— Бывал.

— Гипсовую гору видели?

— Видал.

— Как видали? Ведь мы ее взорвали.

Я проходил по шоссе, видел развороченные горы гипса и не вспомнил, что когда-то на этом месте была гора. Как и все, я, наверно, здесь, в Нуреке, научился воспринимать жизнь в настоящем, в будущем, забывая о прошлом. Это, вероятно, происходит потому, что слишком много впечатлений, все не укладывается. Ну, подумаешь, взорвали гору гипса, и сейчас гремит артиллерийская канонада, и левый берег Вахша затягивается сизым дымом, и в нашу сторону летят и не долетают громадные глыбы земли, камни свистят в воздухе и с шумом падают в реку, поднимая фонтаны. Это прокладывается подземная дорога. Мы идем с Тоней берегом Вахша и она рассказывает о взрывниках: дяде Васе, дяде Сереже.

— А сколько лет этим «дядям»?

— Старые уже, — легкомысленно отвечает Тоня. — Первому около пятидесяти, второму около сорока. — Потом девушка бросает на меня взгляд и говорит: — Не старые, конечно, а так — средних лет.

Проходим замороженную деревенскую мельницу. Из небольшого арыка вода попадает в колесо и приводит в движение нехитрый механизм. Тоня оборачивается ко мне и кивает в сторону мельницы:

— Вот пока что делает Вахш.

Тоня приехала в Нурек в январе. Каждую субботу и воскресенье бывает в Сталинабаде. Ходит на лекции, на консультации. Она заочница политехнического института.

— Интересно вам здесь?

— Здесь, в горах? Да я ведь привыкла. Я без гор не могу. Свежий воздух, цветы... — И неожиданный вывод. — Нет, не нравится, не нравится мне здесь.

Ей не нравится, что управление гидроспецстроя ведет буровые работы сухим, а не влажным способом, но обеспечивает материалами, вместо взрывчатки дает патроны, а вместо патронов взрывчатку. Нет точного плана. Нет приличных проектов.

— Но ведь это только начало, Тоня?

— Это начало уже несколько месяцев тянется, а рабочие с меня спрашивают.

Как закрывать наряды — беда! — И опять неожиданный поворот: — Уйду.

— Со стройки уйдете?

— Со стройки не уйду! Мастером не буду работать. Пойду простым буровиком. Вы думаете, не смогу? Посмотрите! — И она протягивает мне руки.

У этой хрупкой на вид девушки с длинной нежной шейкой, — широкие, мужские, сильные руки, в трещинках, мозолях.

— Думаете, я с перфоратором не работала? О-ё, сколько еще работала! Так вот и запишите: ужожу к чёртовой матери. А буду в Сталинабаде, зайду к начальнику строительства и скажу, что не пойдет дело с нашим управлением. Не умеют они быстро строить. Сколько месяцев раскачиваются. Безо-бра-зии!

Две кибитки. Одна неподалеку от другой. В первой живет бригада — буровики. Во второй, совсем маленькой, Тоня Бойко и Нина Субботина — речница. Нина работала в Ленинабаде на шелкомотальной фабрике, услышала о Нуреке, взяла расчет и приехала сюда. Девушка хорошая, трудолюбивая, но, по мнению Тони, имеет недостаток — ничего себе не варит, ест всухомятку.

— А я не могу. Хоть суп, хоть макароны, а сварю. Человеку, — начинает Тоня задумчиво, — вообще всякому человеку...

Я думаю: что она сейчас скажет? Наверно, какое-нибудь изречение.

— Человеку, если он занимается физическим трудом, необходима горячая пища, — так заканчивает Тоня свою фразу. И снова резкий бросок: — Вы в Сталинабаде живете?

— В Сталинабаде.

— Хотите, я вам букет горных цветов привезу? Буду в субботу в Сталинабаде и привезу. И детям вашим расскажу, где какие цветы рвала. Хотите?

Вместе с Абдусаломом Дехоти и радиорепортером мы подошли к буровой вышке, что неподалеку от Пулисангинского моста. Радиорепортер примостился на бревнышках, расстегнул «молнию», надел наушники и стал диктовать в микрофон:

— Раз... два... три... четыре... пять... шесть...

У него что-то не ладилось. Мы вошли в помещение. Шумели моторы. Познакомились с Анной Михайловной Байдиковой — техником буровой. От нее узнали: идет цементация участка.

— Какого участка? — закричал я прямо в ухо Анне Михайловне.

— Наш участок — основание плотины, — ответила она, произнося каждое слово медленно, очень четко.

Я подумал: как далеко обгоняют строителей изыскатели. Еще стройки нет, еще до плотины дело не дошло, строится только жильё, прокладываются дороги, а у изыскателей уже разговор об основании плотины.

Там, где сейчас мчится Вахш, вероятно, очень скоро, будет сухое дно и, на-

верно, на эту тридцатиметровую глубину когда-нибудь спущусь и я, буду ходить по сухому дну реки, которая в это время будет заключена в трубы тоннеля. А в ее каменном русле будут работать бетонщики, ведь основание плотины должно быть непроницаемым, на него ляжет многомиллионтоновая плотина Нурекского гидроузла.

Итак, идет цементация основания нижнего бьефа плотины. В скважину нагнетается вода под давлением. Нужно определить расход воды в минуту, узнать сколько уходит в трещины воды. Это рассказывает Анна Михайловна. Она сначала говорит медленно, раздельно каждое слово, потом быстрее и тоже кричит в самое ухо. Потом мы выходим из помещения и разговариваем спокойно. Тут же, на бревнышке, радиореporter диктует в свой микрофон, стараясь говорить спокойно:

— Раз... два... три... четыре...

— Затем в буровую нагнетается цементный раствор, — рассказывает Анна Михайловна, — сначала жидкий, потом гуще. Двое суток раствор отстаивается в скважине, затем скважина пробуривается вновь и в нее опять нагнетается вода. Если поглощение меньше или вообще «нуль поглощения», то мы переходим на другую скважину. Все понятно? — спрашивает Анна Михайловна.

А на бревнышках раздастся:

— Раз... два... три... четыре...

Анна Михайловна работала на строительстве Усть-Каменогорской и Бухтарминской гидроэлектростанций, училась в Алма-Ата, работала в очень интересной лаборатории в Москве, потом приехала сюда. Муж ее — буровой мастер на соляной сопке. Двое детей: Наташа ходит во второй класс, Танюша в детский сад. Вот бы поговорить с Анной Михайловной подробнее! Как-никак — на третьей гидростанции, есть что рассказать. Но радиореporter торопит:

— Может быть, здесь есть мастерская, сходим туда, вечером успеем что-нибудь записать.

Но у нас есть еще вопросы.

Мы беседуем со сменным мастером Петром Дзюбой. Ему двадцать два года. Он комсомолец, живет в общежитии, зарабатывает сто пятьдесят—двести рублей в месяц. Из них пятьдесят посылает матери.

Есть третий человек на буровой. Зовут его Вели-юла-али-оглы. Он работает старшим рабочим. Демобилизовался из армии, приехал в Баку. И там прочитал в газетах о строительстве на Вахше. По профессии — шофер, но оказалось, что шоферов сейчас в Нуруке еобралось слишком много. Временно устроился на буровой. Говорит:

— Наша братская республика — Азербайджан. Мы должны помогать. Приехал, поступил в бригаду коммунистического труда. План выполняем на двести пятьдесят — двести семьдесят процентов.

Он заглядывает в блокнот и проверяет, правильно ли я записал его фамилию. — Правильно. И еще напиши, что наша бригада коммунистическая.

— Еще не коммунистическая, — поправляет его Петр Дзюба. Борется за звание бригады коммунистического труда.

— А я что сказал? Я так и сказал корреспондентам.

... Целый день мы ходим по стройке, набираем полные блокноты фамилий. Вечером идем на концерт. Ночуем в большой комнате, в которой помещается 27 кроватей. 27 фамилий записываются в блокнот, и 27 человек охотно рассказывают с себе. Уже в том, что они приехали на Нурекскую ГЭС, есть немалый человеческий подвиг...

... Вот уж несколько дней я в Сталинабаде, а все время думаю об этом.

Иду в управление строительства, спрашиваю:

— Где письма?

Мне дают несколько очень больших папок. Туда подшта часть писем, приходящих в адрес строительства Нурекской ГЭС.

Кто пишет? Демобилизованные воины из Германии, моряки-тихоокеанцы, художник со станции «Водник» под Москвой, экспедитор из Горького, колхозники из Кара-Калпакии, комбайнер-механик из Саратовской области, группа школьников из села Конецполь Николаевской области, рыбаки из Мурманска.

Шлют копии трудовых книжек, копии орденовских книжек, характеристики.

«... Я прошу вашего ходатайства о том, что хочу работать на Нурекской ГЭС. Каменщик пятого разряда Нурматов».

«... Прошу принять меня бульдозеристом на Нурекскую ГЭС. Прошу не отказать. Согласен на любую работу. Николенко».

«... Группа школьников... (слово «школьников» зачеркнуто) комсомольцев города Омска хотят прибыть... (слово «прибыть» зачеркнуто) своим трудом помочь в строительстве Нурекской ГЭС. Просим не отказать. Продолжать учебу будем в школе рабочей молодёжи». Восемь подписей.

Таких писем тысячи. Тысячи!

... Отдел кадров Нурекского гидроэнергостроя. Прием посетителей ведет Алексей Яковлевич Тихомиров — начальник отдела.

— Плотников сколько угодно берем, а приехали как назло одни механизаторы. Где им столько машин найдем? — Следующий!

Входит пожилой человек.

— Присаживайтесь. Слушаю вас.

— Каменщик четвертого разряда.

— Диплом есть?

На письменный стол молча кладется маленькая книжечка.

Через полминуты в руках каменщика направление на работу.

Я спрашиваю этого человека:

- Откуда прибыли?
- Из Новосибирска.
- Кем работали?
- Каменщиком.
- Где?
- На строительстве Академии наук.
- Что ж там плохо?
- Нет, почему? Хорошо. Квартиру получил в новом доме.
- Зачем же сюда?
- Привычка. Вот устроюсь на работу, жену выпишу. Она у меня маляр. Вас всего двое, я — каменщик, жена — маляр.
- Следующий.

Входит молодая женщина. Она бухгалтер. Бухгалтеров пока не берут.

- Что ж делать? Я из Киева...
- Можно направить на подсобную работу. Следующий.
- Мастер-краснодеревец из Ленинграда, шестой разряд, то есть самый высший.

— У нас нет сейчас работы по красному дереву.

— Ничего, поработаю плотником. Приехал пораньше, чтобы домик поставить, с огородишком успеть. Мы давно собирались к теплу.

— Следующий.

Молодой паренек в халате, подпоясанный румолом, с достоинством выкладывает на письменный стол трудовую книжку.

— Не выйдет. Мы берем каменщиков от четвертого разряда и выше.

— У меня четвертый разряд в дипломе.

Алексей Яковлевич перелистывает страницы и попутно спрашивает:

- Старый разряд или новый?
- Нет, новый, — и добавляет: — Позавчера пересдавал.

Люди приезжают с Дальнего Востока, с Кавказа, из Сибири — электросварщики, плотники.

Приехал электросварщик, а диплом у него старый, новый разряд не присвоили. Видно, что работник хороший, сварил металла немало, а документа нет. Как быть? Начальник отдела кадров начинает расспрашивать электросварщика о новых способах электросварки, в частности, о ванном способе. Сварщик этого не знает, но знает, как сваривать по-новому...

Не берут его на работу.

— А как же быть? Приехал, прожился.

— А сам откуда?

— Семья в Туле. Работал в Пензе на авторемонтном заводе.

— Так и мотаетесь по всему свету? — спрашивает Алексей Яковлевич. — Жили бы лучше в Туле.

— Денег нет на дорогу.

— А если заработаете деньги, поедете в Тулу? — спрашивает Алексей Яковлевич.

— Если откровенно сказать, — от заработка зависит. Плохие заработки — поеду.

— Значит, за длинным рублем?

— За длинным рублем. Да вот прожился.

— Ну что ж, испытайте счастье.

Электросварщика берут подсобным рабочим. Потом на курсах сдает на разряд, тогда может перейти на электросварку.

Не жестоко ли обошелся Алексей Яковлевич с этим пожилым, уже выдавшим виды человеком? Нет, не жестоко. Электросварка ведь! Дело ответственное. Да и порядок должен быть.

— Да я пересдам. Я по этому делу можно сказать собаку съел. Через месяц пересдам. Были бы курсы, — говорит сварщик уходя.

— Будут курсы, — обещает Алексей Яковлевич, — будут. Следующий!

Прошло несколько недель прежде, чем были обработаны эти заметки. А сегодня в газетах я прочитал объявление. Строительству Нурекгидроэнергостроя требуются и шофера, и плотники, и каменщики, и бульдозеристы... Список был длинный. В вестибюле управления, где около комнатки отдела кадров обычно собирался народ, было пусто. На дверях отдела кадров висело объявление: требуются... — и снова длинный список.

Возможности неиссякаемые

В мае 1960 года в Сталинабаде произошло Всесоюзное научное совещание по проблеме каскада Вахшских ГЭС и его роли в энергетике Средней Азии. Совещание охватывало вопросы развития энергетики как в Таджикистане, так и в других союзных среднеазиатских республиках в пределах единой энергетической системы Средней Азии и Южного Казахстана.

Основное внимание было уделено вопросам использования энергетических ресурсов Таджикистана, а также проектированию и созданию мощных линий электрических передач в высокогорных районах.

Об этом совещании я беседовал с ведущей отделом энергетики Академии наук Таджикской ССР Фаридой Салахитдиновой Мазитовой.

Я познакомился с ней лет пять назад и с тех пор больше не видел. Молодая женщина, почти девушка, но уже кандидат наук, она рассказывала тогда об энергетических возможностях республики.

Сейчас в небольшом кабинетике передо мной сидела все та же Мазитова, все так же страстно рассказывала она об энергетике.

Итак, через высокие горные хребты мощных линий электрических передач в мире пока нет. Американцы в Андах в 1960 году начали эксперименты с передачей пятисот киловольт. Но это только опыты, а нам уже сейчас нужно строить линии напряжением в семьсот пятьдесят киловольт и вести их через два хребта — Анзобский и Шахристанский на высоте около четырех тысяч метров над уровнем

мг. В чем сложность подобных сооружений? Не известно, как ведет себя высокогорная передача в разреженном воздухе, при обледенении, неизвестно как строить опоры, как рассчитывать, учитывать лавины, бураны, ветра и т. п. Надо экспериментировать. Правда, есть другой путь передачи энергии из Таджикистана в Узбекистан, путь западный, из Нурека через Сталинабад в Самарканд, Алмалык, где находится Ташкентская электрическая подстанция. В этом «западном варианте» длина линии составляет восемьсот пятьдесят километров, причем, самая большая высота тысяча пятьсот—две тысячи метров. По этой высокогорной трассе нужно будет протянуть линию длиной в двести километров. Естественно, что оборудовать такую длинную трассу чрезвычайно дорого и поэтому возник значительно более дешевый «северный вариант» (Нурек — Сталинабад — Анзоб — Шахристан — Алмалык). Тут расстояние всего около четырехсот пятидесяти километров, однако примерно сто двадцать километров этой трассы пройдет на высоте от двух тысяч до трех тысяч четырехсот метров. Словом, перед учеными стоят еще чисто научные проблемы, которые надо вести одновременно с разработкой проекта. Создается Анзобская высокогорная опытная станция, которая будет изучать и решать вопросы, связанные с проблемой высокогорных передач. Уже несколько человек будущих сотрудников станции проходят в Ленинграде, в специальных лабораториях, стажировку.

Эти научные работы имеют значение не только для Советского Союза, но и для Китая и Индии, и многих других горных стран.

Проблемы энергетики тесно связаны с развитием всего народного хозяйства республики: с промышленностью, топливом, добычей полезных ископаемых. Количество месторождений огромно. Но они, как говорят геологи, еще не околтурены.

Сейчас ученые, говоря о принципах построения единой энергетической системы в СССР, предполагают возможность строительства линий, скажем, из Салехарда в центр Европейской части СССР, из Бухары на Урал, из Сибири на Дальний Восток и с Урала — в центр Европейской части СССР. Получается замкнутый круг. Все эти линии высокого напряжения в дальнейшем и составят единую высоковольтную систему.

Много и интересно рассказывает Фарида Мазитова о положении энергетики в Таджикистане.

В 1959 году электрические станции Таджикистана выработали немногим более миллиарда киловатт-часов. Основными потребителями энергии являются промышленность и строительство — 52,6 процента, сельское хозяйство — 18,6, транспорт — 1 процент, коммунальное хозяйство — 1,5 процента, остальные потребители — 16,3 процента. Почти вся выработанная энергия остается в республике.

Только 278 миллионов киловатт-часов (правда, это одна пятая часть) передана в Узбекистан от Кайрак-Кумской ГЭС. Всего в республике 1073 электростанции, но большинство из них небольшой мощности. Да и такая станция, как, например, Кайрак-Кумская, тоже сравнительно не очень большая — 126 тысяч киловатт. Это сейчас самая крупная станция в республике. В будущем году войдет в строй Головная ГЭС мощностью в 210 тысяч киловатт.

— Республика должна быть электрической, потому что мы каждый год тратим колоссальные деньги на ввоз топлива, — продолжает Мазитова.

И действительно, нефть везут из Красноводска, уголь — из Ангрена, Шураба, Кзыл-Кийка. Памир, к примеру, снабжается из Кзыл-Кийкского бассейна в Киргизии, уголь возят за девяносто километров, из которых только 180 по железной дороге, остальные по Памирскому тракту на автомашинах. Стоимость тонны условного топлива в Хорго составляет восемьдесят четыре рубля за тонну.

В Южном Таджикистане пользуются бурым углем Шурабского и Ангренского бассейнов, доставляемого по железной дороге на расстояние более чем тысяча триста километров. Только транспортные расходы на одну тонну топлива составляют четыре рубля. При этом нужно учесть, что топлива не хватает, в книжках люди топят высушенными стеблями хлопчатника—гуза-паей, которая является ценным сырьем для химической переработки. Поэтому очень, очень нужно переходить на электричество. Воды сколько угодно, строительство электростанций быстро окупается. А кроме того, нужно разрабатывать и топливо; в частности, Фан-Ягнобское месторождение коксующихся углей имеет запас около полутора миллиарда тонн. Да, нужно Вахш и Пяндж заставить работать на промышленность, на сельское хозяйство.

В отделе энергетики Академии наук считают, что потенциальная мощность рек республики составляет более шестидесяти миллионов киловатт, из них бассейн Вахша обладает почти половиной гидро-ресурсов, а Пяндж — около четверти. Но кроме этого природа Таджикистана создала на многих реках и озерах замечательные естественные сооружения для строительства высокоэкономичных гидротехнических узлов: высокогорные озера Сарезское и Искандер-Куль, Ягнобский завал на Зеравшане. Это всё готовые створы для крупнейших гидроэлектростанций.

Одна лишь река Вахш по своей русской мощности превосходит не только все крупные реки Средней Азии, но и такие, как Волга, Ангара, Енисей. На Вахше на один километр длины русла приходится 14,5 тысячи киловатт, в то время как на Нарыне — 9,3, на Пяндже — 7,1, на Аму-Дарье — 3,1, Сыр-Дарье — 0,9. От рек Сибири Вахш отличается более кру-

тым падением, ибо берет начало с ледников, вечных снегов, высокогорных хребтов Памиро-Алайской горной системы.

Есть, конечно, очень большая сложность для строительства гидростанции на Вахше, это так называемая, высокая сейсмичность. Тут бывают землетрясения до девяти и выше баллов. Именно поэтому Нурекская плотина строится каменно-набросной, чтобы самые сильные толчки не смогли разрушить плотину, основание которой будет в плотных густых глинах.

Всего проектируется на Вахше каскад из девяти станций. Это — Рогунская, Сычуракская, Шурабекская, Нурекская, Постаканская, Сангтудинская, Головная, Перепадная, Центральная. Предполагают, что общая мощность Вахшского каскада составит около семи миллионов киловатт.

К этому же времени будут полностью газифицированы все города и сельскохозяйственные работы республики, потребление нефти дойдет до полутора миллионов тонн, угля — свыше пяти миллионов тонн, а кроме этого, благодаря перестройке топливного баланса, высвобождается большое количество ценного химического сырья — гуза-пан, содержащей большой процент целлюлозы. На базе этого сырья и камыша возможна организация целлюлозного комбината с большой производительностью.

Калижнюк

«... Приезд Морозова на строительство прошел почти незамеченным. Инженеры, поспешившие представиться новому начальству, нашли его кабинет пустым. Морозов целыми днями ходил по участкам, осматривал механизмы, как присматриваются к малознакомым людям, и осматривал людей, как изучают механизмы. Он не делал никаких замечаний, не изда-

вал никаких новых распоряжений и приказов. Работы на строительстве шли своим чередом, и ничто не знаменовало приезда нового начальника».

Так Бруно Ясенский в романе «Человек меняет кожу» описывал приезд нового начальника Вахшстроя.

Я не знаю, является ли точным прототипом Морозова Семен Константинович Калижнюк, но писателю долго жил у него в кибитке, там писал роман.

— Напишет главу, соберет людей и читает, — рассказывает Калижнюк.

Я нарочно еще раз перечитываю в хорошо знакомом романе все места, связанные с работой Морозова, и убеждаюсь, что похожего много. Главное сходство, мне кажется, в спокойствии Калижнюка. В этом на него похож и Журавлев, главный энергетик, и многие другие инженеры. Давно известно, что многие черты начальника передаются подчиненным.

Калижнюк приехал в Нурек и тоже сразу начал знакомиться с людьми и механизмами, знакомиться, еще ничего не предпринимая, еще ничем не командуя. Именно — присматривался. А время командовать уже наступало: на стройку приезжали рабочие, работы для них не было, жить было негде. Линия электропередачи из Сталинабада в Нурек на большом отрезке трассы была еще в проекте. Строительством Головной ГЭС, предназначенной дать ток механизмам Нурека, шло не так энергично, как хотелось. На строительстве тепловой электростанции в Сталинабаде, которая должна вступить в строй раньше Головной ГЭС и раньше оказать помощь нурекчанам, тоже было отнюдь не все ладно. Нужно было командовать! И Калижнюк начал это делать, но не сразу. На первый план выступили очень срочные вопросы, требующие своего разрешения не только здесь, в Сталинабаде, на Головной, в Нуреке, а скорее в Москве — в Госстрое, в Госплане, в Госэкономсовете, в центральных органах, которые должны были в деталях рассмотреть и утвердить проектное задание Нурекской ГЭС.

На январском Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев очень ясно и очень четко сказал о назначении Нурекского комплекса:

«Для решения проблемы ирригации нам предстоит построить немало новых гидротехнических сооружений в различных районах страны, например, Нурекскую ГЭС. В этой связи хочу сказать, что мы еще плохо знаем свою страну, ее богатейшие ресурсы. Если бы мы лучше знали ее, то надо было бы давно, в первую голову направить средства на строительство Нурекской и других гидроэлектростанций в районах Средней Азии, а не забираться прежде в Сибирь».

Калижнюк подолгу отсутствовал в Нуреке, а когда, наконец, он возвратился из Москвы, следом за ним пришло постановление правительства о создании нового, крупнейшего в Средней Азии строительного управления — «Нуректаджик-

гидрострой». Это управление должно отныне строить все электростанции Таджикистана и, в первую очередь, Нурекскую ГЭС. Начальником этого управления Министерства строительства электростанций СССР назначен Семен Константинович Калижнюк.

Вскоре после приезда Калижнюка на стройку стали прибывать механизмы, экскаваторы, автомашины, оборудование, были пущены два агрегата электростанции, находящиеся в Нуреке, развернулось строительство баз в Орджоникидзебаде, в Лянгаре, в Нуреке, изменен план будущего города и развернулось его строительство. Значительная часть рабочих, прибывших на стройку, была направлена на строительство тепловой электростанции в Сталинабаде. Только что некуда было девать рабочую силу, а сейчас начали испытывать недостаток в ней. Каждый день в республиканских газетах печатались объявления с крупными заголовками: Требуется... Требуется... Требуется... За этими словами следовал длинный список профессий.

... Когда я встретился с Семеном Константиновичем, он подробно и очень честно рассказал о своих спорах в Москве, о многих бедах в Нуреке. Немного посещивал на журналистов, которые, как он выразился, уже построили Нурекскую ГЭС. И что именно из-за них была такая толчея в отделе кадров. Я, помнится, ответил, что придет время, когда людей не станет хватать. Семен Константинович подумал и сказал:

— И очень скоро.

Семен Константинович Калижнюк был начальником строительства Большого Туркменского канала. Ознакомившись с проектом, он усомнился в возможности строительства канала в столь короткий срок — пять лет. Спустя некоторое время Семен Константинович был вызван к Сталину, и он доказал Сталину нереальность многих планов, и Сталин согласился с ним. Несколько лет спустя вступили в строй мощные гидростанции в Каракумах. Во главе этого строительства был Калижнюк — один из крупнейших в нашей стране гидростроителей.

Я, к сожалению, очень мало разговаривал с Калижнюком, мало его знаю, как человека, но же несколько раз, когда мы разговаривали, меня убедили в том, что это добрый человек, мягкий и добрый.

Я думаю, доброта — это его врожденная черта. В этом убеждает и роман Бруно Ясенского «Человек меняет кожу». Я вчитываюсь в этот роман, припоминаю свои беседы с Семеном Константиновичем и убеждаюсь, что Калижнюк — прототип Морозова. Видимо, время и многие жизненные тяготы не изменили его.

Наше завтрашнее

Программа нашей партии! Вчитываюсь в проект, иду, нетерпеливо иду это место. Вот оно: «Электрификация, яв-

ляющаяся острейшим строительством экономики коммунистического общества, играет ведущую роль в развитии всех отраслей народного хозяйства, в обеспечении всего современного технического процесса. Поэтому необходимо обеспечить опережающие темпы производства электроэнергии».

Грандиозность Программы — в вере в нее, в уверенности ее исполнения. Подумать только: строятся мощные гидростанции на Ангаре, на Енисее, на Вахше, на Амуре, создаются тепловые станции в Центральной Сибири, в Казахстане, в Кузбассе и в Донбассе. Все эти станции — родные сестры нашей Нурекской ГЭС, ибо возводятся гидроузлы на реках комплексно, они позволяют решать задачи не только энергетики, но и орошения, водного транспорта, борьбы с наводнениями.

Когда была принята первая программа партии, то вся страфа давала не более пятидесяти миллионов киловатт-часов, а в нынешнем году даст 320 миллиардов киловатт-часов! Грандиозный рост! Но в 1970 году предполагается выработать тысячу миллиардов киловатт-часов, а к 1980 году — 3000 миллиардов киловатт-часов. 320 и 3000! Вот наше сегодняшнее и наше завтрашнее. В общем дело электрификации вольется энергия Нурекского гидроузла и многих других гидроузлов на Вахше, на других реках Таджикистана, которые смогут дать (при полном использовании энергетических ресурсов) около десяти процентов всей энергии страны. Вот они, наши перспективы, наш вклад в общее дело коммунизма.

Я перечитываю эти цифры, пытаюсь их осмыслить и представить Таджикистан через 10—15 лет. И вижу, как наша республика превратилась в один из важнейших промышленных центров страны. Все процессы производства автоматизированы и механизированы, электричество управляет и сельским хозяйством: тракторами, хлопкоуборочными машинами. Электричество входит в быт: не только в городах, но и в кишлаках пользуются кондиционированным воздухом, электрическими плитами и обогревом.

Все это будет! Все это скоро будет. Мы уверены в этом.

Ленинская формула «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» блестяще расшифрована и реализована нашей действительностью. Никита Сергеевич, выступая на всесоюзном совещании по энергетическому строительству, говорил: «Гениальность ленинской формулы в том, что она дает в неразрывном единстве политическую (Советская власть) и экономическую (электрификацию всей страны) стороны строительства коммунизма».

Одна сторона величайшего строительства будущего — Советская власть — уже давно существует и процветает, вторая находит свое осуществление и будет развиваться фантастически быстро.

У арыка,
 разгорячённый,
 останавливается,
 пьёт ведрами
 острую,
 с холодком, воду
 и в сумерки вонзается,
 режет плугом
 луночью омолоченный скат,
 Со смены ночной
 возвратился тракторист,
 качаясь,
 как после качелей,
 скинул пудовую куртку,
 лоснящиеся жиром штаны,
 сунул в ванну
 мазутное лицо.
 Комнатный,
 привычный покой
 уставленных предметов
 поплыл,
 двоясь в усталых глазах,
 как после бешеной джигитовой езды,
 Простынной прохладой
 обняла постель
 И веки сомкнулись,
 как крепкий замок,
 И уют отошёл,
 обесцвечен,
 обесшумен,
 невесом.

АГРОНОМ

Неба апрельского
 измазанную облаками
 простынь
 ливень старательно выстирал,
 выполоскал,
 а ветер
 горами растянул
 на солнце
 синюю,
 синюю,
 в радужных полосках.
 На мокрых сучьях
 вспыхивает белым,
 красным пламенем
 цвет урюка,
 По скатам
 стелется мягких
 трав зелёный огонь.
 Агроном
 в пальто,
 в тёплом платке,
 шагает по пашне:

вяленые,
 бычьей кожи,
 сапоги
 вязнут
 в бурой грязи,
 к подошвам
 блинами
 лепится земля,
 из-под ног убегает,
 узится к горизонту
 тёмный ремень борозды.

Вижу
 земли
 сырую обнажённость.

Знаю,
 чего она просит
 серой песчаностью
 протянутых «рук».

Позабочусь
 насытить
 её извечный голод.

Она
 тепло укроется пластами,
 пополняет семенной плодovitостью.
 и родит
 крупно.

Грузовик
 по влажному песку
 шинами прошелестел,
 у края поля
 стал.

Грузчик
 открыл борта,
 в вёдра набрал
 крупные
 тёмные
 капли хлопковых семян.

ПОЛИВАЛЬЩИК

Вдоль арыка
 шел мужчина
 с кетменём на плече.

Вдоль арыка
 бежали побег
 молодого хлопчатника.

С трубочек нжутся светлые нити
 воды.

С труб сбегают тугие коврики
 воды.

Вода арыка шумела,
 волнами переворачивалась,
 как шёлковый рулон,
 с дужкой месяца,
 с огромной горстью
 звёзд.

Поля —
 ровные бороздки, остекленные водой
 полива,
 перед ним легли огромною рамою
 окна.

Поле.
 Кустов бутоны
 высовывают острые языки
 лепестков
 и вспыхивает пламя
 цветов
 жёлтое, как зной.

СБОРЩИЦА ХЛОПКА

Солнце —
 крупный,
 желтый черпак —
 сливает
 в зеленый таз
 долины,
 жидкий,
 как кофе,
 зной.

И каменное сало
 хребетных горбов
 плавится
 в золотом котле
 дня.

Со склонов сходят
 ровные ряды
 хлопчатника.

Кусты
 к теплу протягивают
 зеленые руки
 веток,
 сушат
 раскрытые ладони
 листьев,
 в улыбке
 открывают белые зубы
 коробочек.

Женщина прошлась по песку
 жаркому,
 прошуршала фартуком,
 по грудь входя
 в хлопковые ряды.

И на голове её,
 повязанный туго
 платок
 то тонул,
 то всплывал
 в зеленой воде
 хлопчатника.

Руки двигаются,
 выбирают волокно
 из коробочек,

Руки прыгают об острия колются.
 с коробки
 на коробку.
 По лбу горячий пот течет,
 по щекам течет,
 по спине течёт.
 Руки мечутся по коробочкам.
 Губы трескаются,
 как акации сухой
 кора.
 Руки горят.
 Грузом фартука пригнута
 ноющая спина.
 Канар
 облачной тяжестью
 придавил весы
 и взорванной
 тугостью
 упал
 на холм
 волокна.
 * * *
 Дом.
 В комнату вводят
 мягкие травы
 дорожек.
 В сквозняке
 вскипает
 пенная текучесть
 занавесей.
 Веет
 снежная свежесть
 простыней.
 Муж вошёл,
 чистый,
 подобранный,
 к груди прижал
 жену,
 пухлость женских щёк
 исколол
 мужскими
 жёсткими щеками.
 Стол накрыт
 гладкостью
 белой скатерти,
 уложен
 блеском ложек,
 уставлен
 кругами чашек.
 Подошёл к столу.
 Под ним скрипнул четвёркою ножек
 стул.

В. МЫСЫК

ДОЖДЬ

За тополем, что посадил Шевченко,
Веселый гулкий дождик пробудился,
По облакам, как будто по ступенькам,
Гром, грохоча, вышагивать пустился.

Пора, пора! И в поле столько

пыли

Вставало — поле пылью затянуло...
И в проводах тугие гаммы были,
И травы каплю влаги звали хмуру.

Нет, суховой, тебе гудеть не вечно,—
Как ни свирепствуй, как ни жги поля,—
Мы поднимаем лес, и нам навстречу
Лесами поднимается земля.

Греми же, гром! Давно прса! Ты понял?
Круши обломки залежных пород!
На всей Земле приветствует сегодня
Большие начинания народ.

Грохочет гром. И вторит песней нежной
Ответный шум зеркальных площадей:
Там пляшет первый дождь, густой и свежий,
Предвестник майских трепетных дождей.

Перевела с украинского Елена Петрова

Любомир ДМИТЕРКО

* * *

Снится, снится война. Двадцать лет!
Шаг за шагом злоеший рассвет
Оживает, преследует болью,
Будто вновь разлучит нас с тобою,
И зовёт, чтобы край защищал ты.
Вновь дымится в руинах Крещатик,
Вновь пылает родная Полтава
И наш гнев нарастает, как лава...
И священный тот гнев, всенародный
Мы в дела претворяем сегодня,
Чтобы коршуны вновь не кружили,
Чтобы люди в разлуке не жили,
А, счастливые, каждой весною
Любовались красою землею.

Перевел с украинского В. Резников

СЛИШКОМ УМНАЯ ГАЗЕТНАЯ СТАТЬЯ

(Шутка)

Он сидел на диване, читал газету и время от времени восторженно восклицал:

— Прекрасно! Чудесно! Острота! Глубина! Аргументация! А язык, язык какой богатый! А мудрый, видно, человек!

— Что там такое? — поинтересовалась жена.

— И не спрашивай! Антирелигиозная статья «Реакционная сущность пасхи», — ткнул муж пальцем в газету.

Жена долго и внимательно читала статью, виновато моргая глазами.

— Я ничего не поняла, — честно призналась она.

— Вот это да! — удивился муж. — Десятилетку закончила. На кройку и шитье бегала — и такая темнота!

— Но шить я умею, — попробовала оправдаться жена. — Да ведь тут такое написано... Вот что такое, например, кле-ри-ка-лизм? Или — нептунизм?

— Ерунда! Подай словарь. Иногда, скажу тебе, полезно для самообразования в словаре заглянуть. Так... ага, вот. Так... есть! Ясно, как днем! Что там еще?

— Монотеизм, релятивизм, политеизм, анемизм, тотемизм, фетишизм, буддизм, сионизм, догматизм, талмудизм... — затарахтела жена.

— Дети! Сюда, скорее! Катя, ищи в словаре от буквы «А» до «З»! Ты, Коля, — от «И» до «П»! Оля возьмет слова от «Р» до «У»! Кто еще? Бабушка! Где бабушка?

— Бабушка занята. Она молится.

— Хорошо! Остальное беру на себя! Начинаем!..

Через какой-нибудь час напряженного коллективного труда статья была растолкована. Все облегченно вздохнули.

— Катя, налей борщизма на предмет пополнения калоризма, — мирно попросил измученный муж.

— Он вышел догматичным. Вот я что-нибудь иноязычное сделаю, — ответила жена.

— А в другой комнате завелись между собой дети:

— Мама, она меня клерикалистом дразнит! А то как дам — из нее весь релятивизм выскочит! Талмудистка несчастная!..

Одна бабушка ничего не знала. Помолвившись на пустой угол, она спала непробуддизным сионизмом.

М. БИЛКУН, П. ГЛАЗОВЫЙ

СЮРПРИЗ В БУТЫЛКЕ

(Театр журнала „Перець“)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Филимон Мудрик — заведующий складом «Долгострой».

Маня Миновна — его жена.

Санька — домашняя работница.

Гости: первый, второй, третий и так далее. (всего тридцать два гостя).

Место действия — дом, который пока еще принадлежит Филимону Мудрику.

* * *

Просторная комната в новом доме, который, как уже сказано выше, пока еще принадлежит Ф. Мудрику. От окон до дверей — столы в два ряда. Столы прогибаются от напитков и снеди. Как на столах, так и вокруг столов яблоку негде упасть. По всему заметно, что гости пришли давно и не собираются скоро расходиться. Как молодой с молодой, сидят Мудрик с Маней Миновной. Мудрик сияет, словно начищенный кирпичом, а Маня Миновна купается в его лучах. Гости злоупотребляют тостами. Никто не молчит и никто не слушает.

Гость шестнадцатый. Тише, тише, что ни говорите, а так классически толкнуть тост, как Алексей Спиридонович толкает, никто не толкнет, чтоб мне с этого места не двинуться. А ну, Алексей Спиридонович!

Гость седьмой. Если бы среди нас был дорогой, незабвенный Николай Васильевич Гоголь, который преждевременно ушел от нас...

Филимон. Еще его тут не хватало.

Гость седьмой. Попрошу не перебивать... Или если был бы среди нас Михаил Грибоедович Салтыков — Щедрин...

Маня Миновна. Всякий раз начитается, а людям из-за него кусок в горло не лезет.

Гость седьмой...то один из них сказал бы так: «Шумит-гудит конец Рубайгорода. Филимон Мудрик новоселье справляет...» Или опять же: «редкая птица долетит до середины стола...»

Филимон (смеется). Молодец!

Маня Миновна. И что за намеки такие? Птица! Га? А гусь не птица? Га? А курица не птица? Да? А утка не птица? Да? Положите ему два крылышка и бедрышко... А может, индюк не птица? Санька, птицы товарищу! (Санька обносит гостей).

Гость двадцать третий (ехидно). Может, ему птичьего молока налить?

Гость пятнадцатый. А-а... сколько о-оно г-градусов?

Гостья четырнадцатая. Сиди там-м, набрался уже, как жаба ила.

Гость седьмой. Да не перебивайте! Дайте закончить. У кого еще есть такой просторный дом? Ни у кого. У кого еще есть такой светлый дом? Ни у кого. У кого еще есть такой высокий дом? Ни у кого. Только когда будет построен Дом культуры, то, может, сравняется...

Гость пятый. Когда он там будет построен? Ха! Седьмой год строится.

Гость девятнадцатый. Нашел с чем сравнивать, у Филимона Кирилловича не тот темп...

Маня Миновна. Там, на том ДOME культуры, ни крыши, ни фойе еще нет. Закусывайте, закусывайте. Санька, холодца! *(пошла вдоль столов)*. Санька, заливную *(остановилась возле гостя первого)*. Санька, буженину! *(Санька сбивается с ног. Маня Миновна остановилась возле гостя третьего)*. Санька, салатика *(подходит к гостю пятнадцатому)*. А вы что ж? Почему не закусываете?

Гость пятнадцатый. А п-после чего я буду закусывать?

Маня Миновна. Так чего ж вам налить? Портвейна?

Гость пятнадцатый. М-м...

Маня Миновна. Кагорчика? Вермутика? Шампанского? Полусладкого? Сладкого? Полусухого? Сухого?

Гость пятнадцатый. Лучше мокрой водки.

Маня Миновна *(возле гостя двадцать первого)*. А вы почему не закусываете?

Гость двадцать первый. А чем я буду закусывать?

Маня Миновна. Как чем? Икорочки?

Гость двадцать первый. М-м...

Маня Миновна. Балычка?

Гость двадцать первый. М-м...

Маня Миновна. Шпротиков? Сёмгочки? Поросятинки? Сардиночек? Сырка? Санька, буженины! Салатика? Винегретика? Заливной? Отварной?

Гость двадцать первый. М-м...

Маня Миновна *(ломает руки)*. Так что же вам положить?

Гость двадцать первый. Я закусываю луком.

Маня Миновна. Луком? Санька, луку!

Санька. Он же на чердаке.

Маня Миновна. А тебе лень принести? *(Санька пошла)*. Вот покарал бог хатной работницей!

Гость девятнадцатый. Какая же хатная? Какая же хатная? У вас же дом, а не хата, значит, соответственно, не хатная, а домашняя работница.

Маня Миновна. Да что же мы так сидим? Почему же это так грустно стало? Филимоша, закрути магнитофон. Там же целый клубок песен.

Филимон. Это я в один миг.

(Включает магнитофон. Звучит песня «У сусида хата била...» Все гости, от первого до тридцать второго, дружно подхватывают. Возвращается Санька. В одной руке у нее венок лука, в другой какая-то темная, необычной формы, засмоленная бутылка).

Санька. Филимон Кириллович, а эту ставить? Не разберу, наливка это или нет?

Маня Миновна. Где ты ее взяла?

Санька. Как где? На чердаке.

Филимон. Это ты, Манечка, сюрпризик приготовила?

Маня Миновна. Ей-богу, не я...

Гость пятнадцатый. Я — не я... Как-кая р-разница, открывайте...

Гость седьмой. А может, там тайна? Может, там—как в «Детях капитана Гранта»? Может, там страшная тайна?

Гость пятнадцатый. Как-кая тайна? Как-кая тайна? С-спотыкач?

Гостья четырнадцатая. Сиди там-м, набрался уже, язык спотыкается.

Гость седьмой. А может, тут когда-то было море, га? В литературе описаны такие случаи, что было море, да и стало сухо. А бутылка плавала, плавала, да и...

Филимон. Ну, хорошо. Пусть было море, пусть бутылка плавала, но как же она ко мне на чердак попала? Надо ее открыть...

Маня Миновна. Не трогай, Филимоша, не трогай, может, там какая-нибудь мина, еще пальцы пообрубает и глаза выжжет.

Гость седьмой. В литературе описаны такие случаи. Была война, была война, да и остались мины...

Филимон. Ну, хорошо. Пусть была война, была война и остались мины. Но как же эта мина ко мне на чердак попала?

(Пока идут эти разговоры, поднимается пятнадцатый гость, пошатываясь, подходит к Саньке и берет у нее бутылку. Начинает потихоньку отковыривать смолу.)

Маня Миновна. А может, кто-нибудь из родственников сюрприз сделал.

Гость пятнадцатый *(открыл бутылку)*. Х-хе! Н-не течет, не булькает. Бумажка какая-то... *(крутит в руках бумажку)*.

Гость седьмой. Бумажка? А ну, дайте сюда! В литературе описаны такие случаи... *(читает)* «Копия прокурору...»

Филимон. К-кому?

Гость седьмой. Прокурору... *(читает дальше)*. «Малоуважаемый Мудрик!..»

Филимон. Так и пишет?

Гость седьмой. Так и пишет! *(читает дальше)*. «Малоуважаемый Мудрик! Не думай, что ты такой мудрый и все тебе сойдет с рук. Строительные материалы, которые ты стащил со строительства Дома культуры, не пропали. Дом, как видишь, вышел на славу. И детсад тут будет очень хороший. Наши дети будут рады. А ты, голубь, готовься к переселению в другой дом.

С неуважением к тебе

бригада строителей:

*Иван Гончарук, Петр Танцюра,
Костя Иванец и другие».*

Филимон. Так и пишут?

Гость седьмой. Так и пишут.

Маня Миновна. Вот... вот захотелось ему лука...

Гостья четырнадцатая *(тихо, но так, чтоб слышали все)*:
Будут теперь слезы и без лука.

(Немая сцена. Магнитофон ревет: «Солнце восходит и заходит...»)

Занавес.

Штаны подвели

Однажды вызвал председатель колхоза лучшего бригадира и сказал ему:

— Завтра, Иван, поедешь на районный слет передовиков сельского хозяйства, выступишь там, поделишься своим опытом.

— Что вы,— замахал Иван руками,— вы же знаете, что я выступать с речами не умею. Мне легче три копны смолотить, чем одно слово с трибуны сказать.

— А мы сейчас сядем и твою речь напишем, ты там по писаному и выступишь.

Сели, написали. Спрятал Иван бумагу с речью в карман и пошел домой. А утром следующего дня надел новый костюм и поехал на слет. Сидит он в зале, слушает, как другие выступают. Но вот и его вызывают на трибуну. Вышел Иван на сцену, полез в карман штанов, а бумаги с речью нет, полез в другой карман — нет.

Постоял он еще с минуту, да и говорит:

— Извините, товарищи, выступать не могу, не те штаны надел...

Хорошая собака

— У меня была такая собака, что честного человека узнает и не зацепит, а вора сразу разорвет.

— Хорошая собака.

— Но я ее продал.

— Почему?

— Потому что уже и на меня стала бросаться.

Сон

Жена. Ох, я уже не засну! Мне снилось, что в комнате — мышь. Муж. Пусть тебе снится еще и кот, и спи спокойно дальше.

Сам себя перехитрил

На одной станции стоял поезд Ленинград — Киев. В вагон вошел дядько. «Людей много,— думает он,— но я их обману».

Он открыл крышку чемодана и закрыл, а потом полез под полку.

— Что вы ищете?— всполошились пассажиры.

— Да не мешайте,— сказал он,— я все равно её поймаю.

— Кого?

— Да змея из чемодана уползла.

Людей из вагона как ветром сдуло, а дядько залез на полку и спит. Ночью проснулся и кричит:

— Проводник, скоро Киев будет?

А проводник ползает с фонарем под скамейками.

— Какой там Киев?— говорит он.— Вчера какой-то дурак выпустил змею, теперь отцепили вагон. Вот и стоим в тупике.

Хитрость лентяя

Во время экзаменационной сессии один лентяй решил сдавать экзамен с первой группой, надеясь, что ему помогут более сильные товарищи.

Профессор немного подождал, а затем сказал:

— Кто согласен отвечать без подготовки, тому ставлю оценку на балл выше.

Лентяй направляется к столу профессора и, подав зачетную книжку, говорит:

— Ставьте мне тройку.

— Почему?

— Так как я ничего не знаю.

Ученая жена

— Василь, вы слышали, какую ученую жену взял себе наш учитель? Разговаривает на семи языках.

— О, господи! Как же он может с ней жить? Вот моя говорит только на одном и то целыми днями нет мне места в хате.

Надоело прихорашиваться

Крутится девушка перед зеркалом и говорит:

— До чего ж надоело прихорашиваться,— хоть бы скорее замуж выйти.

Нет следов

К врачу пришел один человек и пожаловался, что сосед ударил его лопатой по голове.

Врач посмотрел голову и пожал плечами:

— Нет никаких следов...

— Как нет следов?! — вскипел человек.— Но посмотрите на ту лопату, которой он меня ударил.

Нашел выход

Витя собрался в школу. А мать ему:

— Запомни! Если сегодня принесешь тройку, то будешь трижды бит!..

— Тогда я принесу единицу,— сказал Витя.

Перед экзаменом

Студент шел в институт сдавать экзамен по растениеводству. Всюду в одежде у него были шпартгалки. Чтоб не забыть, где какая шпартгалка, он на ходу повторял:

— Тут рожь,— коснулся он рукой правого кармана штанов,— тут пшеница,— коснулся левого кармана,— тут овес, тут гречка...

Потрогал шапку на голове.

— А тут... нет ничего.

Дети и охотник

Однажды дети увидели, что охотник прицелился, чтобы выстрелить в зайца. Они сказали:

— Дядя охотник, не убивайте зайчика. Про кого ж тогда будут писать для нас детские писатели?

Перевел с украинского Я. Гордон

Уловноевья ГОЛУБЫХ ГОР

Повесть*

Глава первая

Ветер налетал рывками, бросал в лицо пригоршни снега, слепил глаза, раскручивая сумасшедшую белую карусель и так же быстро прекращая эту белую пляску. И тогда снег падал на землю спокойно, земля казалась мягкой и пушистой, а деревья — такими же лёгкими, как снег.

Толиб надвинул шапку, поднял воротник и зашагал к автобусной остановке. Крупная снежинка села на ресницы и вскоре обернулась слезой. И эта слеза, не грустная и не радостная — просто холодная капелька, долго мешала видеть дорогу.

На автобусной остановке никого не было. Только свежие следы широких автомобильных покрышек заметало снежком. Следующий автобус будет минут через сорок пять... Целый урок. Не смертельно, конечно, но и приятного мало.

Урок родной литературы, который должен был давать Толиб, не состоялся. Вместо литературы будет история, её проведёт директор школы Шариф-заде. Ученики, конечно, не приготовились к истории, и опроса не будет.

Шариф-заде знал, что Толиб написал книгу и передал рукопись в научно-исследовательский институт школ, в сектор литературы, где её должны обсудить. Но Толиба вдруг вызвали не в сектор литературы, а вызвал сам Обид-заде — личность, известная в каждой школе республики.

— Желаю удачи, — сказал директор.

И в этом коротком «желаю удачи» было больше человеческой теплоты и радости за товарища, чем в некоторых длинных рецензиях, авторы которых напутствовали в свет рукопись молодого учителя. Видимо, дело не в словах, а в том, как их скажешь.

Может быть, отправиться в столовую — она тут недалеко — и пересидеть всю эту кутерьму? Что толку зря стоять и ждать, пока разгулявшаяся погода сделает тебя похожим на сугроб? Толиб совсем было уж собрался уйти, как вдруг послышался шум мотора.

* Повесть переработана автором. Печатается с сокращениями.

Легковая! И, кажется, такси. Она так облеплена снегом, что невозможно увидеть клетчатый поясок.

— Стойте! Эй, эй, шофер, остановки машину!

Шофер оказался молодой голубоглазой женщиной.

— Отряхнитесь! — сказали голубые глаза. У меня есть пассажир, учтите.

Машина тронулась. Неутомимо трудился «сторож», очищая от снега ветровое стекло. Но снег шёл так густо, что «сторож» не успевал счищать его. И тогда впереди, в нескольких шагах, ничего не было видно. Впрочем, дорога Толиба не интересовала. Он столько раз ездил тут, что по какому-нибудь деревцу или столбику у дороги мог дорисовать остальную картину. Вот стоит туйка в зимнем халате из снега. Слева от нее холмы... они тянутся вдоль дороги. Там, за холмами, идет цепь высоких гор. А по правую сторону — поля, они уже вспаханы. Когда растает снег, их чернеющий дастархан расстелется до самых гор. Теперь граница между горами и полем не видна и потому кажется, что горы придвинулись к дороге...

Толиб ничего не видел сквозь залепленное снегом окно, и его не покидало ощущение, что он едет не вдоль двух кражей гор, но что машина повернула вправо. Такое часто бывает в пути. Иногда кажется даже, что едешь назад.

Вдруг машина остановилась.

Незнакомые дворы, дома, дувалы, деревья...

— Куда мы едем?

— Товарищу нужно в кишлак, мы сделали небольшой крюк. —

Голубые глаза были невозмутимы.

— Однако мне надо в Сталинабад, поймите. Я же сказал вам, что мне надо в Сталинабад!

— Пятнадцать минут потеряем, не больше. — Голубые глаза теперь были где-то с той стороны, Толиб видел только локоны и поэтому обращался к ним: — Мне дорога каждая минута, поймите! Иначе я не сел бы в такси и спокойно дождался автобуса, поймите!

Он мысленно чертыхнулся, желая отделаться от привязавшегося к нему словечка «поймите».

Локоны спокойно улеглись на синем женском плаще. Наверное, брови на лице шофёра вытянулись сейчас в прямую сердитую линию, в голубых глазах две злующие запяты. Рука мягко, но настойчиво выжимает газ.

Машина пошла на третьей скорости.

Вдали показался город. Силуэты больших зданий угадывались даже сквозь плотную пелену снега. Прочёл ли Обид-заде рукопись? Понравилась ли она ему, или нет? Возможно, он не нашел в ней ничего толкового... Но в таком случае зачем он вызвал Толиба в город? И, главное, почему Толиба вызвал не Шарапов из сектора литературы, а сам Обид-заде?

* * *

С месяц назад Толиб принес рукопись в НИИШ — научно-исследовательский институт школ.

Директор института Разыков, не взглянув на неё, коротко бросил:

— Шарапову.

Заведующего отделом литературы Шарапова в кабинете не было.

Толиб отправился искать его. Дверей было много. А за дверьми, если их открыть, еще больше людей. Все они что-то писали, о чём-то разговаривали, решали какие-то вопросы и попробуй угадай, кто из них Шарапов. Наконец молоденькая машинистка в тюбетейке показала ему Шарапова.

Шарапов на первый взгляд не представлял собой ничего особенного: высокий, худощавый мужчина болезненного вида. Вледное лицо и большие чёрные глаза. Толиб протянул ему рукопись в полной уверенности, что зря отнимает время у занятых людей.

Шарапов так не думал. Окончив разговор с человеком, портфель которого был набит гранками и еще какими-то бумагами, он повел Толиба в свой кабинет, усадил в кресло и занялся рукописью. Он не спеша просматривал листы, внимательно вчитываясь в отдельные места, и не раз возвращался к прочитанному. Шарапов написал немало работ и статей в периодической печати. Его слово решит судьбу рукописи.

Последняя страница. Сейчас он скажет.

— Вы сделали большое и нужное дело, Толибджон. Вы разрешите мне называть вас так?

В его голосе Толибу послышалось что-то похожее на «желаю удачи» Шариф-заде. Комната, стол, Шарапов утопают в солнечном свете, льющемся в окно мимо отдернутой шторы...

А сейчас идет снег, кажется, что все это было не месяц назад, а давным-давно.

* * *

В приемной никого не было. Черная дверь, обитая дерматином, а может, и другим, более новым материалом, которому и названия-то не подберешь. Дверь высокая, внушительная, на две створки. Кое-где она отсвечивает чёрным гляncем.

Толиб неуверенно дернул за ручку. Дёрнул сильнее. Дверь была закрыта. Толиб мысленно упрекнул себя в наивности: ему казалось почему-то, что Обид-заде ждет его.

В коридоре Толиб остановил высокого молодого человека, который нес перед собой толстенную книгу.

— Обид-заде? — поморщился молодой человек. — Не знаю. Спросите у секретаря. Он вас вызывал? Ах, он вас вызывал? Именно вас? Из района? Понимаю, понимаю... В таком случае позвоните ему домой. Телефон знаете?

Молодой человек повёл Толиба в комнату, долго водил пальцем по настольному стеклу и наконец назвал домашний номер телефона Обид-заде.

Против ожидания, телефон заговорил очень приветливо:

— Да, да, я... Обид-заде... А, это вы, товарищ Усманов? Когда приехали? Никуда не уходите. Я приеду через пятнадцать минут.

Обид-заде оказался точен. Ровно через четверть часа он уже поднимался по широкой красной дорожке, которой была устлана еще более широкая министерская лестница. За ним поспешал немолодой мужчина. Одежда до того нескладно висела на нём, что, казалось, под ней нет ничего, кроме вешалки.

Толиб впервые увидел Обид-заде года полтора назад, на районном совещании учителей. Он сидел в президиуме и пил чай так, будто был дома. Но говорил он красиво и, главное, дельно. В то время он ещё не работал в министерстве, а был простым преподавателем института. В школе, где работал Толиб, имя Обид-заде произносилось с самыми различными интонациями. Директор, частенько ездивший в Сталинабад, говорил, что у Обид-заде есть голова на плечах, язык подвешен что надо и ситуация складывается всегда в его пользу.

После знакомства Толиб узнал: человек-вешалка — заместитель директора НИИШ Рустамов. Он первый и начал говорить о рукописи. Говорил Рустамов осторожно, медленно, тихо роняя слова и как бы прислушиваясь, куда они катятся.

— Так вот, товарищ Усманов...—Вы, разумеется, много поработали... собрали, разумеется, большой материал.— Он помолчал.— Именно так — большой материал. Домулло Обид-заде ...вы это сами прекрасно знаете... домулло Обид-заде — крупнейший специалист по методике. Я имею в виду методику преподавания таджикской литературы. Мы попросили уважаемого коллегу познакомиться с вашей работой, он, разумеется, не жалея драгоценного времени, прочёл рукопись. Вот именно: товарищ Обид-заде прочёл вашу рукопись...

— Я ознакомился с ней,— перебил Рустамова Обид-заде, видя, что от него невозможно больше ничего добиться. У меня есть кое-какие соображения. Я готов поделиться ими, если у вас есть время. Вы не откажетесь поехать с нами?

— Я совершенно свободен,— ответил Толиб, удивляясь вопросу Обид-заде. Разве он не знает, что только ради своей рукописи и причался он, Толиб, из района.

У лестницы Рустамов остановился.

— Я, пожалуй, здесь с вами расстанусь,— сказал он, рассматривая красную дорожку своими бесцветными глазами.— Я бы просил вас прислать за мной машину попозже. Если вас не затруднит, разумеется. Я, видите ли, должен зайти к заместителю министра Шакировой.

Новенький, хорошо обкатанный «Москвич» понёсся по центральной улице, разбрасывая по сторонам комья мокрого снега. Около школы мальчишки играли в снежки, какой-то озорник тряс дерево, осыпая девушек снегом.

Город строился. Среди знакомых зданий мелькали новые — они появились, пока Толиб не был в Сталинабаде. Мелькали также недостроенные, в лесах, с непременным силуэтом подъемного крана со стороны двора, с фигурками рабочих на подмостках. Не доезжая пединститута, машина свернула вправо. Теперь по обеим сторонам виднелись коттеджи с островерхими крышами и высоко поднятыми виноградниками.

Толиб посмотрел на Обид-заде: тот сидел, устало развалившись на сиденье, провожая скучающими глазами притихшие под снегом дома.

«Москвич» остановился у ворот, дощатых, высоких и празднично-голубых.

— Мой дом,— сказал Обид-заде, открывая дверцу машины.— Здесь нам никто не помешает. Не помешает и чайник горячего чайку. Зелёный чай в такую погоду располагает к спокойствию и, я бы сказал, способствует мудрым решениям. Не так ли, дорогой коллега? Они вошли в дом.

В передней им встретилась девушка лет семнадцати. Она подкладывала в печку дрова. Толиб уже хотел пройти мимо, как вдруг, в какой-то неожиданный момент, в глазах её вспыхнули отблески огня, гудевшего в печке. Удивленный, Толиб посмотрел в лицо девушки. Она была красива.

Кабинет хозяина был большой, светлый, с круглым столом посередине, кожаной мебелью. Вдоль стен стояли стеллажи с книгами. Стол покрыт красной бархатной скатертью с бахромой.

Вышла жена Обид-заде — красивая, полная женщина с холёными руками. Хозяйку звали Сабохат-хола.

На столе появился чай и, когда дверь открывалась, доносился запах плова.

Толиб решил: хороший дом, приветливые хозяева... ему повезло, что его пригласили сюда. А разговор, между тем, продолжался, он струился тихо, как ручеек в саду — незаметно, ненавязчиво.

Как могло случиться, что до сих пор не написана методика преподавания литературы для старших классов? Такая книга нужна преподавателям как воздух, как... Рукопись Толиба можно было бы положить в основу такого пособия. Он, Обид-заде, обещает помочь молодому человеку. Он даже предлагает использовать кое-какие свои брошюры. Не беда, что некоторые мысли, высказанные в этих брошюрах, устарели: можно будет их подновить, доработать... может получиться интересная, нужная, актуальная книга.

Толиб так заинтересовал его, Обид-заде, своей работой, что мысли, высказанные Толибом, порой кажутся своими.

В работе Толиба много недостатков, их надо исправить. Самому Толибу такую ношу не поднять.

Итак, не сделать ли книгу сообща, не поработать ли вместе? Дело от этого только выиграет.

И название книги, естественно, изменится. Вместо «Из практики преподавания литературы в VIII—X классах», книга должна называться солидно: «Материалы к методике преподавания таджикской литературы в VIII—X классах».

Обид-заде замолчал. Но он сказал еще не все.

— Вам следует учитывать, товарищ Усманов, что ваш покорный слуга работает в системе просвещения уже двадцать пять лет. И уж кто-кто, а он хорошо знает, что книгу мало написать, её ещё надо издать.

— Я согласен, — сказал Толиб.

Но Обид-заде продолжал доказывать — «по инерции».

— Один институт подготовил сборник методических статей. И вот некий рецензент — я думаю, не стоит здесь называть его имя — дал совершенно разгромную рецензию. Ознакомился я с материалами. Честно говоря, они действительно слабоваты. Но мы собрали авторов, указали на недостатки. Те поработали, кое-что подправили и работа вышла в свет. А ведь труд их мог пропасть. И не только труд, но и гонорар.

Обид-заде засмеялся, как бы сводя к шутке столь грубое разъяснение.

— Вы делаете мне честь своим предложением работать со мной, домулло, — сказал Толиб, чувствуя, что фраза получилась чересчур выпендренной и красней.

Уходя, Толиб улыбался. Настроение у него было самое радостное. Однако в коридоре его вдруг неприятно удивил голос Сабахат-холы.

— Рано, ты почему принесла только крупный уголь? А куда мы будем девать пыль?

Толиб повернулся в сторону девушки, ожидая увидеть красивое лицо и странно отсвечивающие огнем глаза, но увидел глаза удивительно большие, без блеска, без выражения, и лицо, на котором ничего нельзя было прочитать, кроме того, что слышал уже сотни раз: «Извините, я не выучил сегодня урока...»

Ему хотелось ещё раз внимательно посмотреть на девушку, но он знал, что это нехорошо и потому не взглянул в её сторону, прошёл к выходу.

Глава вторая

Толиб написал заново предисловие. Но когда приступил к первой главе, почувствовал, что у него нет ни одной интересной мысли, что поправки, предложенные Обид-заде, заставляют его вспоминать уже известное, прочитанное. Сидя за столом и мучительно сжав го-

лову руками, он чертил на бумаге завитушки. А между тем, когда он писал сам, то писалось и легко, и хорошо, и радостно.

— И вы согласились на соавторство? Ну и ситуация!— вспоминал он слова директора школы Шариф-заде.

Почему он так сказал?

Учительница литературы Едгорова оценила решение Толиба иначе.

— Что ж, очень хорошо. Книга принята, а это главное.

Впрочем, Едгорова всегда радуется успехам Толиба. А он не может решить определенно — нравится ли это ему, или нет. Иногда он перехватывает на себе ее выжидающе долгий взгляд. Он смущается и не знает, куда себя деть. В такие минуты он, как мальчишка, готов попросту удрать из учительской.

В воскресенье Толиб поехал к Обид-заде. С утра подморозило, было холодно. И то ли потому, что было тихое морозное утро, а может быть, потому, что он решил, наконец, поехать в Сталинабад и прямо высказать свои сомнения Обид-заде, Толиб неожиданно почувствовал себя сильным и бодрым.

Толиба встретила у калитки девушка, которую Сабохат-хола называла — Рано.

— Они ещё утром ушли вместе с тётёй,— сказала Рано.— Да вы заходите, они скоро вернутся. Дядя сказали, если кто зайдет, пусть подождут.

Теперь девушка показалась ему иной. В черных глазах — синеватые льдинки. То они оттаивают, то снова светятся синими огоньками. Нет, это, конечно, не домработница. Кажется, она назвала Обид-заде дядей — амак-мулло. Удобно ли заходить в дом, где осталась молодая девушка? А вдруг её дебелия тётушка является многогабаритным вместилищем всяческих феодално-байских пережитков? Греха не оберёшься... То-то она покрикивала на свою племянницу в тот раз, когда шёл снег и нужно было хорошо протопить печи... Нет, лучше не заходить, лучше прогуляться.

Через полчаса он вернулся замёрзший, и потому более безразличный к тому, что подумает о нем Сабохат-хола.

— Ну, вот видите, не послушались, перемёрзли только,— укоризненно встретила его Рано. И было похоже, что она хочет согреть его своим взглядом.— А дядя приходили и снова по какому-то делу ушли. Они приказали, чтобы я вас не отпускала. Дядя скоро вернутся... Проходите, пожалуйста.

Толиб подчинился.

В кабинете у Обид-заде было тепло и уютно. Сначала Толиб просто развалился на диване, пытаясь почувствовать себя свободнее, потом попытался работать, но ни то, ни другое у него не получилось. Тогда он выбрал третье — подошёл к окну, осторожно отодвинул гардину и стал наблюдать, как во дворе Рано сгребала снег.

Лопата была огромная, а руки у Рано маленькие. Они были такие маленькие, что ему захотелось выйти во двор и самому взять лопату. Так он и сделал спустя некоторое время, сделал довольно неуклюже, под каким-то глупейшим предлогом.

— Сгребать снег — моё любимое занятие,— сказал он. Или что-то в этом духе.

Толиб работал, как двадцать экскаваторов, когда явился хозяин дома Обид-заде. Он сморщился, взглянув на Рано, и сказал, мило улыбаясь:

— Ваше поведение, товарищ Усманов, достойно доски почёта. Однако оставьте всё же сие благородное занятие, у меня для вас есть дела поважнее.

Толиб посмотрел на оставшийся во дворе снег с таким сожалением, точно это был сахар.

— Хорошо, очень хорошо, что вы пришли, дорогой мой Толиб, — журчал голос Обид-заде, — вы мне нужны. И даже очень. Хочу предложить вам одно очень приятное дело.

А у меня к вам дело, к сожалению, не очень приятное, — не в тон хозяину ответил Толиб.

— Конкретнее?

— Добавления, которые вы предложили внести в книгу...

— Не добавляются? — засмеялся Обид-заде. — Не беспокойтесь, я позволю директору школы и попрошу, чтобы он временно освободил вас от уроков. Не беспокойтесь, мы создадим вам все условия. — Обид-заде достал из вороха бумаг толстую зеленую папку. — Кстати, вот рукопись новой книги товарища Рустамова, — продолжал он, передавая Толибу папку. — Мы решили поручить вам отредактировать её. Времени это у вас много не займёт, а я прослежу, чтобы институт заплатил вам по высшей ставке. — Обид-заде положил на зеленую папку розовую руку. — Дело в том, молодой коллега, что Рустамов — человек занятый, у него забот больше, чем волос на голове. Можете понимать это в буквальном смысле. Разумеется, кое-где в работе заметны следы спешки, так вы уж посмотрите повнимательней, кое-что измените, кое-что перепишите, а кое-где и допишите.

— И много придётся дописывать?

— Книга нужна школам, а Рустамов по причинам вам уже известным, не может закончить рукопись в этом году. Интересы дела иногда обязывают нас не считаться...

— Домулло, я еще одну работу не кончил...

— Излишняя скромность вредна даже девушкам. Я уверен, с вашей энергией, работа будет закончена в самые сжатые сроки, — Обид-заде не давал Толибу опомниться.

В комнату вошла Рано. Толиб посмотрел в её, такие изменчивые, такие удивительные глаза, и ему показалось, что он действительно полон энергии, действительно сможет осилить эту работу «в самые сжатые сроки». Он взял папку. Цветом она напоминала незрелую алычу.

Поздним вечером, дома, прочитав рукопись, он убедился, что не только цвет папки, но и сама работа вызывает оскомину. Рустамов пренебрёг даже элементарными правилами грамматики. Было похоже, что отдельные главки написаны на вокзале, за пять минут до отхода поезда, с которым человек-вешалка должен был отправиться в Сочи.

Утром Толиб не успел позавтракать и ему нестерпимо хотелось есть. После некоторого раздумья Толиб отодвинул рукопись, вытащил из-под стола старенькую керосинку и водрузил её на такой же старенький сандал. На керосинку он поставил котёл. Если сварить полный, хватит на бригаду, а холостяку не одолеть и за неделю. Толиб накрошил туда жиру, потом принялся чистить картошку, морковь и резать лук. Из глаз потекли крупные холостяцкие слезы, из котла начал подниматься чад.

В дверь постучали в тот момент, когда в комнате нечем было дышать.

На пороге — учитель естествознания Халиков. Из секты жена-тых. Основная черта характера — довольно стойкое недоверие к холостякам.

— Салом алейкум, рафики мухтарам...

— Ва алейкум ас-салом, азизам...

— Ужин готовите?

— Человек, говорили мудрецы, живёт, пока ест. Проходите, садитесь.

— Вам не надоело одиночество?

— Ужасно надоело. Я, знаете ли, просто изнываю от одиночества.

Халиков клюнул на удочку. Оживился.

— Вы, мой милый, неактивны. Ни одна девушка к вам не придёт сама. Природа даровала им такое замечательное качество, как, например, стыдливость...

— Почему именно — девушка? Аллах великий, ну куда заделся этот окаянный перец! Вы думаете, что я отравлюсь молоденькой вдовушкой?

— Зачем считать пельмени, которых не съел? — миролюбиво сказал Халиков. В таких случаях лучше всего рассуждать от конкретных фактов. Вы нравитесь одной девушке...

Толиб знал, что дальше речь пойдёт о Едгоровой, и потому постарался выразить на лице самое жгучее любопытство:

— Кто же? Кто она такая? Не может быть, нет, я никогда этому не поверю.

— И напрасно. Это Едгорова. Вы родились в рубашке. Девушка умна, красива, образованна. Отец — уважаемый человек в районе, мать — чудесная женщина. У девушки тьма поклонников; ей делал предложение директор кирпичного завода Кудратов, преподаватель второй школы Нусратов. Но она им отказала... она любит вас. Она созналась матери, та рассказала отцу, отец пригласил меня, расспрашивал обо всём подробно и я не пожалел красок для вашего портрета.

— Напрасно, — сказал Толиб.

— То есть как это — напрасно? — Халиков даже ложку с соусом не донёс до рта и положил в тарелку. — То есть как это напрасно? Расхваливать в таких случаях — это же традиция, так принято. Понимаете, все так поступают.

Дальше продолжать разговор в том же духе Толиб не мог. Не мог хотя бы потому, что уважал Едгорову и не мог поступить по отношению к ней непорядочно.

Впервые он стал думать о ней больше, чем обычно думают о товарищах по работе, после одного случая в учительской...

— Приветствуем вас, Толибджон. — Преподаватель русского языка Елена Васильевна обратилась к Толибу по-таджикски.

К ним подошла Едгорова и тихо поздоровалась с Толибом.

— Мы вчера вечером прочли вашу статью, — продолжала Елена Васильевна. — Нам понравилось. Очень. — Елена Васильевна владела таджикским языком прекрасно.

— Ну что вы... статья не такая уж хорошая, — скромно отвечал Толиб, чувствуя, что сказал не так, что в его голосе сквозит фальшивинка. Статья действительно не ахти какая, но в ней есть дельные мысли.

Едгорова приняла слова Толиба за чистую монету.

— Я тоже думаю, что статью следовало бы доработать, — сказала она, смущаясь. Вы считаете, что основной темой в творчестве Зебуниссо является пессимизм, жалобы на несчастную любовь. Это правильно? — Её неуверенный голос постепенно набирал твердость. — Я много читала Зебуниссо. И мне кажется, что в её стихах звучит жалоба несчастных женщин востока на свою судьбу. Иногда это даже не жалоба, а протест против феодальных порядков... Вот послушайте. — Едгорова прочла несколько байтов.

Статья была главой из книги, над которой теперь Толиб работал вместе с Обид-заде. Толиб дал рукопись Едгоровой и получил такие

дельные советы, которых меньше всего ожидал услышать от этой застенчивой девушки.

Так возникла дружба.

Однако она была прервана самым примитивным образом: Толиб вдруг заметил, что Едгорова стала чаще обращаться с различными просьбами не к нему, а к молодому учителю Нусрат-заде.

Потом Толиб видел их несколько раз вместе: то они были в кино, то стояли в парке...

Первую неделю Толиб грустил. Вторую он прилагал все усилия, чтобы избавиться от этой самой грусти. В третью он убедился, что разучиться грустить — невозможно.

Потом он встретил Рано. И лишь после этого стал замечать несколько необычные взгляды Едгоровой. Взгляды, которыми человек как бы говорит, что он о чем-то сожалеет, что он хочет, чтоб было не так, чтоб к нему относились иначе. Толиб попросту удирал от этих взглядов из учительской. Удирал он, разумеется, солидно, как и подобает педагогу: брал классный журнал, наглядные пособия, или таблицы спряжения глаголов и торжественно удалялся в полной уверенности, что никто ничего не замечает.

* * *

В это утро у Толиба не было первых уроков. Памятуя, что занятия гимнастикой здоровью не повредит, он присел два-три раза. В углу стояло ведро с мусором. Кровать не прибрана. Может, её следовало прибрать ещё до зарядки? На этот счёт радио дипломатично помалкивает и не проговорилось ещё ни разу.

По пути он забрал тяжелое ведро с мусором и отправился к водопроводу умываться.

— Товарищ Усманов! Заказное! Из Сталинабада!

У почтальона голос скрипучий, как у магнитофона, побывавшего в местной мастерской. Толиб наскоро обтерся холодной водой и отправился назад. Неприбранная постель подождёт. Письмо — интересно. Всё-таки целесообразнее, видимо, заправлять постель до зарядки. А то всякий раз попадают дела важнее и интереснее и неприбранная постель до самого обеда мозолит глаза.

«Дорогой Толибджон!»

Письмо от Шарапова. Пять страниц. Если всё это одни критические замечания, работы хватит на пять лет.

«...Мы предполагали обсудить вашу книгу в отделе, но, к сожалению, её у нас не оказалось. Рукопись находится у тов. Обид-заде. Нам стало известно, что т. т. Рустамов и Обид-заде прочли рукопись и высказали вам свои соображения. Но так как мы тоже ознакомились с рукописью, то, естественно, нам хотелось бы высказать о ней своё мнение. Очень жаль, что Вы ни разу больше не зашли в институт. Высылаем Вам свои замечания в письменном виде. Будем рады, если они принесут Вам пользу.

С уважением,

Зав. отделом литературы Шарапов.»

На первой странице рецензии Толиб прочел: «О книге Толиба Усманова «Из практики преподавания литературы в VIII—X классах».

«...Урок литературы должен наполнить страстные слова поэта живым духом жизни, возбудить у учеников любовь к поэту, веру в его идеалы. Только при таком условии изучение творчества поэта будет способствовать моральному совершенствованию учащихся, росту его знаний и расширению кругозора...»

Наполнить страстные слова поэта живым духом жизни... Что ж тут поделаешь? Каждый хочет казаться как можно умнее. Тех, кто по-

ступает наоборот, зовут — девона. Видимо, прав был Обид-заде, давая Шарапову нелестную характеристику: пустозвон, демагог. Достоинства некоторых людей заключаются в том, что при всех своих отрицательных качествах они умеют сохранять весьма учёный и деловой вид. Однако что же он всё-таки пишет?

Как ни странно, дальше пошли довольно дельные и, главное, меткие замечания. «Ну что ж, — подумал Толиб, — себя надо уважать. Поэтому я не назовусь самонадеянным дураком и зазнайкой... кстати, который теперь час?»

Пять минут до начала урока! Неприбранная постель. Несъеденный завтрак. Всё ясно: постель следует прибирать до утренней гимнастики. Во всяком случае — холостякам.

Глава третья

— В Сталинабад! Автобус идёт в Сталинабад!

В который уже раз едет туда Толиб.

Весна.

Гиссарская долина вся в цвету. Когда машина спускается со склона горы, долина видна, как на ладони, в бело-розовой кипении садов посреди серых полей, простроченных пунктирами недавно взшедшего хлопка.

На улице Путовского Толиб вышел из машины и сразу уже увидел Рано, нагруженную сумками, авоськами, сетками с картошкой. Уму непостижимо, как она умудрялась всё это тащить.

Каждый молодой мужчина хочет стать удалым джигитом и рыцарем при виде красивой девушки, и почти вся классическая литература одобряет это безусловно благородное движение мужской, алчущей подвигов, души.

Толиб предложил свои услуги, весьма некстати вспомнив кислую физиономию Обид-заде в то время, когда он, Толиб, помогал Рано сгребать снег. Интересно, какое лицо сделает шеф на этот раз?

Все эти мимолётные воспоминания не помешали Толибу энергично предлагать свою помощь. Рано, очевидно, тоже вспомнила нечто подобное и поэтому не менее энергично отказывалась. Они долго торговались, после чего Толиб нагрузился сумками и сетками с картошкой.

Они шли и весело болтали. «Ты мне нравишься, — вертелось всё время на языке у Толиба. — Ты очень славная девушка, Рано», — хотелось ему сказать, когда он засматривал на неё сбоку.

И вдруг ему захотелось забрать у Рано остальные сумки и нести их самому, а она чтобы шла так.

Рано остановилась:

— Спасибо, дальше я понесу сама...

Ага, значит помнит кислую мину своего дяди! Однако она разрешила Толибу нести свои авоськи, пока была уверена, что милый дядя их не увидит.

Значит?

Значит, между Рано и Толибом заключен негласный договор, который допускает иногда надувать дядю, пусть даже и самым невинным образом.

Но если Толибу в чём-то и везло, то и Обид-заде, видимо, родился не под несчастной звездой. Он стоял на углу перекрестка вместе с Рустамовым и ещё каким-то краснолицым и рыжим мужчиной и любовался, как Толиб обвешивал девушку сумками. Толиб тоже заметил их, но что он мог сделать, кроме разве того, чтобы передать Рано последнюю сетку? Не отбирать же у неё демонстра-

тивно всё назад. И так уж получилась «ситуация», как говорит Шариф-заде...

Рустамов смотрит лисой. Рыжий мужчина не смотрит никак — он зевает в кулак. Обид-заде улыбается особенно радостно, особенно приветливо:

— О, какими судьбами, друг мой! Весьма, весьма рад! Нет, я действительно чертовски рад вас видеть! Знакомьтесь: мой коллега — Толибджон Усманов. А это товарищ Хабибов — король магазинов... Какая удача! Идёмте с нами, будете моим гостем.

Увидев Толиба ореди гостей, Рано улыбнулась ему одному.

Её удивительные глаза на этот раз светились мягко, без огоньков, и в них было черным-черно от какой-то ласковой темноты.

— Неужели, Рано, я люблю вас? — закричал он. И оглянулся: неужели он действительно сказал это громко?

Нет, никто ничего не слышал. Услышала одна только Рано, потому что её глаза засияли ещё ярче, она застеснялась и ушла на кухню.

«Однако не слишком ли дядя злоупотребляет родственными чувствами, поручая все заботы по хозяйству племяннице и ничего не оставляя жене?» — подумал Толиб.

— Ну, как вы себя чувствуете, как идут дела? — спросил Обид-заде у Толиба и, не дожидаясь ответа, обратился к Рустамову: — У нас к вам просьба, домуллоджон. Мы скоро закончим нашу книгу. А уж редактирование возьмите на себя. Книга получилась добротная, времени много она у вас не займет.

— Домулло, нам ещё далеко до редактуры, — вмешался в разговор Толиб.

— О, я совершенно уверен, что книга хорошая, не обращая внимания на возражение Толиба, сказал Рустамов. — Эту книгу давно ждёт республика.

— А чтобы ускорить дело, мы просим вас взять на себя редактуру, — вежливо сказал Обид-заде.

— Я бы с удовольствием, но ведь вы знаете, как у меня мало времени, — скромничал Рустамов.

«И не только времени, — подумал Толиб. — Судя по вашей рукописи, которую мне подбросили, у вас, товарищ Рустамов, замечается недостаточность серого вещества в голове».

— Может быть, попросим товарища Шарапова? — сказал Толиб.

— Шарапову? Ни в коем случае! — взвился Рустамов. — Он вам испоганит рукопись.

— Тогда почему же отказываетесь вы? — подхватил Обид-заде. — Молчите? Ну, значит, всё в порядке: молчание — знак согласия. Мы благодарны вам заранее.

— Друзья! — прогрохотал бас Хабибова. — Дорогой мой Обид-заде! О делах надо говорить на работе. Давайте-ка я лучше вашего прекрасного приятеля, — Хабибов кивнул в сторону Рустамова, — обставлю разок в шахматы!

Хабибов засмеялся. А когда он это делал, его грохочущий смех принимал угрожающие размеры. Смеялся он почти после каждого слова и только изредка, видимо, для разнообразия, зевал. Здоровее и толще его трудно было найти во всём городе.

— Сначала лучше по стопочке, — предложил хозяин дома. — Как говорил поэт:

Сегодня, молодость приветствуя свою,
И наслаждаясь ей, вино я чашей пью,
Ты говоришь: не пей, ведь чаша та горька!
Но каждый день в себя я горечь жизни лью.

— Хайям! — засмеялся Хабибов, хлопнув себя по колену.— Угадал? Да и немудрено! Вы ведь читаете только рубаи Хайяма о вине, ха-ха-ха, хо-хо-хо, хе-хе-хе...

— Нальем и выпьем за поэта Хайяма и короля розничной торговли Хабибова,— засмеялся в тон ему Обид-заде, стараясь показать, что и он может вот так, запросто, сойти с научных неприступных вершин и даже ошибаться.

— И ещё за поэта, чьё рубаи я сейчас прочту,— пророкотал Хабибов.— Слушайте.

С хорошими людьми не ссорься, зол не будь,
А с дикими зверьями в компании не будь.
Богатством научись не хвастать — сдержан будь.
Рассудком не кичись — умен, но скромнен будь.

— Конечно же это Хайям,— заявил Обид-заде, окончательно спустившись на землю и разрешая себе это маленькое плутовство.

Пять минут оглушительного хохота. Потом:

— Ошиблись, джонам, это не Хайям!

— Рудаки?

Хабибову и в голову не пришло, что его дурачат. Табун локайских жеребцов ржет не так громко, как смеялся король магазинов.

— Неужели это Хафиз?

— Ну, ладно, возражать не стану! — расхохотался Хабибов снова, хлопнув по плечу хозяина дома.— Вы сахар кушаете, а мне во рту сладко. Выпьем за организатора этого праздника Обид-заде!

— Э-э, дорогой Хабибов, вы стали тонким знатком поэзии,— ввернул один из своих сомнительных комплиментов Рустамов. Теперь, когда он сидел, то снова стал похож на вешалку: чесучевый китель свисал с него совершенно свободно.

— Благодаря вам, благодаря вам,— Хабибов улыбнулся жирными губами.

— Очень приятно, очень приятно,— сказал Обид-заде. И сразу же после маленькой заминки: — Кстати, мой друг, моя жестокая повелительница узнала, что вы ожидаете ковры. Так ли это?

— Ха-ха-ха! Поразительно! Когда-то они ещё придут на базу, а весь город уже о них знает.— Хабибов попытался сообразить, каким образом тайна перестала быть тайной и под тяжестью раздумья зевнул, зажимая пасть огромной ладонью.

— И не говорите, мой друг! Я порой сам удивляюсь. Змея под землёй проползёт, а жена услышит.

— Ладно, скажите вашей повелительнице, чтобы она не волновалась. Разве я могу отказать своим друзьям в такой малости?

Обид-заде вздохнул, давая понять, какой тяжелый груз снят с его сердца. Он налил еще по стопке и как бы между прочим сказал, обращаясь к Рустамову:

— Дододжон, вы ведь знаете Махмадтолиба. Парень серьёзный и дельный, а работает рядовым преподавателем. У вас нет никаких соображений по этому поводу?

— Разумеется, разумеется, домулло! Мы уже об этом подумали. Да и у вас в министерстве, я слышал, существует мнение, что директор школы... его фамилия... Как бы вам сказать... кажется Шариф-заде. Ну да, разумеется, его фамилия Шариф-заде. В общем, у него слабая теоретическая подготовка.

— Вы в этом уверены? — заволновался Толиб.

— Разумеется.

— Во всяком случае,— вмешался Обид-заде, холодно взглянув на Толиба,— мы обязаны выдвигать способную молодежь. Не спешите отказываться. Уж не склонны ли вы думать, что мы собираемся уб-

рать с директорского поста Шариф-заде? Убрать его только потому, что хотим поставить на его место вас? Вы заблуждаетесь!

Толиб почувствовал, что его высекли.

— Нет, Вободжан,— примирительно сказал Рустамов.— У меня есть, знаете ли, более интересное предложение. Мы здесь, товарищ Усманов, разумеется, ваши искренние друзья... Так вот, существует, знаете ли, мнение о переводе товарища Шарапова на другую работу. Он, знаете ли, плохо справляется. Что бы вы сказали, если бы это место предложили вам?

Но Толиб уже успел оправиться от первого щелчка и не дал стукнуть себя во второй раз:

— Что бы я сделал? Для начала я бы постарался узнать, кто эти люди, у которых так много мнений.

Шутка была плохонькая, но вино сделало своё дело: её приняли. Хабибов захохотал, а за ним и все остальные.

Принесли шахматы.

— Шах... Ещё шах!— свирепствовал Рустамов.— Видите ли, дела у вас, дорогой товарищ Хабибов, далеко не блестящие. Разумеется, вы напрасно высказывали такое высокое мнение о своей игре до того, как сесть за доску. Сдавайтесь!

— Не поднимайте пыли перед стадом,— бодро басил певец розничной торговли.— Не робкого десятка. Пока корень в воде, есть надежды на плоды. Нас, брат, одной пешкой не испугаешь.

— Выпьём-ка, Толибджон, вместе, пока они сражаются,— Обидзаде налил Толибу вина.— Выпьём хотя бы за окончание работы над книгой.

— Разве над книгой не нужно ещё много работать? Шарапов дал много дельных замечаний, над которыми следует подумать.

— Шарапов дал вам дельные замечания? Пустяки! Мой милый, наивный Толибджон, как вы еще плохо знаете людей! Вот так же, как внешность его обманчива, так и замечания, которые он сделал. Убежден, что они дилетантские.

— Домулло, Шарапов дал мне целый список нужных статей и книг. Список случайно оказался со мной.

Просмотрев список, Обидзаде поморщился:

— Так я и знал! Тонкий расчёт. Он понимает, что для него невыгодно остаться в стороне. Книга, возможно, вызовет толки, её могут положительно оценить. И тогда Шарапов скажет: я тоже помогал автору, я советовал, я писал рецензии, я пахал, одним словом. К тому же я не уверен, что отзыв писал он. Скорее всего, это работа Рахмата Саиди. Вот действительно знающий человек. Шарапов не дурак, он ловко умеет его использовать.

Имя Рахмата Саиди было Толибу хорошо известно. Оно стояло рядом с именем профессора Нуралиева на обложке двухтомного учебника «Родная литература», его статьи часто печатались на страницах газет и журналов. И хотя стиль этих статей Толибу не очень нравился, тем не менее в них всегда можно было найти интересные, свежие мысли. Так что у Толиба не было основания не верить Обидзаде.

— Шарапов,— продолжал тем временем Обидзаде,— человек нечестный, карьерист. Эх, молодой человек, молодой человек! Вы еще в этом сами убедитесь.

Глава четвертая

Занятия в школе подходили к концу, и Толиб всё чаще стал бывать у Обидзаде. До наступления жары нужно было завершить работу над рукописью.

Несколько раз Толиб навещал Шарапова в больнице. И против

своей воли он все больше привязывался к этому человеку. Оба: Шарапов и Обид-заде утверждали различные вещи и весьма неодобрительно отзывались друг о друге. Но, силою обстоятельств, приходилось иметь дело с тем и другим, что очень усложняло положение Толиба. Иногда ему казалось даже, что вокруг его работы, которую он теперь пишет вместе с Обид-заде, и вокруг Шарапова досужие люди организовали нечто вроде танца огнепоклонников — танца хотя и древнего, но непонятного: было неясно, чего, в конце концов, хотят все эти плясуны?

Вот он, молодой автор Толиб Усманов, сидит в прохладном кабинете Обид-заде. Слов нет, соавтор порой выбрасывает такие сложные па, фигуры его танца до того замысловаты, что их ни в коем случае не следует понимать в буквальном смысле.

А вот Шарапов. Он похудел, осунулся, но глаза его по-прежнему весело блестят. Шарапов полон планов, мыслей. Толибу это нравится. У Шарапова с Обид-заде и Рустамовым старые нелады, но он не может выбрать ту или другую сторону. Ему хочется даже, чтобы все они стали друзьями. Что им, собственно, делить?

...Обид-заде сидел с той стороны стола, рукой достать можно. Толиб смотрел на него и думал о том, что шеф всё же делает ошибку, усиленно выставляя Шарапова в чёрном цвете. Нельзя человека всё время тянуть за рукав и приговаривать: «Пойдем со мной, пойдем со мной...» Человек, даже самый покладистый, упрется в конце концов и скажет: «Да оставьте вы меня в покое, наконец!»

Что-то подобное испытывал сейчас и Толиб.

Шарапов, тот никогда не позволял себе прямых выпадов против Рустамова или Обид-заде. Он не стеснялся опровергать их мнения, и не скрывал, что не уважает своих противников, но с едкими и злыми эпитетами обращался очень осторожно. Его неприязнь была ничуть не слабее той, которую питал к Шарапову Обид-заде, и всё же он держался как-то ровнее, спокойнее, проще.

Толиб это хорошо видел и понимал. Его дружба с Шараповым крепла тем сильнее, чем чаще Толиб виделся с Обид-заде. Почему это происходило, Толиб не мог бы объяснить толком. Может оттого, что Обид-заде слишком уж не прост, а Шарапов, наоборот, весь на виду.

Однажды, придя к Шарапову в больницу, Толиб застал там Рахмата Саиди. Шарапов сидел злой, насупленный, но его злость выглядела скорее комичной или даже жалкой — до того он был бледен и худ. Перед ним стоял Саиди — как всегда расстроенный и с опущенной головой.

Толиб передал свёрток — одну из тех незатейливых передач, которым почти всегда радуются больные, так как они собраны неумелыми руками и собраны от души. Надо было уходить, чтобы не стать свидетелем неприятного разговора.

— Нет, нет, останьтесь! — удержал Толиба Шарапов. — Вы только послушайте, что говорит этот человек! Садитесь, Рахмат-ака, что вы стоите! Понимаете, Толибджон, Рахмат-ака говорит, будто я только то и делаю, чтобы нарываться на неприятности. Не понимаю, Рахмат-ака, чего вы так боитесь? Ваше толстовское непротивленчество привело к тому, что некоторые предприимчивые люди не только делят с вами плоды ваших трудов, но и частенько присваивают их себе. Да, да, не делайте наивного лица. А Рустамов, работы которого вы «редактируете»? Может, скажете, что не вы написали пособие по литературе для шестых классов? Так почему же на обложке стоят две фамилии? — помолчав, он сказал с грустью: — Не слишком ли много развелось в последнее время соавторов? А разве не то же самое произошло и с профессором Нуралиевым, этой окаменелой древностью, пенсионером от науки? Вы, вы написали за него книгу!

— Вы говорите, что я защищаю Рустамова, — отбивался Саиди. — Я не его защищаю, я о вас забочусь. Если бы будете так держаться, вас выживут, поставят на отдел своего человека...

— Значит, по-вашему, надо молчать?

— Может быть, и молчать, — сказал Саиди. — Кроме вас есть ещё и повыше начальство, оно кое-что понимает и придёт время — разберется...

Саиди, как всегда, уставился в землю.

Шарапов безнадежно махнул рукой...

— В плане стоит обсуждение работы Ниязова, что нам делать? — Саиди бросил короткий взгляд на Шарапова и торопливо опустил голову. — Это его первая работа. И — слабая. Юноша он самолюбивый. Не отложить ли обсуждение до вашего прихода?

Шарапов задумался.

— Работа Ниязова действительно слабая, — сказал он, помолчав. — Парень он действительно самолюбивый, но талантливый. Важно, чтобы он не потерял веру в себя. Именно с самоуверенными молодыми людьми это чаще всего и случается.

— рта никому не заткнешь.

— Кто это говорил, что суровая критика не может погубить настоящий и сильный талант? Ничего вашему Ниязову не сделается.

Обсудив все дела, Саиди ушёл. Толиб остался, и они долго беседовали с Шараповым. Разговор шел обо всём понемногу, и не сказать, что какие-то истины открылись в результате этого разговора Толибу. И всё же после неторопливой беседы на больничной скамейке у него осталось ощущение то ли ласкового вечера, проведённого с хорошим приятелем, то ли еще чего-то...

Обид-заде не такой. Он и гостеприимный, он и приветливый, но что-то в немстораживает, заставляет постоянно остерегаться. Что именно — Толиб хорошо не знал.

Вот он сидит — соавтор и хозяин кабинета. Молчит. Почти утонул в мягком кресле и молчит. Толиб давно уже успел прочитать первую, готовую главу и теперь ждет, что скажет Обид-заде. Главу надо оговорить в последний раз, чтобы больше к ней не возвращаться. Толиб выжидающе смотрит на гладкий лоб своего шефа и соавтора.

Наконец, Обид-заде протянул руку и взял одну из черновых глав. Читал он не торопясь, с частыми остановками и на полях ставил разные знаки: вопросительные, восклицательные, вопросительный и восклицательный сразу, оба вместе, и, наконец, просто птички.

Ну, что ж... пусть читает. Толиб не будет ему мешать. Кажется, Обид-заде просматривает главу, в которой говорится о чтении стихов на уроках литературы.

Толиб ещё с восьмого класса запомнил подругу своей бабушки — Бибиойшу. Бибиойша, приветливая и немного властная старуха, слабилась приятным голосом и чтением классических стихов. Иногда она приносила какую-то книгу и читала её вслух. Собирались соседки, садились в кружок и благоговейно слушали.

Однажды Бибиойша застала Толиба за чтением Хафиза Шерози. Старуха заинтересовалась книгой, взяла её, но не смогла одолеть новый алфавит и вернула назад:

— Прочти, сынок, сам, не привычна я к новым буквам.

Он стал читать так, как учили в школе: чётко и с выражением. Ему хотелось заслужить одобрение знаменитой Бибиойши. Толиб едва успел разойтись, голос его едва окреп и тут бы как раз показать свое умение, но старуха не вытерпела и тоже стала читать — наизусть. Её приятный голос заглушал голос Толиба. Бибиойша не читала стихи, а пела. Газель зазвучала вдруг, как песня, да это и

была песня — песня сердца, которому и больно, и радостно, которое любит и ненавидит. Толиб закрыл книгу.

— Ты тоже читай,— сказала Бибиойша властно.— Почему замолчал?

— Я не умею так,— смутился Толиб.

— Читай вместе со мной, научишься.

Толиб несмело присоединился к её голосу. Бросив шитье, мать с доброй улыбкой смотрела на них. Голос Толиба, сам по себе не очень звучный и срывающийся, вместе с певучим голосом Бибиойши зазвучал красивее и гуще.

Когда увидишь ты куст розы в цветнике,
Знай: тьма шипов таит угрозы в цветнике,
А если в цветнике таится тьма шипов,
Куст розы в нем ищи — он здесь, недалеко.

С того вечера Толиб начал учиться петь стихи. Ему это больше нравилось.

Помнится, уже став учителем, он долго колебался, прежде чем спеть в классе стихи, всё поглядывал на двери и окна — плотно ли закрыты. И не мог решиться. Вот если бы здесь была Бибиойша, та бы спела без всякого стеснения, она умела это делать просто. На мгновение ему показалось, что Бибиойша действительно оказалась рядом, у него прибавилось смелости, и он запел:

Когда увидишь ты куст розы в цветнике,
Знай: тьма шипов таит угрозы в цветнике,
А если в цветнике таится тьма шипов,
Куст розы в нем ищи — он здесь, недалеко.

— А теперь давайте все вместе! Таджикские стихи отличаются певучестью,— сказал он,— поэтому их не принято было читать, стихи пелись, особенно газели Хафиза.

Класс молчал. Раздалось несколько неуверенных голосов, потом и они смолкли.

— Рахматуллаев, Сафаров! У вас же хороший голос, начинайте!

Рахматуллаев и Сафаров стали подпевать, но у них получилось неважно, и вскоре они смущенно замолчали. Кто-то хихикнул в углу.

Неожиданно выискались другие смельчаки, у них получилось, и весь класс присоединился к голосу учителя. Пение ребятам понравилось и они стали петь так громко, что Толибу пришлось ещё раз проверить, хорошо ли закрыты двери и окна...

... Толиб не заметил, как Обид-заде кончил чтение.

— Эту главу следовало бы немного сократить, здесь много лишнего.

Толиб насторожился.

— Вот здесь вы пишете,— Обид-заде повертел в воздухе страницей, на полях которой стоял восклицательный знак,— что ритмика таджикского стиха мелодична, поэтому в прошлом стихи пелись. Этот способ исполнения, разумеется, должен показать сам учитель.— На губах соавтора — сожалеющая улыбка.— Надеюсь, вы не хотите этим сказать, что учитель родного языка и литературы должен выполнять роль преподавателя пения.— Обид-заде сощурился.— Каждый урок имеет свою определённую цель. И все методические приёмы должны служить осуществлению этой цели, но ни в коем случае не отвлекать от неё. А пение стихов, по-моему, будет отвлекать учащихся от основной задачи.

— Но зато такой урок можно сделать увлекательным,— возразил Толиб.

Обид-заде, не обращая на него внимания, стал листать рукопись и извлек лист, на полях которого стояли знаки вопроса и восклицания.

— «Неясные и неизвестные факты в биографиях прошлых поэтов преподаватель должен дополнять своими впечатлениями, домыслами, основывающимися на творчестве поэта». Это глубоко неверно, преподаватель не имеет права фантазировать, не имеет права ошибаться.

— Домулло, ведь биографии многих поэтов прошлого, даже Хафиза, во многом не известны. Преподаватель может, основываясь на стихах поэта, проследить его биографию условно, приблизительно.

— Преподаватель не может прибегать к фальсификации!— Обид-заде едва не стукнул кулаком по столу.—И притом, дорогой мой соавтор, давайте проследим язык нашей работы. «Стихи великих таджикских поэтов, подобно глубоким и чистым горным источникам, вызывают в читателе чувство волнения и восхищения, поражают своей образной ясностью и точностью слова». Какая торжественность! Какая поэзия! И это называется научным языком! Вы — поэт, Махмадтолиб. Научные работы исключают такой стиль. Или, может, вы хотите произвести революцию и показать всему миру, что даже определение глагола можно изложить в виде газели?

Ага, соавтор начинает царапаться! Надо выпускать ответные коготки, не то останешься в накладе.

— Вы уверены, что мне по плечу эта задача, домулло? Я, признаться, был о себе более скромного мнения. Многие, так называемые академические статьи написаны в старомодной манере, со множеством арабизмов. Это ученость мнимая.

Обид-заде не слушал. Он методически, с каким-то ожесточенным равнодушием перечёркивал крест-накрест те места в работе, которые ему не нравились. Слышно было, как скрепит перо. «Топор, топор возьми,— подумал Толиб,— легче рубить будет».

Вдруг голова шефа повернулась к двери. Его толстая белая шея надменно высунулась из воротника зелёной пижамы.

— Рано!

Итак — передышка. Милый дяденька всегда вызывает свою племянницу, когда атмосфера в кабинете чересчур накаляется. Впрочем, если атмосфера накаляется не по вине Толиба, а по вине кого-нибудь другого, племянницу оставляют в покое. Обид-заде давно раскусил своего соавтора и умеет пользоваться его слабостью.

— Пусть идет хоть десять племянниц!— сказал себе Толиб.— Я останусь твердым, как скала.

Вошла Рано.

— Доченька, наш друг Махмадтолиб написал такую уйму, что и сам устал, и меня уморил... если бы ты организовала для нас крепкого чаю, наш гость был бы тебе благодарен.

Когда Толиб здесь, Обид-заде всегда просит чай от его имени. Он стал это делать после того, как он однажды застал Толиба за обычным шефским занятием: Толиб помогал девушке выбивать ковёр. Когда Толиб встречался с Рано, она, как правило, всегда была занята каким-нибудь делом, которое требовало мужской помощи.

— Чай готов,— сказала Рано,— улыбаясь Толибу и стараясь сделать это незаметно.

Толиб немедленно расплылся в широченной улыбке. Он вообще не мог не улыбаться, когда улыбалась Рано, хотя знал, какое удовольствие это доставит хозяину дома и как он будет ликовать и прятать в углах губ коварную улыбку.

Как-то, тихим воскресным вечером Толиб явился в тот момент, когда Обид-заде собрался в гости.

— Входите, Махмадтолиб, входите. Сегодня я не работаю. Вы меня так крепко засадили за письменный стол, что и дохнуть неког-

да. Иду к Халибову в гости. Извините, что срываю наше деловое свидание. Поработайте сами — библиотека в вашем полном распоряжении. Я скажу Рано, чтобы она вас напоила и накормила. Она сегодня испекла самбусу, а готовит она её чудо как вкусно.

И с этими словами Обид-заде выбрался из кабинета, оставив после себя стойкий запах одеколона.

На столе появился чай.

— Напрасно бы беспокоитесь, Рано.

— Дядя велели напоить вас чаем.

— Он действительно ваш дядя?

— Нет.

— Кем же он вам приходится?

— Он дальний родственник моего отца.

— Откуда же вы сами, как попали в этот дом, где ваши родные? — Толиб забросал девушку вопросами.

История Рано оказалось простой.

Она родилась в далёком и глухом горном кишлаке, где металась по ущелью, с ревом билась в каменные берега горная речка. Кишлак — родина Рано — сиротливо приткнулся к каменной груди горы высоко-высоко, где-то возле самого неба.

Отец погиб на фронте во время Отечественной войны, мать осталась одна. Согласно обычаю, она распустила свои черные косы, билась головой о стенку и пела скорбные песни — тоже согласно обычаю. Потом досужие соседки, опять же согласно обычаю, уговорили её выйти замуж. «Люди не должны быть одинокими», — сказала в свое оправдание мать маленькой Рано, и девочка поняла, что эти слова тоже не принадлежат ей.

Потом мать умерла.

— Так велел аллах, — сказали соседи.

Отчим недолго жил один — женился. У них не было больше детей, и мачеха привязалась к Рано, как к родной дочери.

Так бы и прожила Рано свою жизнь в горах вместе с птицами, если бы в один прекрасный день в их кишлак не приехал в сопровождении всего местного начальства хорошо одетый, представительный мужчина. Он назвал Рано племянницей и пожелал забрать её в город.

Рано впервые видела своего дядю. Как она узнала впоследствии, этот дядя оказался каким-то дальним родственником отцу, в общем, — десятая вода в киселе. В подтверждение своего родства дядя вспомнил даже такую подробность: однажды он вместе с отцом ловил куропаток. Всё это почему-то так умилило окружающих, а дядя выглядел столь важно и внушительно, что было решено: отдать девочку дяде, пусть он её воспитывает и доведёт до дела.

И вот с тех пор она здесь, в этом доме, среди яблонь и виноградных лоз, среди холодильников и ковров.

Что она делает?

Моет пол, ходит на базар, готовит обеды и ужины. За это тетя отдаёт ей свои поношенные платья. Некоторые из них почти новые, они просто вышли из моды, поэтому тетя их и отдаёт.

Учится ли она?

Нет, не учится, потому что тетя считает, что учёба — не для девушек.

А дядя? Какого мнения держится он на этот счет?

Дядя ничего не говорит.

Вскоре выяснилось также, что и сама Рано довольно туманно представляет своё будущее и целиком полагается в этом вопросе на авторитет тётки.

Нужно учиться?

Она прекрасно знает, что учиться действительно нужно. Но как это сделать? Легко сказать...

Наступили летние каникулы. Толиб незаметно для Рано «организовал» ей несколько встреч с Едгоровой и Еленой Васильевной.

Вскоре он убедился, что тётка перестала быть для Рано чем-то вроде индийского Будды.

Глава пятая

Толиб и Обид-заде кончили работу над книгой, выправили последний экземпляр с машинки и передали его редактору.

— Получилось больше восемнадцати печатных листов, — сказал Обид-заде довольный. — Хорошо поработали! Рустамов её быстро отредактирует, а мы предложим печатать книгу наравне с учебниками. Так что через месяц, мой юный друг, вы увидите плоды наших трудов своими глазами... на радость друзьям и на огорчение врагам. Так-то... — Обид-заде помолчал счастливо и продолжал: — Да, хорошо поработали, теперь и отдохнуть не грех. Думаю поехать в Крым и предлагаю вам сделать то же самое. Путёвку беру на себя. Согласны?

Но Толиб не чувствовал усталости, он был полон творческих замыслов.

— Спасибо, — благодарно улыбнулся он в ответ, — я хочу в каникулы засесть за новую монографию. Ориентировочно назовем её — о приближении практики преподавания литературы к жизни. Дело в том, что мы преподаем порой весьма далеко от практики, от жизни. Учащиеся, выйдя из стен школы, не всегда могут написать даже заметку в газету.

— Вот как! — раздумчиво сказал Обид-заде. — Интересно. А скажите, если не секрет, тему вам случайно не Шарапов ли подсказал?

— Шарапов, а что?

— Кстати, мне до сих пор не ясны мотивы вашего отказа редактировать рукопись Рустамова. Весьма сожалею, но в его лице вы потеряли сильного и влиятельного доброжелателя.

— Мотив один — работа написана левой ногой.

— М-м-да...

— Автор сам должен работать над своей книгой. Не слишком ли много развелось авторов, за которых должны писать другие?

— И всё же в книге Рустамова очень нуждаются учителя, согласитесь. Ну, а если мы поставим вас соавтором? Поручите это дело мне, я думаю, Рустамов согласится.

— Вы меня не так поняли, домулло.

— Подумайте хорошенько, прежде чем ответить.

— Уже подумал. Книга Рустамова никуда не годится.

— Батюшки, но зачем же такие опрометчивые суждения? Вы неосторожны, Махмадтолиб.

— Что же делать, придётся нам, видно, лишиться благословенного расположения домулло Рустамова и свернуть дастархан нашего бренного существования, — усмехнулся Толиб.

— На этом вашем поэтическом дастархане нет ничего, кроме черствой лепёшки.

— Зато чёрствый хлеб, говорят, священен. — Толиб даже развеселился. — Кроме того, чёрствый хлеб полезен, от него зубы не портятся.

— Однако без острых зубов его не разгрызешь.

— Домулло, зачем вы ставите себя на одну доску с Рустамовым, ведь вы совсем другой человек...

— Что я за человек, судить не вам. И вообще вы ещё молоды, чтобы так разговаривать.

— Причём здесь молодость? Я просто делюсь с вами от чистого сердца.

На лице Обид-заде не улыбка — кислятина.

— Курица кудахчет тоже от всего сердца.

— Зато кудахчет она не зря, — разозлился Толиб, — глядишь, и яйцо снесёт, а вот такие, как Рустамов, кудахчут, а яиц не несут.

Толиб вышел от шефа сердитый и растерянный. Ответил он, конечно, не очень скромно, да ведь и Обид-заде говорил с ним так оскорбительно, что ему ничего другого не оставалось.

На улице он попытался привести в порядок свои мысли. Вспомнился разговор в доме Обид-заде. «В ближайшее время мы освободим Шариф-заде... гм... мы, разумеется, считаем вашу кандидатуру, товарищ Усманов, наиболее подходящей». Потом возникла необходимость переписывать безграмотную книжку Рустамова. Аллах великий, с какой затаённой угрозой встретили они неожиданный отказ! «Не наш, говорили их глаза, ты не наш, ну и проваливай ко всем чертям!» Неужели он, Толиб, пошёл по неправильному пути и нужно сворачивать на другую дорогу? Между прочим, нужно предупредить Шариф-заде. Толиб знает его давно и ничего плохого сказать о нём не может. Они работали в одном коллективе не один год и за это время если и не сдружились, то как-то притёрлись друг к другу, а такая привычка порой значит даже больше, чем дружба.

Собственно, кто такой Шариф-заде? Что он за человек?

Задав себе этот вопрос, Толиб почему-то вспомнил траву. Самую обыкновенную траву. Бывает же такое. В тот год по берегам ручьев и рек, по краям хлопковых участков, у залитых водой рисовых полей бурно разрослись дикие травы. Склоны гор были усыпаны мелкими коллечками, засохшими цветами и жёлтыми листьями. Ветер сдувал их вниз, в долину, наметая целые кучи, а потом растаскивал по ямам и арыкам. Дикая базилика и имбирь развеяли по ветру свой дурманящий аромат и ничего не оставили к осени. Только живучие кусты янтака и кавара преспокойно купались в жгучих лучах солнца — им всё нипочём.

Уже тронуты желтизной осени поздние яблоки. На бахче лежат сизые арбузы. Плети повяли и слились с землёй, поэтому арбузы видны далеко-далеко, до самого конца бахчи, их много, их очень много — значит, щедра здесь земля и счастлива рука человека, пускающая воду по бороздкам.

Просыпаясь каждое утро, Толиб видел в зеркале свое счастливое лицо и верил, что оно не врёт. У него весёлые, немного навывкате, карие глаза; так оно, наверное, и должно быть. У Толиба должны быть именно такие глаза. Брови — самые обыкновенные, брови как брови. Немного вытосы волосы. Это хорошо и плохо: без конца ломаются расчёски. А в общем, Толиб согласен с природой, создавшей его именно таким, а не каким-либо другим.

Хотелось что-то делать. Куда-то шагать. Или, в крайнем случае, петь песни. При том музыкальном слухе, которым обладал Толиб, целесообразнее петь их в комнате, одному, плотно закрыв двери.

В пришкольном саду тянулись к солнцу молоденькие яблони, вишни и груши. В огороде начинала увядать ботва поздней картошки и моркови. Скоро надо будет срезать капусту. Только куда её девать? В школе нет столовой.

— Муаллим, эту айву посадили с Муяссарой мы!

— Расхвасталась! Наша яблоня выше, мы и то с Хашимом молчим.

Муаллим Усманов проходит дальше, раздумывая о своем.

Шариф-заде появился в школе всего два года назад, когда все учителя писали планы на первое полугодие.

— Здравствуйте, товарищи... Скажите, где я могу найти директора?

В дверях стоял невысокий, плотный мужчина лет сорока. Бритая голова, борода, усы и глубоко запавшие, но живые глаза. Новый? Из далёкого горного кишлака? Историк и географ?

Учителя — народ любознательный. И гостеприимный:

— Подождите, он скоро будет. Школе как раз требуется историк. Как у вас с квартирой?..

И снова — планы, планы, планы, погоня за завучем, педсоветы, проверка осенних работ (будь они неладны, эти второгодники).

Новый преподаватель оказался очень милым человеком и прекрасным педагогом. По выходным дням он гулял с сыном и дочерью за парком. Сына звали — Хуршед, а дочь — Джамиля. Хуршед — девятиклассник; Джамиля — семиклассница. Они учились в тех группах, где вёл литературу Толиб. В этих же классах вёл историю и Шариф-заде.

— Ну и ситуация! — говорил он, вытирая высокий лоб цветным платком. — Педагог не должен учить собственных детей.

Шариф-заде любил сидеть в учительской, водрузив на нос очки и обложившись газетами и журналами. Читал он всегда в очках, а, разговаривая с коллегами или учениками, смотрел поверх окуляров. Очки никогда не снимались. Оставалось загадкой, почему Шариф-заде появился в первый раз в школе без очков.

Шариф-заде почему-то с первых же дней стал симпатизировать Толибу и вскоре придумал весьма надежный способ его расхваливать.

— Вот скажите, — говорил он, извлекая из кучи нужный журнал, — вы, конечно, читали эту статью...

Пересказав статью, так что даже самый непосвященный человек уже не мог отказать, что не знает её, Шариф-заде спрашивал:

— Ну, и какое у вас мнение по этому поводу?

Он любил также говорить шёпотом, напустив на себя таинственный вид:

— Вы знаете, джонам, мне известен один казиф, замечательный мастер, настоящий артист. Вы бы послушали только, как он поёт сказание о Рустаме и Сухрабе, или о Гурзаде и Авазе. — Какой у него голос! Не голос — целый клад. Звать его Сангин, он сам из кишлака Тали-канда. Пригласить бы его в школу и устроить вечер. Он спел бы ребятам, а вы рассказали бы о народных достоинах. Что вы на это скажете? Согласны? Или поручить лучше вступительное слово Едгоровой?

Все были уверены, что Шариф-заде — один из тех славных людей, которые неплохо знают свое дело, никому не грубят, не вредят и с которым работать одно удовольствие, пока не произошёл один случай, заставивший думать об учителе истории иначе.

Шёл педсовет. Директор Садыков стоял за кафедрой, сердито хмурил брови и ледяным голосом распекал классных руководителей:

— К сожалению, я вынужден признать, что классные руководители не наладили связь с родителями, пустили это важное и ответственное дело на самотёк. Долг классного руководителя, — знать, чем живет каждый ученик его класса...

Во время речей директора Толибу нестерпимо хотелось спать.

Помнится, после окончания пединститута, Толиб впервые предстал пред грозные директорские очи и выслушал с надлежащим вни-

манием и почтением следующий строгий, внушительный и непрерываемый педагогический совет:

— Помните, молодой человек: самое важное в школе — это дисциплина и порядок. Вам, молодому педагогу, это особенно следует помнить. С первых же дней держите класс в руках! Не допускайте никаких послаблений, никаких вольностей! Строжайше требуйте соблюдения порядка, нарушителей наказывайте без всякого снисхождения, не давайте поблажки. Где поблажка, там, глядишь, и панибратство. Помните, наша школа по дисциплине является в районе показательной... и я требую от учителей, в первую очередь от самих учителей, строжайшей дисциплины и самообладания. Каждый педагог является основой порядка!

Толиб не возражал, он искренне хотел как можно скорее стать основой порядка, однако представлял себе пути к практическому осуществлению директорского внушения весьма туманно. А потом, со временем, его организм выработал против директорских речей довольно стойкий иммунитет: Толиб стал зевать...

Наконец директор-громовержец кончил свою блистательную речь, выкатился из-за кафедры и сел в позе судебного обвинителя.

На смену ему поднялся Шариф-заде.

Этот начал безо всяких предисловий.

— В школе, где я раньше работал, учились два паренька. Один в восьмом классе, другой в девятом. Оба — сыновья колхозника Сангибая. Старший был спокойный мальчик, хорошего поведения. Младший — озорник. Оба обладали прекрасной памятью, хорошо учились, но вдруг, совсем неожиданно, стали пропускать уроки, против их фамилий в классном журнале всё чаще и чаще стали появляться двойки.

Захожу к Сангибаю выяснить причину.

— Семья большая, — объясняет он. — Работаю один. Эти двое старшие, а остальные — мал-мала меньше. Если ребята не будут мне помогать, мой дом очень скоро развалится.

Сангибай не понимал, что ребята должны не только месить глину, но и готовить уроки. Мы сидели в большой светлой комнате с деревянным полом, хозяин рассказывал:

— «Раньше у нас, домullo, была совсем маленькая и тёмная мехмонхона, даже перед гостями стыдно было, а теперь мы отстроили новую. Сыновья подрастают, не успеешь оглянуться, надо будет их женить.

Когда накрыли дастархан, Сангибай услад сыновей в женскую половину. Однако я попросил, чтобы они были с нами. Отец удивился, но возражать не стал.

За ужином я устроил ребятам небольшой экзамен. Задавал лёгкие вопросы, потом потруднее. Ребята отвечали сначала прекрасно, потом стали путать. Я проанализировал их ответы — специально для отца.

Сангибай вступился за сыновей.

— Если все будут учёными, — сказал он, — то кто же станет пахать и скот пасты? Не обязательно быть профессором, теперь и простой колхозник может жить не хуже.

В общем, сыновья Сангибая сейчас учатся в Сталинабаде, каждое лето приезжают в кишлак на каникулы и отец не нарадуется ими.

Шариф-заде помолчал. Потом спокойненько, не спеша, стал говорить о недостатках в работе школы; он перечислял их с точностью главного бухгалтеря: говорил о низкой успеваемости учащихся и слабом использовании наглядных пособий на уроках, о формализме в работе пионерской и комсомольской организаций школы, о вне-

классной работе и даже о том, кто сколько книг взял за последний месяц в библиотеке...

Педсовет достиг своего высшего накала. Кто-то выступил против, кто-то — за. Слово взял завуч Бахроми.

Бахроми говорит медленно и басом; белки глаз на его чёрном лице угрожающе сверкают, как у Отелло, когда он спрашивает: «Моллилась ли ты на ночь, Дездемона?» Бахроми любит также сидеть в чайхане, играть в шахматы, рассказывать нескончаемые истории о подвигах в годы борьбы с басмачами и о своей дружбе с руководителями районного масштаба. Бахроми любит сопровождать директора Садыкова во время обхода классов, ходить с ним на уроки и сидеть в его кресле.

По словам Бахроми, Шариф-заде был человеком корыстным, всё его выступление пронизано нездоровыми настроениями. Шариф-заде очернил и оклеветал... Шариф-заде подтасовал факты и подговорил легковёрных учителей... Шариф-задеводит на нет усилия всего педколлектива и директора школы, который назначен на эту работу вышестоящими инстанциями... Следовательно, Шариф-заде тем самым порочит и эти вышестоящие инстанции... Шариф-заде такой, Шариф-заде саякой, Шариф-заде разэтакий...

Слова лились водопадом, в котором, по расчётам Бахроми, должен был захлебнуться такой-сякой Шариф-заде.

— Неужели вы считаете, что я из тех, кто оставляет удар без ответа? — многозначительно сказал после педсовета Садыков.

— Я вам советую поставить об этом в известность лично секретаря райкома товарища Ақобирова, — подсказал директору Бахроми.

— Шариф-заде, вы сеете в коллективе смуту, — сказал Садыков.

— О вашем недостойном педагога поведении скоро узнает весь район, — откликнулся Бахроми.

Всё встало на свои места. Всем было известно, что у директора школы Садыкова дружеские отношения с секретарём райкома партии Ақобировым. Некоторые уже заранее сочувствовали Шариф-заде.

Но случилось иначе.

Садыкова неожиданно сняли с директорского поста. На его место назначили... Шариф-заде. Бахроми моментально перестроился и стал ниже травы, тише воды...

Шариф-заде серьёзно взялся за перестройку работы в школе.

— Вы только посмотрите, какая получается ситуация, — говорил он. — Пришкольные мастерские должны быть большие, вместительные. Надо заранее распланировать места для станков и здания для столярного, слесарного и токарного цехов. В каком-нибудь колхозе мы выпросим трактор. Как вы полагаете, раис Уразалиев не жаден? Даст трактор? Вы не помните, какого председателя в шутку называли Кори Ишкамба? Самое главное — не наткнуться именно на него...

Шариф-заде занимал отдельную двухкомнатную квартиру в трехэтажном доме, какие только что стали строить в районе. Первая, самая большая комната, служила столовой, приёмной и кабинетом одновременно.

Письменный стол, заставленный книгами. Радиоприёмник «Минск», резной сундук, несколько стеллажей и большое, во всю стену, сюзане — вот и вся обстановка. Красивым сюзане все очень гордились. Его вышпила мать Шариф-заде и подарила своей невестке.

Во второй комнате занимались Хуршед и Джамилия.

— Вот ю вонт ту би? — спрашивал обычно Толиб у Джамили, стараясь наскрести в памяти еще что-нибудь английское.

— Ай вонт ту би э транслейтер фром инглиш ту таджикиш, — бойка отвечала девочка. — Вы пришли к нам в гости?

Толиб мычал в ответ что-нибудь как можно более невразумительное. Ему казалось, что недостаток в устной речи Джамиля оправдает скорее, чем незнание английского языка.

Шариф-заде, как правило, сидел на диване, подложив под бок подушки и целясь очками в страницу очередного журнала.

— Взгляните-ка, дружок, на четвертую страницу.— Он протягивал Толибу «Правду».— Видите?— Он указывал пальцем абзац:— ...Среди учебных корпусов появилось двухэтажное здание мастерской. Это целый завод, в котором несколько цехов. Сюда с производства приходят опытные инженеры, техники, рабочие... институт открыл здесь филиал своей лаборатории... школа открыла перед своими питомцами мир научных чудес... Так вот,— продолжал своим таинственным шепотом Шариф-заде,— вам, конечно, известно, джонам, что в наш район переехал институт почвоведения. Вот я и думаю, не удастся ли нам связать часть учащихся с этим институтом? Я как-то навестил директора этого института, однако он нашёл тысячу отговорок: «Для ребят надó открывать специальные лаборатории... Но у нас нет таких возможностей». Звонил я заместителю министра просвещения Шакировой. Обещала поговорить в Академии.

... Школе все же удалось заполучить Сангина, знаменитого хафиза из кишлака Тали-канда. Зал был полон. На сцене устроили нечто вроде тахты и сложили там несколько курпачей, одеял и подушек. Поставили пиалу, чайник чаю.

Облокотившись на подушки, хафиз играл на дутаре и пел.

Смуглое, худое, несколько удлинённое лицо. Аккуратно подстриженная борода — в серебре. Зелёная чалма, из-под которой видна красная бархатная тюбетейка. Бекасабовый халат. Хафиз методически раскачивается, налевая. Глаза его ничего не видят в зале и не останавливаются ни на чём. Хафиз видит только своих героев — пахлавана Аваза и благородного Нурали...

В зале сидят школьники, учителя, колхозники. Некоторым не хватило места, они стоят в проходах, некоторые притащили из физзала маты и сидят на полу.

А хафиз из кишлака Тали-канда поёт. Голос его становится всё выше, темп всё убыстряется. Слушатели неотрывно смотрят хафизу в незрячее лицо. Здесь сидят отцы с натруженными узловатыми руками, бессильно положив их на колени, здесь сидят их дети, пальцы которых не привыкли держать ничего, кроме карандаша и школьной ручки.

Толиб устроился во втором ряду; ему оставили место его ученики. Он волнуется больше всех, ведь он—организатор вечера. Небольшой доклад-лекция о мастерстве народных хафизов и о жизни Сангина из кишлака Тали-канда прошёл, кажется, хорошо.

Хафиз поет знаменитый таджикский эпос «Чамбули мастон».

... Славный пахлаван, верный страж города Чамбула — Аваз, из-за злых происков своих смертельных врагов Ахмада и Юсуфа впал в немилость, лишился любви и доверия своего отца Гурзода и вынужден скрываться в горах. Любимый сын Аваза, прекрасный и отважный Нурали, исчез. Проходят долгие годы — Нурали все нет. И нет предела горю Аваза, он каждый день в отчаянии смотрит на дорогу.

В исчезновении Нурали виновны все те же бесчестные Ахмад и Юсуф. Они встретили отважного Нурали, когда он возвращался домой, напоили его пьяным. Доверчив был молодой Нурали, не догадался он о коварном замысле Ахмада и Юсуфа, а те воспользовались этим, ударили его ножом в грудь...

Хафиз отложил дутар в сторону, он отдыхает; вытирает платком пот с лица, пьёт чай на виду у всех, и зрителям кажется, что не на

сцене, в свете софитов и рампы, сидит хафиз из кишлака Таликанда, — что он сидит в чайхане, далеко в горах, обвеваемый могучим дыханием Гиссарских гор, и звёзды сверху светят на него сквозь листву гладкоствольной чинары, и птицы умолкли в её ветвах, покорённые песней, и сами они — слушатели, колхозники и их дети — тоже сидят в этом глухом ущелье, а звёзды смотрят на них сквозь густую листву сливающей с тёмным небом чинары...

Всё покорно ждут, пока хафиз напьётся чаю и отдохнет.

...Нурали тяжело болен. На его бесчисленные раны искусный целитель льёт чудодейственный бальзам...

Нурали — в зелёной долине, у подножья высоких гор. В руках у него — пастуший посох. Нурали любитесь прекрасным конём.

А вот он уже верхом на этом коне, у стен могучего замка. На Нурали — одежда каландара. Он поёт. Сверху на него с любовью смотрит прекрасная дочь шаха...

Нурали едет в Чамбул, прекрасная девушка вместе с ним.

В Чамбуле правят предатели Ахмад и Юсуф...

...Звонят струны дутара. Поёт хафиз из Таликанда свою нескончаемую песню. Люди в зале слушают хафиза, боясь проронить слово. Им кажется: апрельские звёзды мерцают над головой, веет горный ветер из ущелья и шумят листья чинары...

Глава шестая

Вот, собственно, и всё, что знает Толиб о своем директоре. Многие факты как будто вовсе и не относятся к Шариф-заде, но так кажется только на первый взгляд.

Шариф-заде редко пользуется своей властью. Обид-заде не так. Тот любит руководить и подчинять своей воле людей. Но дело даже не в этом. Дело в том, что директор прав больше, чем Обид-заде.

Недавно из бухгалтерии издательства пришёл аванс. Толиб долго крутил в руках деньги, перекаладывал их с места на место и наконец понес в сберкассу. Впрочем, потом он передумал и решил закатить пир. По его мнению, это было самое верное средство потратить деньги с пользой.

Своей мыслью Толиб поделился с Шариф-заде.

Результат был самый неожиданный. На другой же день в его холостяцкой квартире появились Едгорова и Елена Васильевна. Они представились вполне официально — шефы — и потребовали деньги. Шефы долго подсчитывали на бумажке, прокручивали свои какие-то там шефские сальдо, прикинули, измерили комнату, не забывая попутно ругать безруких мужчин. Насчёт того, что все мужчины лишены рук, у шефов мнение было совершенно непоколебимое.

Потом шефы забрали Толиба с собой в город, наняли на его деньги такси, купили диван, книжные полки, шифоньер, радиоприёмник «Беларусь» с клавишами и выпили три бутылки лимонаду. Во второй половине дня они выгребли «из медвежьей берлоги столетнюю грязь». Берлогой они называли квартиру Толиба. Причём, сами шефы не очень старались — они предпочитали командовать. «Наше дело — привить подшефному соответствующие навыки», — говорили они безапелляционно.

Прощаясь, Елена Васильевна спросила у Толиба с невинным видом:

— А не кажется ли вам, что вашей комнате чего-то не хватает?

Толиб сразу же вспомнил Рано и то, как давно он её не видел. Рано — единственная, кто может стать хозяйкой этой, так удиви-

тельно уютно обставленной квартиры. Стараясь сохранить уют и девственную чистоту мебели, Толиб в первое время даже избегал садиться на диван. Начало всему положили ученики. Они пришли целой стайкой, после приглашения «садитесь» уселись гурьбой на диван и облили его чернилами. С тех пор Толиб тоже стал садиться безбоязненно, стараясь сесть так, чтобы закрыть чернильное пятно.

Однажды он сидел на диване и придумывал один из бесчисленных способов увидеться с Рано, как вдруг за дверью раздался голос секретаря Азизбековой:

— Товарищ Усманов, вас вызывают к телефону из министерства просвещения!

— Кто вызывает?

— Обид-заде.

— Сейчас иду.

Подняв трубку и едва успев сказать «лаббай», Толиб сразу же услышал весёлый голос соавтора:

— Салом, Махмадтолиб, от души поздравляю!

— С чем, домулло?

— Вышла в свет книга.

— Правда?

— Правда, правда, приезжайте быстрее, в город, такое дело нельзя не отметить.

... Блестящий, тёмнокрасный, отделанный под кожу переплёт выглядел очень красиво. Сверху — имена авторов: Б. Обид-заде, Т. Усманов и, немного ниже, золотыми буквами: «Материалы к методике преподавания таджикской литературы в VIII—X классах».

Толиб отчетливо слышал громкие удары своего сердца. Он стал листать страницы бездумно, безотчётно, с каким-то радостным удивлением узнавая строки, написанные им самим и строки, написанные Обид-заде, и то, что они написали вместе.

— Ну, как? — Обид-заде положил руку на плечо Толибу.

— Замечательно!

— Министр тоже остались очень довольны. Книга ещё не пошла в продажу, я подарил ему свой авторский экземпляр. Шакировой тоже понравилось издание, она искренне поздравила меня. Передаю также её поздравление и вам. Да что, собственно, мы так долго говорим? — спохватился Обид-заде. — У нас такой замечательный праздник, а мы стоим здесь и рассуждаем. Его нужно отметить.

В ресторане народу было не очень много.

Войдя в зал, Обид-заде остановился. Толиб решил, что он выбирает столик, но нет, не столик выбирал Обид-заде, он кого-то ждал. Из кухни с подносом вышла хорошенькая официантка. Обид-заде заторопился ей навстречу, любезно распаркался. Девушка указала на столик у окна.

— Предупреждаю, — сказал Обид-заде, садясь спиной к окну, — сегодня угощаю я. Вот меню, выбирайте.

— Выберете сами, домулло, я могу ошибиться.

— Неважно. Чем неожиданнее заказ, тем он оригинальнее. Что вы скажете о таком варианте: коньяк, две курицы, шашлык, салат, ну скажем, кофе с пирожным. Можно заменить зелёным чаем порансовски.

— Не много?

Подошла официантка.

— Сегодня, Латофатхон, мы празднуем, — ласково заглядывая в лицо девушки, сказал Обид-заде. — Как жаль, душенька, что вы не можете к нам присоединиться! — Он вздохнул так естественно, что можно было подумать, будто между ними существовала давнишняя любовь или привязанность.

Душенька подарила обоим по вышколенной официальной улыбке.

— Вы только взгляните, какие у нее прелестные ножки! — заметил Обид-заде, когда официантка приняла заказ и отошла от столика. — Их как будто выточил из мрамора резец талантливого скульптора. Хороша, хороша, ничего не скажешь.

И вдруг — резкий скачок в мыслях:

— Ну, а теперь вы, надеюсь, понимаете, зачем нам нужен был Рустамов в качестве редактора? Вы, думаю, уже успели убедиться, что он ничего в книге не правил, ничего не изменял, но зато книга вышла раньше, хорошо оформлена. Один переплёт чего стоит.

Кроме того, ваш, как вы любезно о нём отзываетесь, бездарный Рустамов может укоротить языки некоторым, не в меру ретивым критикам, да и газетные рецензенты волей-неволей должны обращаться за справками в институт, где сидит опять-таки Рустамов. Да кроме того, бездарный Рустамов при утверждении тиража позаботился также о том, чтобы вы получили сразу за два тиража и гонорар не из расчёта полутора тысяч, а из расчёта трёх за печатный лист. Не кажется ли вам, Махмадтолиб, что при его круглой бездарности это не так уж плохо?

Толиб счёл за лучшее промолчать.

И снова скачок:

— Знаете, сколько мне лет?

— Лет сорок...

— Многие так думают. А мне уже идет сорок восьмой. Сын у меня кончает институт в этом году, недавно я несколько дней у него гостил, многие думали, что это мой младший брат, никто не верил, что сын...

В руках Обид-заде бумажник, довольно толстый. Пьяные пальцы долго ковыряются в нём и наконец извлекают фотографию.

— Взгляните, этим летом снимались.

Обид-заде выглядел на фотографии не старше тридцати пяти лет. Так думал, между прочим, и Толиб, пять годиков он набавил своему соавтору не без злого умысла, но просчитался.

Толиб ломал голову над тем, куда клонит соавтор. Обид-заде не из тех, кто приглашает в ресторан и потом задаёт собеседнику случайные вопросы. У него есть какой-то план. И пока этот план не разгадан, Толибу ещё не раз придётся попасть в глупое положение.

Бумажник убран, фотокарточка прислонена к графину с коньяком.

— Каков молодец, а? Джигит! Богатырь! И умница! Заниматься в Москве — это совсем не то, что здесь. Сын производит впечатление настоящего учёного, в разговоре с ним надо держаться осторожно — молодец, одним словом. Вот кончит, вернётся домой, мы его женим. Я тут приглядел одну девушку, дочь Хабибова, хорошая девушка, скромная, почтительная, учится в пединституте. Я, конечно, не стану принуждать его, я ему только предложу, обращу, так сказать, на неё внимание. Мы, старики, умеем эти дела делать мудро и с тактом, так что молодёжи даже и в голову не придёт заметить хоть малейшие признаки принуждения. Ну, скажем, организуется вечер или пикник. Создаётся обстановка. Объект одевается по совету родных особенно тщательно. Остальные девушки выглядят простужками — тоже не случайность, хе-хе... Словом, вы меня понимаете... Но вот загвоздка...

Взгляд карих глаз Обид-заде язвителен и беспощадно холоден:

— У матери, к сожалению, другие планы. Мнение сына тоже будет играть в этом деле роль, и роль первостепенную, но все же, я подчёркиваю, у матери совершенно другие планы.

Толиб выпил коньяк.

Официантка принесла фруктовую воду.

Обид-заде мгновенно преобразился: вместо язвительности — сладчайшая улыбка на губах.

— Божественная! — проворковал он. — Да стану я прахом у ваших прекрасных ног! Вы только вдумайтесь в это четверостишие:

Красою дивной поутру ты, роза, расцвела,
От утреннего соловья не прячь красоты своей
Я полумесяц полюбил; став полною луной,
Ты от меня, любовь моя, не прячь красоты своей.

Девушка, заученно улыбаясь, выслушала стихи, вежливо извинилась и упорхнула к другому столику.

«Погоди, — подумал Толиб, — я тебе, старый шайтан, отомщу».

— Эту молодую луну, — доверительно сказал он, обращаясь скорее к графину, чем к собеседнику, — я часто вижу на углу с каким-то верзилкой. Если мои глаза не обманывают меня, молодая луна любит целоваться, когда темно и когда, по её мнению, их никто не видит. Её вздыхатель около двух метров росту. У него бицепсы снежного человека. Пахлавон, словом. Говорю это вам по-дружески.

А сам думал: «Знаю, что не очень умно, знаю, что именно поэтому ты, домулло, так непринуждённо улыбаешься, да всё-таки охладили тебя, вот так-то...»

Обид-заде улыбался. Когда это ему надоело, он принялся за еду: подмёл весь шашлык, заел его луком и помидорами, осушил бокал газированной воды, вытер жирные губы и, откинувшись на спинку стула, лениво протянул:

— А жене моей больше по сердцу Рано. Она, видите ли, очень её любит и не желает выпускать из гнезда свою ласточку. Честно говоря, я тоже порой начинаю сомневаться: ведь такая девушка в доме — клад. Проворная, характер — лучше не придумаешь, послушная. А если принять во внимание, что большинство учёных невест рано или поздно всё равно становятся домохозяйками, так лучшую кандидатуру и не найти. Да и сын, кажется, непрочь...

Вот он, козырной туз! Игрок открыл свои карты. Толиб почувствовал, как кровь медленно приливает к лицу. Теперь незачем заботиться о приличиях. Он нагнулся и долго развязывал под столом, а потом завязывал шнурок на туфле. Это было, конечно, дезертирство с поля боя. Можно себе представить только, какими глазами победителя обозревает Обид-заде опустевший стол.

Когда Толиб выпрямился, охота продолжалась.

— Здесь, как я полагаю, всё будет зависеть от меня. — Обид-заде снисходительно посмотрел на пылающее лицо Толиба: — Кстати, только сейчас вспомнил, у вас тоже с Рано намечалось что-то такое... нежное. Я полагаю, теперь это ваше увлечение прошло, вы, как я знаю, больше не выбиваете ковры в нашем дворе и не таскаете сумки с базара. А зря. Рано — девушка достойная во всех отношениях. Что случилось между вами, почему вы охладели к ней, дорогой Махматтолиб?

Толиб посмотрел прямо в рыжие глаза Обид-заде.

— Я свое сердце положил на время в холодильник. Вас это устраивает?

— Меня-то устраивает, а вот как — её? Устраивает ли?

— Эти сведения можете получить у своей домработницы, которую вы зовете племянницей, — у Рано.

И все же они вышли из ресторана еще не окончательно врагами. Была ночь, где-то горели огни: Толиб и Обид-заде шли по ма-

лолюдным аллеям. Здесь было тихо, лишь изредка попадались пугливые парочки. Обид-заде долго молчал и вдруг клянул:

— Я прочёл вашу брошюру.

— Разве она уже вышла из печати?

— Нет, Рустамов дал мне её посмотреть в гранках.

— Зачем?

— Ну, мы об этом как-нибудь в другой раз поговорим. Не хотелось бы огорчать вас сегодня. Впрочем, для огорчения, пожалуй, нет оснований.

— Она вам не понравилась?

— Видите ли, мой друг, вы там рассматриваете процесс преподавания несколько односторонне. Есть и ошибочные положения. Хорошо, что Рустамов дал мне ознакомиться с вашей работой своевременно. Если бы книжка вышла, у вас были бы крупные неприятности. Ваша вина здесь не велика. Вам вскружил голову этот всезнайка Шарапов. Особенно не огорчайтесь. Книга в свет не выйдет, институт пострадает материально, однако отвечать за это будете не вы.

— В чём же вы узрели односторонность? В чём заключаются ошибочные положения книги?

— Пожалуйста. Если учитель будет руководствоваться в работе с учащимися вашей брошюрой, то ему придётся все часы, отведенные на классическую литературу, потратить на разбор лексического состава произведения. Сама поэзия останется в стороне.

— Да я и не предлагаю всё время тратить на работу со словом. Не забывайте, что пока ученики не усвоят непонятные слова и выражения, они просто-напросто не смогут понять смысл произведения.

— Вы кажется, вздумали просвещать меня? — усмехнулся Обид-заде. — Я вам про тутовник, а вы мне про иву. Я же сказал, что вашу брошюру печатать нельзя. И Рустамов полностью разделяет мою точку зрения. Как вы не хотите понять, что я о вас же забочусь, хочу избавить вас от многих и многих неприятностей.

Толиб вспомнил Шарапова, Шариф-заде, Едгорову — все они читали брошюру и не нашли в ней ничего противоречащего методике.

— Я не согласен с вами, домулло!

Обид-заде снисходительно улыбнулся. В его улыбке чувствовалась угроза. Это заметно было даже при призрачном свете далёкой неоновой лампы.

У поворота они расстались — на этот раз, кажется, врагами.

Долго думал Толиб над внезапным изменением настроения своего бывшего соавтора, но ухватить сразу ту единственную ниточку, которая могла дать ответ на вопрос, не мог. Как будто никакой логики в поведении: сначала ему, Толибу, усиленно помогают, даже соглашаются стать соавтором, ставят рядом с его безвестным именем свою прославленную фамилию, дают кучу ценных советов и разрешают пользоваться своей библиотекой. Потом — головокружительное па на сто восемьдесят градусов: маленькую работу, о которой и говорить бы даже не стоило, даже если там и есть кое-какие ошибочные положения, — эту маленькую работу готовят подвергнуть уничтожающему разному. И дело тут не только в том, что Толиб отказался редактировать книгу Рустамова. Да и для самого Рустамова этот отказ — не ахти уж какой удар: он нашел себе других помощников.

А между тем Шариф-заде и Шарапов говорили, что работа Толиба хотя и мала, но очень нужна в практике: она поможет заочникам самостоятельно разобраться в тексте. За десять веков таджик-

ский язык претерпел много изменений, лексический состав его сильно изменился, многие выражения теперь бытуют только в устной речи и не имеют литературного гражданства.

Да и сам Обид-заде когда-то, в самом начале их знакомства, с интересом выслушивал эти мысли, поощрял их и не думал возражать. Так почему, чёрт побери, он теперь выступает против?

Глава седьмая

Рустамов встретил Толиба холодно. Он старался как можно дольше не заметить неприятного посетителя: ковырялся в ящиках стола, говорил по телефону и вообще всячески подчёркивал нежелательность своего разговора с Толибом.

— Товарищ Рустамов!

— Хм-м?..

— Здравствуйте!

— М-мда? Здравствуйте.

— Я хотел бы знать, почему мою брошюру вернули из типографии и почему мне об этом не сообщили?

— Разве вам Обид-заде ничего не говорил по этому поводу?

— Обид-заде по этому поводу говорил очень много, но я с ним не согласен.

— Почему?

Было в полной мере бесполезно доказывать Рустамову, в чём, по мнению Толиба, заключается нужность брошюры. Но Толиб всё-таки доказывал и чем дальше, тем горячее.

— Так вот, товарищ Усманов. Мы все вас... разумеется, мы все вас хорошо знаем... гм... хорошо знаем. Но ваша брошюра, к сожалению, не может нас удовлетворить.— Рустамов вытащил из груды бумаги листок.— Вы здесь пишете: «Определяя значение слова, метафоры, или аллегорического выражения в непосредственной связи с контекстом художественного произведения, где это слово или выражение употреблено, в то же время следует довести до сведения учащихся и другое, основное значение слова». «Определяя», «в непосредственной связи...» Гм, что всё это значит? Нет, мы не можем издавать книгу, написанную таким языком. Нет, нет!

— И это все ваши замечания?

— Если вам угодно будет выслушать мои замечания... гм... я, разумеется, представлю вам эту возможность. В свое время и в своём месте.

— А сейчас?

— Я занят. У меня, видите ли, нет времени.

— По дороге сюда мне казалось, что вам, как руководителю учреждения, иногда свойственно думать о пользе нашего общего учительского дела. Увы, это было только приятное заблуждение.

Рустамов увидел что-то за окном.

— Наивный человек, я ждал плодов от тополя.

Пустые, холодные глаза Рустамова выражали полное равнодушие...

Итак, один конец палки, воткнутый в спицу, чтобы колесо не вертелось, находится у Рустамова. За второй ухватился, конечно, Обид-заде.

Разговор в ресторане был не окончательным. Это была всего навсего увертюра, намёк: одумайся, пока не поздно, товарищ Усманов, мы сильнее тебя. Ругая монографию, они все время давали понять, что дело, собственно, не в ней. Но в чём?

В министерстве Обид-заде не оказалось.

Домой. К нему домой! К чёрту вежливость. Надо увидеться с Ра-но. По пути — придумать какой-нибудь предлог. Ну, скажем, он за-был у соавтора толковый словарь Гиёсэдина. Неважно, что у него ни-когда такой книги не было.

Увидев входящего в калитку Толиба, Обид-заде застыл возле тах-ты в каменной позе аку-аку с острова Пасхи.

— Ваши ковры на этот раз я выбивать не стану, — хотел сказать ему Толиб. И сказал: — Здравствуйте, домулло.

— Ээ... мм... здрасс... — И, к дородному мужчине, сидящему за столом, в кресле: — Я слушаю вас, продолжайте, пожалуйста.

У гостя была круглая, любезная и приятнейшая физиономия под-чиненного.

— Вы совершили подвиг, — сказал он важно. — Эта книга сыгра-ет большую, да что там большую, важнейшую роль в деле улучшения преподавания литературы в наших школах.

— Не слишком ли высоко вы оцениваете мой скромный труд?

— Что вы, что вы! Книга нужна не только школьным учителям, она, как воздух, необходима студентам филфаков, она ещё более необ-ходима преподавателям высших учебных заведений. От имени наших педагогов я пришел выразить вам нашу искреннюю благодарность.

— Да что вы, не стоит благодарности, мы только выполнили свою задачу.

— Как не стоит, как не стоит! Стоит, сто тысяч раз стоит! Как только книга поступит в продажу, я немедленно распоряжусь, чтобы ее приобрели все преподаватели у нас в районе. Она должна стать на-стоящей книгой каждого учителя... Да, а кто этот ваш соавтор — Тэ Усманов? Я знаю всех сотрудников в министерстве и в институте, но никогда не слышал этого имени. Он, очевидно, работает где-то в дру-гом месте?

— Да, да, в другом, — подтвердил Обид-заде таким тоном, что было ясно: о соавторе разговаривать не стоит...

«Ну и хам, — подумал Толиб. — Известно бы было вам, дорогой домулло, что есть люди, которые считают, что я поделился с вами слишком щедро. А теперь вы боитесь, что у вас отсохнет язык, если вы скажете доброе словечко и обо мне».

— Когда вы собираетесь уезжать? — спросил Обид-заде у кругло-лицего.

— Думаю, скоро. А когда вы будете в наших краях? Давно к нам не заглядывали, забываете нас, нехорошо, нехорошо. Сейчас как раз поспевают виноград... приезжайте, милости просим...

Круглая физиономия выкатилась из-за тахты и стала прощаться.

— «Заведующий районо, — определил Толиб. — Те всегда пригла-шают начальство откусать местных фруктов».

Проводив гостя, Обид-заде прошёл в дом, вынес оттуда бумагу и молча протянул её Толибу. Это был отзыв на брошюру Толиба, напи-санный на имя директора НИИШа. Отзыв содержал три коротеньких абзаца. В первых двух рецензент без всяких доказательств утверждал, что автор брошюры не знает ни теории, ни практики преподавания ли-тературы, и в последнем доказывалась ненужность и даже вредность рецензируемой работы.

Толиб вежливо спросил, хотя, честно говоря, ему хотелось дать своему бывшему соавтору хорошего щелчка по его гладкому лбу:

— Не сможете ли вы объяснить мне, домулло, каким образом ваш бывший талантливый, как вы однажды сказали, соавтор вдруг превратился в тупицу и графомана?

— Вы нервничаете? — обрадовался Обид-заде. — Берегите свои нервные клетки.

— Не беспокойтесь, разве вы не слышали о новом патенте? Скоро нервные клетки будут продавать во всех аптеках, учитывая, что многие наши завывы и замы — большие специалисты портить людям нервы.

— Вы забыли добро, которое я вам сделал. — Голос Обид-заде заурчал мягко, по-кошачьи, даже нежные нотки послышались кое-где. — Ведь если бы не я, ваше так называемое научное исследование давно сгрызли бы мыши в архиве научно-исследовательского института школ. Только благодаря мне оно увидело свет, только благодаря мне ваше имя вошло в число имён учёных. А сколько труда мне стоило обработать ваш совершенно сырой материал! Ведь мне пришлось вложить туда весь свой многолетний опыт учёного и педагога. А вы вместо благодарности подозреваете меня чёрт знает в чём! Неблагодарные люди плохо кончают, запомните это.

— Домулло! — сказал Толиб. — К чему весь этот раздел имущества, как у поссорившихся супругов? Кто сколько сделал, об этом знает каждый из нас. Но не думайте, что я такой уж неблагодарный: я благодарен вам, что вы оставили в книге мою главную мысль, которая проходит через всю работу. Благодарен я вам и за те три главы, которые вы, соавтор, написали, то бишь, заставили меня переписать. Спасибо вам, домулло...

— Ваша брошюра никуда не годится! — отрезал Обид-заде.

— Я буду бороться! Я сделаю все, что в моих силах! — сорвался Толиб на петушинный крик и мысленно обругал себя за несдержанность: — «Не надо кричать. Только не надо кричать. Здесь надо говорить спокойно и уметь вовремя подыскать подходящий аргумент. Так, что ли, говорят в учёном мире? Аргумент?»

— Ну что ж, попытайтесь. Можете обрушить на меня небеса, можете привлечь для этого дела Шарапова и Шариф-заде, можете жаловаться. Так, кажется, всегда кончают неудачники?

— До свиданья, домулло...

— Наш разговор еще не окончен.

Вроде бы пугливый огонёк мелькнул в глазах бывшего соавтора. Неужели всё дело не в работе, а в чём-то другом? Неужели он, Толиб Усманов, и его работа — всего только пешка в большой и непонятной пока игре?

— Вы ведёте себя как ребёнок, — сказал Обид-заде, усаживая Толиба на тахту. — «Буду бороться!» «Сделаю всё, что в моих силах!» Смешно... Что вы можете?! Что в ваших силах?! Кто за вас заступится? Шарапов?

— Причём тут Шарапов?

— Он редактор вашей книги.

— Дело не в редакторе, а в том, что я убежден в своей правоте.

— И я тоже убеждён в своей правоте. Ну, хорошо: вас поддерживает Шарапов и ещё несколько преподавателей. А ведь я советовался по этому вопросу с нашими крупнейшими учёными. Эх, мой юный друг, а ведь как хорошо мы с вами начали, ведь наша дружба могла окрепнуть и длиться всю жизнь, зачем вы упрямитесь, зачем подрываете её корни?

В голосе Обид-заде было всё: и боль по утраченной дружбе, и печаль, и сетования на что-то, что нарушило их дружбу; у Толиба заскребло на сердце: ловкий и прекрасно владеющий собой Обид-заде сумел-таки задеть его за живое. Или это всего только игра?

— Это не моя вина, домулло...

— Ну скажите, какая мне разница, напечатают вашу книжку или нет?

В самом деле, какая ему разница, напечатают книгу или нет?

— Вот вы обиделись на нас, реже стали заходить, а между тем моя супруга уже несколько раз спрашивала о вас: «А где Махматто-

либ, почему не заходит больше этот приятный молодой человек?» Поверьте, всё это мне крайне неприятно. Неужели вы думаете, что у меня на работе не хватает всяких забот и колкостей?

Перед Толибом — усталый от забот и глухих интриг человек. Может, и прав тот, кто нет-нет да и поскребёт на сердце?

— И Рано о вас спрашивала. Я не знаю, конечно, что у неё на уме, но и она своими вопросами подливает масла в огонь. Мы как-то говорили с вами на эту тему в ресторане, так вот, кажется, виды моей жены на Рано рушатся. Что-то очень уж часто она упоминает ваше имя... а что, если вы напишете Рустамову, что считаете свою брошюру недоработанной и попросите воздержаться от её публикации?

Обид-заде позвал Рано, велел ей поухаживать за гостем, угостить его виноградом, а сам, сославшись на дела, ушёл в министерство.

Иди, иди, милый дядюшка! Теперь, кажется, всё стало на свои места. Твой хваленый такт и умение лавировать отказали тебе. Ты слишком приблизил две вещи: яростную возню вокруг монографии и... свою племянницу Рано. Рано даже и не догадывается, что она сейчас играет роль посаженной в клетку перепёлки, на голос которой слетаются перепела. А там уж дело охотника, кого поймать в силоч.

— Рано, нам надо поговорить.

Рано не удивилась, только в глазах у неё блеснули и погасли пугливые огоньки.

— У меня дела...

— Какие, если не секрет?

— Не секрет. Нужно готовить ужин.

— Не беда, будем говорить на кухне. Идёт?

— Пойдёмте, — согласилась Рано.

На кухне пахло фруктами, жареным мясом и ещё чем-то приятным. На газовой плитке булькал зербак для плова, на столе стояла грязная посуда с остатками еды.

— К тете пришли гости, — кивнула на дверь Рано. — Простите, здесь неприбрано... еле подавать успеваешь, а посуда остается.

— Где любимая, там и рай, — пропел Толиб, не забывая следить за впечатлением, которое произведёт его шутка.

Рано улыбнулась печально.

Помолчали.

Скрипнула дверь, и в кухне стало слышно, что говорили в гостиной.

— Вам удивительно идёт это платье!

— Расцветка просто чудесная! Материал достал ваш муж? Передайте ему, душенька, что у него чудесный вкус. И какая забота о жене! А у моего копейки не выпросишь.

— Говорят, ваш идёт на повышение, правда?

— А почему бы и нет?

— И вы собираетесь приобрести «Волгу»?

— А почему бы и нет?

— Счастливица! Вы всё молодеете, все хорошеете и счастье само идёт к вам в руки.

— А почему бы и нет...

— На кухню, чуть пошатываясь и часто дыша высокой грудью, величественно вошла Сабохат-хола, супруга Обид-заде, она же хола-мулло и тетушка своей племянницы. На щеках дебелий тётки плясал пьяный румянец.

— У-у! О-о! — сказала тётушка. — Я, кажется, пьяна. Мой милый, мой восхитительный товарищ Усманов! Мы сегодня празднуем. Празднуем! По этому поводу вам необходимо выпить. Рано! Милочка! Где наши большие бокалы? Давай их сюда, открой бутылочку. Она налила полный бокал водки.

— Это не шампанское, это водка,— напомнил ей участливо Толиб.

— Вы правы, это стол-л-л... что такое?.. столичная. Пейте, мой восхитительный.

— Всё?!

— Вас просит женщина!

«Пьяная»,— мысленно добавил Толиб.

— Рано, готов ли зербак? Ты нарезала лук с помидорами? Пшшевеливайся, моя милая. О-о! — её вдруг осенила какая-то мысль.— Почему вы, миленький товарищ Усманов, на кухне? Идемте в зал! Нет, идёмте в зал!

И, не дослушав, хочет ли Толиб в зал или нет, она торжественно поплыла в дверь, навстречу пьяной женской трескотне.

— Рано?

— Что?

— Вы всё время вот так возитесь на кухне?

— Не надо об этом. Дядя так были недовольны вами в последнее время...

— А раньше?

— Раньше они вас хвалили.

— А что сделал дядя для вас?

Рано стояла возле стола с кухонным ножом в руке. «Я всё понимаю,— говорили её глаза.— Вы хотите, чтобы я училась, вы меня любите, вы хотите ещё вот что: чтобы я бросила всё и самовольно уехала с вами, стала вашей женой... А потом вы помогли бы мне учиться... старая и печальная лекция всех влюбленных агитаторов. Могу ли я уехать без дядиного согласия? Он три года поил меня и кормил, я одета, обута и не знаю, что такое недостатки. Здесь мой дом, как же я уйду отсюда?»

— Я прошу вас поговорить с Еленой Васильевной,— она придет, если вы захотите,— взмолился Толиб.— Рано, вы здесь погибнете. Неужели вы не верите мне...

— Верю,— сказала она.— Но ведь все это так непросто! Я боюсь.

Глава восьмая

Елена Васильевна и Шариф-заде слушали грустную исповедь Толиба.

Работу Толиба в НИИШе «зарезали». Обид-заде и Рустамов объявили её методически неверной, безграмотной. Шарипова найти не удалось. Надо ехать в Сталинабад ещё раз. Тут хотя и рядом, да ведь всё время не наездишься. И так уж Толиб стал пропадать в городе большую часть времени. Добро, сейчас есть свободное время, а когда начнутся занятия...

— Так вам и надо,— неожиданно сказал Шариф-заде.— Не забывайте старых друзей. Вот такая ситуация... Многие меня спрашивают, поздравляют, что вышла книга, написанная учителем нашей школы. «Вам, конечно, Усманов подарил экземпляр... покажите, в киосках ещё нет...» Ну, я и краснею... вот такая ситуация, мой дружок.

— Я не так уж плох.—Сказал Толиб.— Вот... эта вам, а эта — вам. Дарю от всей души.

Едгорова, получив книгу с дарственной надписью, обрадовалась и крепко пожала Толибу руку.

Секретарь Азизбекова остановила его в коридоре:

— Что же вы, товарищ Усманов, всем подарили, а мне нет? Вы считаете, что я вашу книгу не пойму?

— Вы удивительно догадливы,— ответил Толиб.— Мне действительно казалось, что книга слишком плоха для вас.

А потом обругал себя: «Грубиян! Зазнайка! Ей твоя книжка нужна только для тщеславия, это так, но что ж из этого? Дай ей, порадууй, пусть будет и ей маленькая радость, не только тебе одному».

По совету Шариф-заде Толиб написал на имя директора НИИШ Разыкова заявление с просьбой разобрать его жалобу.

Когда он после долгого ожидания попал к Разыкову на приём, тот мрачно сидел за столом, уперевшись подбородком на сложенные руки. Увидев Толиба, он радостно заулыбался, словно ждал его всю свою, как пишут литературоведы, сознательную жизнь.

— Вот рукопись Базарова.— Разыков посмотрел на кипу бумаг с таким видом, будто это было тухлое яйцо.— Её обсудили в отделе литературы. Рустамов говорит, понравилась. А я в ней никакого смысла не нахожу. Саиди написал рецензию. Рецензия в принципе положительная — надо печатать, но никаких обоснований. Почему надо печатать? Товарищ Усманов, прочтите работу и напишите своё мнение!

— Рецензию?

— Да. Мы заплатим. В общем порядке.

— А почему бы вам не пригласить к себе Базарова, Рустамова и Саиди и не высказать им своего мнения?

Разыков посмотрел на Толиба так, словно хотел понюхать, каким одеколоном его освежили в парикмахерской.

— Нет времени? Не огорчайтесь. Другого найдём. Пустяки.

Потом лишь директор института внимательно просмотрел заявление Толиба и снял телефонную трубку.

— Дододжан! Ко мне зашёл товарищ Усманов. Принёс заявление. Да, да. По поводу своей книжки. Дайте рукопись специалистам. Надо организовать обсуждение. Кому предполагаете поручить? Так, так... правильно. Попросите побыстрее. Из типографии жалуются, что по нашей вине у них лежит без движения металл.

Разыков положил трубку.

— Рустамов передал вашу рукопись на рецензию. Скоро получим отзывы...

— Кому, позвольте узнать?

— Специалистам по вопросам таджикской литературы. Преподавателям пединститута и университета.— Разыков встал.

— А почему не узнать мнение также и школьных преподавателей? Ведь книга, в основном, написана для них.

— Мы учтём ваши пожелания. До свиданья.

Начав паломничество, следует доводить его до конца. Побывав в Мекке, не мешая заглянуть и в Медину.

Выйдя от Разыкова, Толиб отправился к Шарипову. Но в его кабинете, за его столом, оказался Саиди. Саиди сидел немного боком, и только на половине стула, как бы говоря входящему: «Я тут всего только на время, извините». Брио завотделом поднял голову, сказал «ас-с-с...» вместо «ас-салом» и снова уткнулся в стол.

Какого шайтана он там увидел, на поверхности стола, неизвестно, однако заметив, что докучный посетитель уселся основательно, Саиди снова поднял голову, покосился на дверь. И откровенно, как на покойника, уставился на Толиба:

— Плохи ваши дела?

— Ужасные, домулло...

— Зарезали вашу монографию?

— Начисто, и кусков не найду,— охотно согласился Толиб.

— Ах батюшки, ну сколько раз я говорил Шарипову, предупре-

ждал, так нет, вечно ему надо лезть на рожон! А ведь если бы он меня послушался, никаких неприятностей с вашей монографией не произошло.

«Трусливый козёл,— подумал Толиб, с неприязнью глядя на расрёпанную голову Саиди. Он ненавидел его в эту минуту больше, чем Рустамов. Рустамов, тот хоть знает, чего хочет, а этому даже такая роскошь недоступна. Раб своей собственной трусости. Способный человек, но благодаря трусости, его знания служат лишь удобрением для сорняков.»

— А теперь и у вас дела плохи, и у Шарапова,— плакался между тем Саиди.

— Неужели самолёт, на котором полетел Шарапов в отпуск, разбился?

— Ну причём здесь самолёт? Вы или смеётесь надо мной, или чересчур наивны. Вашу монографию рекомендовал к печати Шарапов, он же её редактировал, он и подписывал к печати. Так что во всей этой истории в первую очередь обвинят его...

Да, пожалуй, врио прав. Если им удастся доказать, что опубликование монографии было бы ошибкой, то столкнуть Шарапова не составит большого труда. Теперь ясно, почему Обид-заде так старательно уговаривал Толиба отказаться от своей брошюры. Даже Рано к этой истории приплёл. В чём, в чём, а в брезгливости бывшего соавтора упрекнуть нельзя. Он и его подручный Рустамов принадлежат к семейству всеядных, когда дело касается интриг. Но почему они так боятся Шарапова? Отчего хотят во что бы то ни стало выковырнуть его из института?

Обид-заде и Рустамов — противники сильные и опасные. С ними не легко будет скрестить мечи даже Шарапову.

...Сегодня у Толиба весь день проходит под девизом: тот, кто посетил Мекку, должен побывать и в Медине.

Итак, в гости к Рано. Увидеть её, ласково улыбнуться милой тётушке и славному дядюшке, чего бы это ни стоило. Надо договориться с Рано хоть о каком-то способе связи, потому что он не может жить без всякой надежды на встречу.

Милая тетенька стояла у ворот и разговаривала с какой-то худощавой женщиной в широком кредешинном таджикском платье.

При виде Толиба милая тётя моментально разгневалась. Видимо, её обо всём проинформировали и она держала порох сухим.

— Извините, хола-мулло,— сказал бодро Толиб, как человек, которому уже нечего терять,— я долго не бывал под вашей благословенной кровлей, и, поверьте, так соскучился, так соскучился...

— Обид-заде нет дома! — приветствовала его хола-мулло.

— Какая жалость! Но он мне, знаете ли, не нужен. Я не к нему.

— А кто же вам нужен?— хола-мулло так и дышала непримиримой женской яростью, которая, как утверждают некоторые знатоки, пощады не знает.

— Мне надо поговорить с Рано.

— О чём?

— По личному вопросу.

— С каких это пор у вас появились к ней личные вопросы?

— Давно. А вам нужно знать точно?

— Рано нет дома! — проскрежетало в ответ.

— Где же она?

— Это вас не касается.

— Она уехала к себе в кишлак?

— Она уехала на луну.

— Тогда мне хотелось бы поговорить с вами...

— Меня нет дома! — Толибу показалось, что хола-мулло схва-

тит кирпич или же позвонит в милицию и заявит, что её грабят. — Дома меня нет, вы слышали?!

Но ведь и Толиб был не железный. Чувствуя, что сейчас он тоже взорвётся, что от гнева в его глазах вместо дородной собеседницы появилось какое-то весьма аморфное пятно, он круто повернулся и пошёл прочь, загребая ногами пыль и чувствуя на спине ненавидящий взгляд двух глаз.

Он сел в автобус и забыл взять билет. Он равнодушно хотел уплатить контролеру штраф, но контролер возмутилась, так как нарушитель общественного порядка попытался расплатиться с ней квитанцией об уплате очередных взносов за пользование электроэнергией. Потом он проехал свою остановку. И когда шёл пешком домой, подумал, что ведёт себя, как большинство влюбленных, которах показывают в кино. И откуда только режиссерам становятся известны даже такие вот мелочи?

Дома он сел на свой диван, на то место, где было чернильное пятно — видимо, у него уже установился на этот счёт ясно выраженный рефлекс.

Было чертовски грустно. Как это говорил Саади?

Терпением запасись средь жизненных невзгод, —
Терпенье горькое приносит сладкий плод.

Но как дьявольски трудно ждать и терпеть! Где сейчас Рано? Должна же она подать о себе какую-нибудь весть!

Терпи, и камень в сердце стать рубином может, говорят.
Да, справедливо говорят — кровь сердца может он впитать.

Так говорил Саади.

Толиб включил свою «Беларусь» на полную мощность. Санавбар Джураева пела знаменитую «Мепарварам».

Кажется, это большое счастье, что на свете есть песни.

Глава девятая

Вот и кончатся скоро каникулы. Снова — планы, планы, планы... Планы по языку, планы по литературе, планы для восьмого класса, для девятого, десятого. План воспитательной работы на целое полугодие... Снова бесконечные хождения к завучу, который всё это утверждает, вносит поправки, составляет расписание уроков. Перед началом учебного года роль директора не очень заметна в школе: его больше тревожат хозяйственные заботы. Нужно достроить здание под мастерские, правое крыло школы ещё не општукатурено, а завхоз, хоть убей, не может достать извёстки. Даже за тем, как сохнут парты, нужно проследить: если краска не высохнет, ученики подстелют под локти газеты, бумага, конечно, прилипнет и целый год потом можно будет читать международные события, которые произошли первого сентября.

Солнце припекает по-прежнему жарко, однако ночи становятся всё холоднее и по вечерам из ущелья тянет тревожный ветер осени.

В один из таких дней к Толибу приехал Шарапов. Он хорошо отдохнул на черноморском курорте — весел, подвижен и непрочь пошутить, как будто не его собираются снимать с должности.

Шарапов и Толиб стоят на холме, смотрят вниз.

Внизу виднеется кишлак; плоские крыши желтеют сквозь листву. Несколько зданий европейского типа ослепляют белизной стен. По склону посажены деревья, они, словно по ступенькам, спускаются вниз, к людям. Абрикосовые деревца не шелохнутся — им жар-

ко. Пирамидальные тополя — как точёные, ни один садовник не острижёт так; красавцы-карагачи невольно останавливают глаз: темнее их нет поблизости ни одного деревца; зато ивы совсем светлые. Сверху кажется, будто они нагнулись к земле, задумались.

От подножья холма до самого горизонта тянутся хлопковые поля. По широкому саю спешит в долину речка, возле неё — квадратички рисовых полей — палы. А позади, стоит только оглянуться, — суровые горы встали кольцом. Если спуститься в долину, то кольцо исчезнет, а будут просто горы, они потянутся цепью из края в край и ты поймешь, что таких вот полуколец среди гор очень много, что там часто ютятся целые кишлаки, и что всё это вместе и есть Гиссарский хребет, вечно сверкающий своим голубым гребнем.

— Удивительные места, — тихо сказал Шарапов, — смотришь и не насмотришься. Может, искупаемся? Как вы, согласны?

Они спустились к реке.

— В детстве мать рассказывала мне, — говорил Толиб, поглядывая на загоревшего Шарапова, — что там, где садится солнце, в далёкой и недоступной горной стране, куда от нас семь дней и семь ночей пути, есть озеро с красной, как кровь, водой. В нём купается шах-пери. Большой выкупается в этом озере — выздоровеет, старый — превратится в юношу, а молодой — станет богатырем. Смотрю я на вас, и кажется мне, что вы искупались в этом озере.

Шарапов рассмеялся.

— Выкупался. И не один раз, а ежедневно в течение месяца. И не в сказочном озере, а в Чёрном море. А вот что с вами за это время случилось? — Шарапов заботливо посмотрел на Толиба. — На вас лица нет. Вы что, больны? Может, из-за монографии расстраиваетесь?

Толиб кивнул.

— Ваш друг Обид-заде постарался?

— Да... друг.

Вот и мои отношения с Рустамовым ухудшаются день ото дня. Будем говорить честно. Окончательным невеждой Рустамова назвать нельзя. Если бы он серьезно трудился, из него вышел бы ценный научный работник. Да вся беда в том, что он уверовал в свои необычайные научные способности и успокоился. Стал беспечен и ленив. Зачем работать каждый день, если уже есть известность и почёт? Он тщеславен и никогда не простит вам наскока. Теперь он мечтает стать директором. И в то же время не слишком твёрдо чувствует себя на своём месте. Уж если молодой учитель Усманов отказался редактировать его вещь, то это сигнал серьёзный даже для самого Рустамова. И вот он, чтобы укрепить своё положение, собирает вокруг себя земляков, друзей. Совсем недавно он выкопал где-то еще одного «хамшахри» — Базарова и принял его на работу.

— Это тот самый Базаров, чью книгу Рустамов и Саиди рекомендовали к печати?

— Он самый. Над книгой он работал, по его словам, долго, но помочь ему можно только одним: запретить писать. Базаров невежа. Я не раз обо всем этом открыто говорил, но добился пока только того, что по институту пошли разговоры, будто меня хотят снять. Им нужны основания. И они цепляются за вашу монографию.

Если им удастся доказать, что её публиковать нельзя, вся ответственность падёт на меня, как на редактора. К тому же книга небрана и типографские расходы повесят тоже на меня.

— А мне, — сказал Толиб, — и раньше казалось, что мою монографию сняли с производства совсем не за то, что я отказался редактировать книгу Рустамова. Я только теперь это хорошо понял.

— Теперь слушайте дальше.— Шаратов присел на камень.— Вы с Обид-заде пишете книгу, она выходит в свет. Ваш соавтор прекрасно понимает, что основная идея книги не принадлежит ему и что об этом знает ещё кое-кто... Но вот вы пишете вторую книгу. Пишете сами. У вас ничего не получается. Вывод? Первой скрипкой был, конечно же, Обид-заде. Стало быть, без него вы ноль без палочки. И сколько потом ни будете доказывать, что белое есть белое, вам не поверят. Так что история с обсуждением вашей маленькой работы гораздо важнее, чем может показаться на первый взгляд.

— А как ко всему этому относится директор института Разыков? — спросил Толиб.

— Разыков — человек справедливый и неплохой специалист. Но Рустамова он не раскусил.

Шаратов и Толиб пошли к реке. На берегу они расстелили дастархан и принялись закусывать.

— Давайте подкрепимся, бои предстоят серьёзные, — сказал без всякого намёка на шутку Шаратов.

— Ничего, наше дело правое...

— Да, но могут быть неожиданности, запрещенные удары.

— Они могут себе это позволить?

Толиб взял с дастархана кисть винограда и подал её Шаратову.

— Позволить? — усмехнулся Шаратов.— Уже позволили. Вас уже ударили, а вы и не догадываетесь. Неужели вы думаете, что я приехал к вам в воскресенье потому, что не успел как следует отдохнуть на черноморском побережье? Или потому, что у меня в Сталинабаде мало забот?

...Несколько дней назад Шаратов побывал на приёме у заместителя министра просвещения Шакировой. Он принёс ей отзыв на книгу Толиба, подписанный пятью сотрудниками отдела литературы и несколько отзывов преподавателей сталинабадских школ.

Но Рустамов его опередил: неделей раньше он накатал от имени администрации института ругательное письмо, где на основании рецензии Обид-заде и некоторых преподавателей высших школ доказывалось со всей очевидностью, что рукопись Толиба Усманова, молодого, подающего надежды, но, по-видимому, очень торопливого автора, для печати непригодна.

Шаратов подробно рассказал Шакировой о неблагоприятной роли, которую играют во всей этой истории Обид-заде и Рустамов.

Замминистра была очень удивлена столь нелестной характеристикой двух видных научных деятелей. Для нее это было полной неожиданностью.

— Ваше устное заявление, товарищ, Шаратов, — сказала она, — ещё не даёт нам основания не доверять администрации института, учёным и Обид-заде. Ваши же подписи производят впечатление случайных. К тому же у меня лежит жалоба и на вашего Усманова, нужно ещё разобраться кое в чём...

Шаратов заметил: многие вдруг начинали интересоваться личной жизнью Махмадтолиба Усманова, прозрачно намекали на его поведение в быту, задавали осторожные, но довольно странные вопросы. Так ведут себя сапёры, когда хотят обнаружить мину: ни одного лишнего движения.

Изредка, как бы невзначай, всплывала фамилия учителя Нусрат-заде и фамилия Едгоровой и, если проследить за логикой всех этих прощупывающих вопросов, получалась довольно неприглядная картина поведения преподавателя Усманова.

А, чёрт возьми! Толиб вспомнил одну историю, и не историю даже, а так, обычный случай из педагогической жизни, превращенный досужими языками в фарс. Да ведь во всей этой истории и нет ничего — дунь, один пшик останется, а между тем разговоры идут, и попробуй, прекрати их, если огонек умело разжигают заушательских дел мастера.

Недавно начались занятия в школе и завуч поспешил организовать взаимопосещение уроков. Толиб побывал на уроке Нусрат-заде. У этого учителя была тонкая талия, чёрные, врзлёт, кавказские усики и ещё что-то такое, чем полагается больше интересоваться деvушкам. Говорил он тоже красиво. Во время объяснения нового материала класс сидел, затаив дыхание.

Толибу показалось, что Нусрат-заде позирует.

Умение привлечь внимание учащихся — это прекрасное качество преподавателя, но не менее важное качество — умение заставить работать класс самостоятельно. Во время урока Нусрат-заде класс пассивен, он восторгается учителем. Учитель, склонный порисоваться, ещё больше увлекается и забывает о классе. Ученики не работают, за них всё тянет учитель, так как он хочет быть лучше, умнее всех. Нет, умудрённые опытом учителя поступали не так.

Едгорова, уверенная, что урок Толибу понравился, спросила:

— Ну как? — Услышав истину, ответила недовольно: — А другие его поздравляют. — Она показала на Нусрат-заде, который шёл по коридору, окружённый преподавателями.

На обсуждении урока Толиб откровенно высказал своё мнение, а потом, чтобы решить спор до конца, написал статью в учительскую газету.

Едгорова, прочитав статью, рассердилась.

— Мне как-то даже не верится, что урок Нусрат-заде вам не понравился.

— Не понравился. Нусрат-заде чересчур влюблен в самого себя.

— Ну что ж, — сказала Едгорова, — для этого у него более чем достаточно оснований. Его всюду превозносят как самого лучшего в районе педагога, немудрено, что он загордился. Да разве он один у нас такой? — Едгорова по профессиональной учительской привычке дала время подумать собеседнику над ответом. — Есть у нас педагоги, выпустили книгу, начали считать себя непревзойденными и игнорируют всех прочих смертных.

— Не меня ли вы имеете в виду?

— Из знаменитостей вы у нас один.

— Да кого же я, по-вашему, игнорирую?

— Едгорова передёрнула плечами и отошла, стараясь казаться равнодушной.

— Блестящая форма и недоверие к классу, — сказал ей Толиб вслед. — Выводы делает сам и не даёт возможности подумать ребятам. Поймите, это же элементарно!

Едгорова остановилась на лестнице, повернулась к Толибу с таким видом, точно хотела сказать: «Садись! Я тебе ставлю двойку!», но ничего не сказала, только ещё раз передёрнула плечами.

...Вот, собственно, и вся история. Обиднее всего то, что и Шарاپов не поддержал Толиба, почти встал на сторону Едгоровой. Видите ли, у Махмадтолиба Усманова теперь есть имя, к его мнению прислушиваются более чутко, чем раньше, и резкие выводы можно делать только в том случае, если тщательно продумаешь всё... Конечно, перед своей совестью Толиб прав, он сказал, что думал. Раньше Толибу ошибки сходили с рук не так болезненно, а теперь ему не будут прощать даже самой малейшей оплошности. Взять, к примеру, Шариф-

заде. С учителя Шариф-заде был спрос один, а с директора Шариф-заде — совсем другой. Нусрат-заде действительно любит покрасоваться, это ни для кого не секрет, однако...

Однако у заместителя министра Шакировой лежит заявление и в нем сказано, что преподаватель таджикского языка и литературы Усманов подверг разному уроку своего коллеги из личных побуждений. А именно: между преподавателем Усмановым и Едгоровой существуют определённые личные отношения. Но Едгорова, умный и тактичный товарищ, раскусила подоплёку заигрываний т. Усманова. И вот, желая отомстить и нарушить хорошую дружбу между честным, талантливым и принципиальным преподавателем т. Нусрат-заде и Едгоровой, т. Усманов... и так далее, и тому подобное.

— Раскусил, товарищ Усманов?

Теперь стало понятным, почему заведующего районо вызывали в министерство, дали ему там накачку, а тот вызвал Толиба и задавал такие вопросы, которые были ему просто непонятны, или такие, на которые он отвечать отказался.

Тем хуже, что отказался. Мальчишество. Шараров готов был кричать на Толиба.

Всё это работа Обид-заде. Но далеко не вся работа. В связи со спорами вокруг урока Нусрат-заде была организована проверка работы районо. Заведующий районо Саломов, видимо, не устоял перед авторитетом «молодого, растущего» Усманова и присоединился к его мнению. За это он поплатился проверкой работы инспекторами министерства. Сколько хлопот, волнений, потерянного входостую времени! Неприятности. А всё из-за кого? Из-за Усманова. Усманов — личность беспокойная, о нём знают в столице, у него там есть, видимо, недоброжелатели. Желая смахнуть Усманова, они могут заодно убрать и Саломова, что им стоит!

Итак, вывод заведующему районо подсказан.

— Теперь вы знаете, — продолжал Шараров, — как может работать Обид-заде. В данном случае мы наблюдаем его типичный стиль, так сказать, стиль классический. Впрочем, криминалисты называют это почерком. Все выдающиеся уголовники имеют свой почерк.

Толиб сказал:

— Хочу поделиться с вами своими сердечными секретами. Так, что ли, говорят в подобных случаях? Уж коли посторонние люди лезут тебе прямо в душу, то другу рассказать — это ещё не признак болтливости.

И Толиб выложил все начистоту о себе, о Рано, о своих встречах с ней, о сомнениях, даже о том, как помогал девушке выбивать ковёр.

— Здесь какое-то недоразумение, — возразил Шараров. — Если она любит, она не могла так просто уехать и отказаться от вас. Вам не следует отчаиваться. Надо девушку разыскать. По-моему, это очередная штучка Обид-заде.

— Вам понравилась вчерашняя свадьба? — неожиданно спросил Толиб.

— Да. Мне понравилось, что хозяева устроили её по-новому и сумели в то же время использовать старые народные обычаи. Понравилась мне «Саломнома». Но прежде всего, конечно, жених с невестой. А помните, как привели в дом невесту? Во дворе горел огромный костёр, танцы вокруг костра, всё ведь это очень интересно. Интересно, как женщины повели невесту с собой и пели «Ер, ер», а мужчины — «Туи муборак бошад», как потом все возвращались в дом жениха. И все эти традиционные приглашения, и свадебный стол и пир... Да вы что, мой друг, загрустили? Мы ещё погуляем на вашей свадьбе. Однако, пойдёмте. Надо поговорить с Шариф-заде. Если он согласится, поедём воевать в министерство втроём.

В приёмной у Шакировой было много народу. В углу стрекотала пишущая машинка. «Придётся ждать», — невесело подумал Толиб. Но Шариф-заде сразу же обратился к молоденькой черноглазой секретарше:

— Здравствуй, доченька, доложи, пожалуйста, начальству...

Девушка улыбнулась, исчезла за дверь и вскоре вернулась:

— Заходите.

— У Шакировой были живые и очень внимательные глаза.

Она продолжала ранее начатый разговор.

— Ну, что вы ещё читали? «Рабы» читали?

— Не читал.

— А «Смерть ростовщика»?

— Не читал.

— «Бустон» Саади?, «Индийскую балладу» Турсун-заде? «Мать» Горького?

— Я ведь не литературу преподаю, — рассердился посетитель, а историю и географию. Я могу вам проинструктировать, кто есть Пётр Первый и в Европу окно как он прорубил, и как капитально развивал дореволюционную Россию. Прошу спрашивать по специальности.

— Простите, а на уроке вы тоже этим языком говорите?

— Язык у меня есть и будет один, а не два.

— Я имею в виду чистоту речи.

— А что мне по-турецки разговаривать, что ли?

— Вот, не угодно ли? — обратилась Шакирова за помощью к присутствующим. — Преподаватель Мирмухамедов написал жалобу, он не согласен, что его снимают с работы. А ведь директор-то школы прав.

— У меня есть заочное образование, — тянул Мирмухамедов, — я из года в год уравниваю свою квалификацию до качества передовых учителей. И сколько лет я терпел заочно от всяких... экзаменаторов, имею пять иждивенцев и примерный семьянин.

Когда широкая спина Мирмухамедова скрылась за дверью, Толибу стало по-человечески жаль его. Самое ужасное — если человек не понимает, что он глуп. А ведь из него мог бы выйти прекрасный работник, не вбей он себе в голову идею стать преподавателем. И сколько ещё таких вот людей, которым кажется, что они писатели, учёные... музыканты... редкие из них находят в себе мужество взять в руки кетмень.

Шариф-заде и Шараров горячо стали отстаивать Толиба. Попутно они давали характеристики своим недругам.

— Я прекрасно понимаю, — рассмеялась Шакирова, — но товарищ Усманов, видно, по своей молодости и неопытности сильно рассердил руководство института. Да и Обид-заде обижается на него. Что же касается вашего отзыва об уроке Нусрат-заде, — она повернулась к Толибу, — то здесь я ничего не могу сказать. Я на его уроках ни разу не присутствовала, а вот второй заместитель министра, товарищ Касымджонов, хорошо знает Нусрат-заде и высоко его ценит. Он считает, что вы совершенно не правы.

— Поэтому мы и пришли просить вас лично разобраться в этом вопросе, — сказал Шариф-заде. — Это не только моё мнение, но и мнение коллектива школы. Преподаватели просили защитить честь учителя Усманова, который сидит здесь перед вами. Они считают, что досужие вымыслы какого-то недоброжелателя бросают тень на весь коллектив.

— Я вам верю, — сказала Шакирова, — хотя и не могу объяснить, почему столько дыма, если огня не было. Ну ничего, разберёмся.

Глава десятая

Небольшой зал, в котором должно было состояться обсуждение монографии Толиба, был почти полон. Приходили и усаживались на свободных местах незнакомые Толибу люди. Проходя по рядам, они раскланивались направо и налево; здесь почти все знали друг друга. Сразу же бросилась в глаза группа Обид-заде: Рустамов, Нусрат-заде, Саиди, директор института Разыков и ещё какие-то, все солидные и, видимо, с положением, люди. Они громко разговаривали и смеялись. Они чувствовали себя хозяевами положения — это было видно сразу.

За несколько минут до начала обсуждения пришла Шакирова. Она тоже присоединилась к группе Обид-заде и тоже чему-то громко смеялась.

Места, где сидел Толиб, занимали: Шариф-заде, Шарапов, Елена Васильевна, Едгорова и ещё несколько школьных преподавателей, которых Толиб почти не знал и с которыми его познакомили перед самым началом обсуждения.

Потом кружок Обид-заде распался, сам Обид-заде увел Шакирову поближе к сцене и там о чём-то долго разговаривал с ней.

Пора бы начинать.

Толиб волновался; напрасно он уверял себя, что такой дужеский на вид разговор Шакировой с Обид-заде ещё ничего не значит. На Толиба украдкой поглядывают, стараясь сдержать естественное любопытство, — это тоже в порядке вещей, ведь обсуждают-то его, Толиба, монографию, а не чью-нибудь.

Собрание открыл председатель учёного совета института, директор Разыков. Он сказал несколько коротких вступительных фраз и предоставил слово своему заместителю Рустамову.

Тот прокашлялся, покосился на девушку, которая наливала в стакан чай для докладчика, и начал без всяких своих «разумеется», «гм, гм», «видите ли» и прочих словечек, чем немало удивил Толиба. Впрочем, другие приняли это как должное и поэтому Толиб решил, что Рустамов пользовался такими словечками только в обиходе и никогда — на трибуне.

— Может быть, некоторые не знают автора обсуждаемой монографии? — Он показал рукой на Толиба. — Так вот, это товарищ Усманов, преподаватель таджикского языка и литературы средней школы....

Все головы повернулись в сторону Толиба, он поневоле смутился и покраснел, с благодарностью чувствуя, что ни один из его друзей — ни Шарапов, ни Шариф-заде, ни Едгорова, — никто не посмотрел в его сторону.

Рустамов постарался подольше продлить эту сладкую для него минуту и продолжал:

— Несколько месяцев тому назад товарищ Усманов передал рукопись своей монографии в отдел литературы. В отделе познакомились с работой и рекомендовали её в печать. Руководство института, целиком и полностью доверяя мнению заведующего отделом товарища Шарапова, отправило рукопись в типографию. В то время, ввиду чрезвычайной занятости, я не мог ознакомиться с работой Усманова своевременно. Когда товарищ Обид-заде вернулся из отпуска, руководство института попросило его прочесть рукопись, которая уже находилась в наборе. Оказалось, что работа Усманова имеет серьёзные недостатки. Ознакомившись с ней, я убедился, что не только основные мысли автора ошибочны, но и сама вещь плохо отредактирована. Почти на каждой странице были ошибки, неудачные оборо-

ты... Вот почему мы решили воздержаться от опубликования этой работы.

Однако автор монографии товарищ Усманов и редактор товарищ Шарапов не согласились с мнением руководства института и подали жалобу. В результате мы были вынуждены дать рукопись на отзыв группе специалистов. У нас сейчас имеется пять отзывов. Один из них написан заведующим кафедрой языка в пединституте товарищем Нур-заде, остальные — преподавателями кафедры языка и литературы госуниверситета товарищем Насими и товарищем Олимовым, я уж не говорю о таком крупнейшем специалисте в области лингвистики и литературы, как наш уважаемый Обид-заде.

Наш крупнейший языковед — дорогой Собирджон Нуралиевич Нуралиев тоже ознакомился с рукописью. Правда, совсем недавно. Он, очевидно, скоро прибудет и выскажет своё мнение по этому поводу. Кроме того, многие из присутствующих товарищей читали рукопись Усманова и, надеюсь, выскажут своё мнение на сегодняшнем обсуждении.

В заключение мне хочется добавить, что все полученные нами отзывы резко отрицательные. Товарищи единодушно считают, что книга в таком виде печатать нельзя.

Председательствующий Разыков спросил у зала:

— Есть ли вопросы, добавления к повестке дня? Нет? Слово предоставляется товарищу Усманову. Пусть коротко расскажет нам о своей работе.

Толиб встал. Он не ожидал, что ему придётся говорить в начале обсуждения, и приглашение к трибуне прозвучало для него несколько неожиданно.

В это время поднялся с места Шарапов.

— Товарищ Рустамов! Вот вы здесь говорили, что книга плохо отредактирована, что на каждой странице встречаются безграмотные, неуклюжие фразы. Это очень серьёзное обвинение. Хорошо, если бы вы обосновали его и подкрепили фактами. Заверяю вас, что если вам это удастся, то я, как редактор и заведующий отделом, признаю свою вину и не буду больше настаивать на опубликовании книги Усманова.

Рустамов молча взглянул на Разыкова. Тот немедленно поднялся и предложил:

— Для ведения собрания вопросы удобнее задавать в конце. Иначе мы превратим обсуждение в обыкновенный спор.

Но и на этот раз Толибу не удалось начать свое вступительное слово.

— Мне кажется, товарищ Разыков, — услышал он голос Елены Васильевны, — что требование товарища Шарапова совершенно правильное. Ведь если замечания Рустамова к языку книги справедливы, то, очевидно, нет никакого смысла тратить время на обсуждение заведомо никуда негодной рукописи. По-моему, товарищу Рустамову следует обосновать свои замечания.

— Верно! — раздался голос у самых дверей. Это был Асад Расулов, один из самых молодых сотрудников, работающих в отделе у Шарапова.

— Я уже указал товарищу Усманову на некоторые неудачные фразы и обороты, — ответил Рустамов, вытирая взмокший лоб.

Он понял, что совершил промах, и заметил, что Обид-заде с Разыковым недовольно поглядывают на него.

И снова все лица повернулись к Толибу: насмешливые, недоумевающие, одобряющие и, наконец, просто любопытные.

— Вы, наверное, забыли, товарищ Рустамов, — сказал Толиб, стараясь произносить слова как можно более чётко и внятно, так как

чувствовал важность своего ответа и понимал промах Рустамова, — вы забыли, товарищ Рустамов, что показали мне только одну неудачную с вашей точки зрения фразу. Фраза несколько тяжеловата, не больше. Допустим, она неудачна. Но ведь это всего только одна фраза. В другом предложении два раза был употреблён глагол «делать». Когда же я попросил вас привести еще примеры, вы, помнится, ответили, что ещё не пришло время, но что когда оно придёт, я всё узнаю. Мне кажется, время пришло.

— А мне кажется, товарищи, что наше обсуждение пошло по неверному пути,— прервал Толиба Обид-заде голосом, который сразу же привлёк к себе всеобщее внимание.— Серьёзный разговор мы превращаем в какую-то ссору. И совершенно прав товарищ Разыков, выразивший опасение, что обсуждение может превратиться в обыкновенный спор. Товарищ Рустамов ввёл нас в курс дела, за это мы ему благодарны. Впоследствии, я ни минуты не сомневаюсь в этом, он удовлетворит требование товарища Шарапова. А сейчас давайте послушаем автора, благо, он уже вышел к трибуне. Не провозжать же нам его назад!

В зале засмеялись. Положение было выправлено.

Толиб заранее приготовился, но сейчас он вдруг почувствовал всю ненужность своего выступления здесь, на обсуждении: ведь в брошюре все сказано, что он хотел сказать. Собравшиеся прочли её, зачем же еще растолковывать? Поэтому он сказал очень коротко, только самое необходимое, и сел.

— Кто хочет выступить?

Все молчали.

— Товарищ Обид-заде, может, вы начнёте?

— Мне кажется, сначала следует прослушать отзывы,— с места сказал Обид-заде.

Рустамов начал читать отзывы. Читал он громко, отчетливо, подчеркивая те места, где говорилось о недостатках книги и о несогласии рецензентов на опубликование монографии. «...Мне кажется, следует считать опубликование этой книги ошибкой...» Я категорически возражаю против опубликования этой книги...» «...зачем нашему учительству эта вредная и ошибочная книга!?» «Книга эта явно не доработана и, как мы уже сказали, изобилует стилистическими и методическими ошибками, мы не считаем возможным её опубликование».

Рустамов даже не смотрел в бумагу; казалось, он выучил фразы наизусть.

Когда он кончил читать, с места поднялся Обид-заде. Настороженный шёпоток пробежал по залу и стих. Так стихает внезапно налетевший сентябрьский ветер.

— Мы все здесь слышали, как товарищ Усманов в своем донесении кратком выступлении намекнул о величии и мировом значении таджикской классической литературы. Мы ему весьма признательны за эти хрестоматийные сведения. Но, к сожалению, Усманов ничего не сказал о своей книжке. И это не случайно. Ведь каждый знает, как трудно защищать слабую работу. В какие бы словесные узоры, в какую бы одежду вы её ни нарядили, всё равно наружу вылезут все её недостатки и слабости. Вот поэтому-то товарищу Усманову и его защитникам приходится так трудно, когда они берутся за столь благодарное дело, как защита произведений, которое, впрочем, и произведением-то нельзя назвать...

После этого Обид-заде подверг работу Толиба совершеннейшему разному: в ней масса ошибочных положений, нет глубины мысли, встречаются грубейшие стилистические ошибки...

Товарищ Усманов еще молод, и, естественно, у него мало опыта. Он слабо разбирается не только в науке, но и в жизни. Само по себе это не так уж страшно, если бы он был скромен и понимал свои недостатки. К сожалению, это не так. Товарищ Усманов самонадеян, заносчив и груб. — Обид-заде неожиданно перешел к критике самого Толиба. — А мы люди пожилые, посевшие за письменным столом, знаем, к чему приводит самомнение и заносчивость. Ведь гордость — первейший враг таланту, это смерть для него. Как жаль, что товарищ Усманов, самостоятельно еще ничем не проявивший себя в науке, встал на этот гибельный путь. Мало того, что Усманов не прислушивается к словам старших, опытных товарищей, самонадеянно отвергая все их советы, он совершает некрасивые поступки, недостойные нашего молодого советского человека...

— Что вы имеете в виду, говоря о моем недостойном поведении? — не выдержав, крикнул с места Толиб.

— А мы об этом поговорим в другом месте, — не взглянув на Толиба, сухо ответил Обид-заде.

— Почему в другом месте? — спросил Шариф-заде с места. — Если уж начали, так говорите до конца.

— Хорошо, хорошо, не волнуйтесь так. Я удовлетворю ваше желание, — недобро усмехнулся Обид-заде. — Тем более, что вы прекрасно знаете, что я имею в виду. Если бы Усманов был честным человеком, он не пытался бы прикрывать свои злые, мелкие цели и намерения святым и высоким чувством любви и не воспользовался им, как орудием мести. Если бы в его сердце не было зависти и ревности, то зачем бы он стал подвергать уничтожающей критике уроки одного из наших лучших педагогов — товарища Нусрат-заде?.. Если бы он был порядочным человеком, то не забыл бы так скоро добро, сделанное ему... я думаю, сидящие в этом зале и особенно защитники Усманова, понимают, о чем я говорю... Но, как я уже сказал, эта тема требует особого разговора; надеюсь, руководители министерства просвещения не оставят её без последствий. Думается, что для таких людей, как Усманов, это будет весьма полезным.

Толибу хотелось крикнуть что-нибудь злое. Но он прекрасно понимал: чтобы ответить как следует, надо быть хладнокровным.

Толиб взял себя в руки...

Глава одиннадцатая

Обсуждение шло к концу, жарче стали споры, резче, обнаженнее — выводы и характеристики.

Душно, хотя окна открыты.

Сейчас бы сигарету выкурить.

Выпить бутылку лимонаду. Буфет, кажется, еще открыт.

Но когда тебя громят в пух и прах, уходить неудобно: смахивает на дезертирство.

Очередной оппонент оказался довольно покладистым. Или осторожным.

И все же виновнику столь внушительного собрания людей уходить весьма рискованно. Хотя «в процессе обсуждения» выходили многие и — ничего.

Толиб встал. Потихоньку начал пробираться к выходу. Вот хорошо: никто даже и не глянул на него. Значит, дело не в нем, Махматтолибе Усманове. Дело — в принципе. И это тоже неплохо.

Толиб уже подошел к двери, когда в углу, на одном из крайних и самых дальних стульев заметил краем глаза женскую фигурку. Он скользнул по этой фигурке глазами, не осмыслив увиденное и почти не увидел её, как и многих других, сидящих в этом ряду. Но в жен-

ской фигуре, когда он уже отвернулся и не смотрел в ту сторону, показалось ему что-то удивительно знакомое. Толиб обернулся и увидел Рано.

Он так и остался стоять возле двери. Он понял, что Рано смотрела в его сторону, что она только сейчас отвернулась и знала, что он выходит.

Как и там, давно, у Обид-заде, он закричал:

— Рано, я тебя искал, где же ты пропадала?

Как и там, у Обид-заде, давно, он даже оглянулся: не закричал ли он действительно вслух, ведь он так явственно слышал, как всё в нём закричало: «Рано, где же ты пропадала?»

Рано подняла голову на безмолвный призыв.

— Иди же сюда! — так же молча позвал её Толиб глазами.

Она встала и пошла к выходу, немного согнувшись и не глядя ни на кого.

— Ты умница! — сказал ей Толиб громко, когда они вышли в коридор.

— Я так боялась за вас, — ответила она.

— Ты даже не знаешь, как это замечательно, что ты здесь.

— Я так боялась за вас, — повторила она.

— Где ты была?

— Я была дома.

— Но твоя милая тётя сказала, что ты уехала.

— Она и от меня не скрыла, что обманула вас...

И девушка рассказала все, что с ней произошло.

Рано разбила два блюда, тётка устроила ей скандал. Блюда падали и раньше, но в этот раз тетка не утерпела. Они сказали в глаза всё, что думали друг о друге. Не было вечера, чтобы дядя не поносил Толиба; Рано в конце концов, надоело это слушать. Тётка без конца пеняла на современную молодежь, которая наестся чужого хлеба, вылезет из-под материнской юбки и уж начинает воображать аллах знает что; человеку, который их вскормил, норовит глаза выклевать — хоть бы отсох у них этот клюв...

...В общем, тётя сказала, чтобы ухажёров никаких в их доме не было и духу и чтобы Толиб не приходил к ним домой. А Рано, когда она вступилась за Толиба, назвала дрянной девчонкой. И сказала: «Вот тебе бог, а вот — порог!» В тот же вечер к дяде в гости пришёл профессор Нуралиев и ещё какой-то преподаватель института. Они всё договаривались, как лучше разгромить молодого выскочку, то есть его, Толиба. Ну, и договорились. Профессор Нуралиев должен сегодня придти...

Теперь стало понятно, почему то Обид-заде, то Рустамов частенько поглядывали на дверь. Они ждали профессора Нуралиева, который всё не ехал.

Нуралиев... Толиб много слышал о нём. Говорили, что он знающий человек. Говорили также, что он далёк от науки. Большинство же склонялось к тому, что Нуралиев не карабкался в науку по утёсам и каменистым тропам, а пришёл широкой столбовой дорогой, вопреки известному изречению Карла Маркса. Каких-либо выдающихся работ, принадлежащих перу профессора, Толиб не знал, да и никто, по всей вероятности, не мог бы их назвать. Правда, Нуралиеву принадлежали два учебника по литературе для неполной средней школы, но опять же многие поговаривали, что там приложил свою руку Саиди, фамилия которого стояла рядом с профессорской.

В последнее время Нуралиев почти не читал лекций и всё больше превращался в некую ходячую древность. Он очень удачно выбрал себе роль пенсионера от профессуры и, видимо, поэтому еще пользовался уважением некоторых и насмешками других.

...Толиб хотел спросить у Рано, где же она сейчас остановилась, но девушка не дала ему говорить:

— Слушайте! — Норов какой-то выступает.

— Ну и пусть выступает! — сказал Толиб. — Всё равно он станет повторять всё ту же рустамовскую алифбо.

И по глазам Рано Толиб понял, что совершил оплошность. Рано пришла сюда, чтобы защитить его. Она, конечно, не знала, как это сделать, и даже наверняка была уверена, что ничего не сможет сделать, но зато она предупредила о сговоре с профессором Нуралиевым и, если бы могла, встала бы у кафедры и разгромила всех дружков милого своего дяди и его самого — первого.

— Послушаем, — согласился Толиб.

Норов говорил:

— ...И к какому же я пришёл выводу? Статья Усманова об уроках Нусрат-заде очень любопытна. Там немало верных мыслей. Мне кажется, в последнее время в республике наметились кое-какие изменения в методике преподавания литературы и в статье Усманова они очень точно подмечены.

Здесь, с этой трибуны, Обид-заде обвинял Усманова в зазнайстве и грубости, но не привёл никаких доказательств в подтверждение своих слов. — Если вы, товарищ Обид-заде, — Норов повернулся в сторону президиума, — считаете статью о Нусрат-заде и стремление защитить свою монографию зазнайством, то, мне кажется, вы не правы. Если бы учительская наша газета чаще печатала такие вот статьи с точным и конкретным анализом уроков, это принесло бы только пользу. Что касается монографии Усманова, я за то, чтобы её напечатать.

В коридор вышла Елена Васильевна. Она кивнула Рано как старой знакомой и сказала Толибу:

— Вот что называется — автор! Его громят, его защищают, а он равнодушно покуривает в коридоре. Шли бы лучше в зал. Шариф-заде волнуется. Он скоро будет выступать и уверен, что вы сбежали.

Толиб пошел в зал, всё время оборачиваясь и твердя, чтобы Рано никуда не уходила. Навстречу ему шла Едгорова. Он обернулся в последний раз и увидел, что Рано, Едгорова и Елена Васильевна что-то горячо обсуждают.

Ему впервые во время обсуждения стало как-то хорошо на душе, хорошо оттого, что вот рядом с ним есть такие хорошие друзья; они могут и осердиться, и поругать, но зато и в беде не оставят, а это ведь чертовски, просто и сказать нельзя, как хорошо.

Странно: оказавшись в зале, на первом ряду, Толиб меньше слушал и меньше запоминал, чем тогда, когда был в коридоре с Рано.

К трибуне вышел Нусрат-заде. Он удивил Толиба больше всех. Он взял под защиту монографию Толиба и признал, что критика его уроков, в основном, была правильной, она ему помогла преодолеть некоторые методические ошибки. Толиб понял, что если бы не директор школы, Нусрат-заде, может, выступил бы несколько иначе. И дело тут не в том, что Нусрат-заде не пожелал пойти против мнения своего директора: при его известности и связях он мог найти место в любой школе республики.

Выступления Шарапова и Шариф-заде были особенно хлесткими. Зал зашумел. Мнение стало складываться в пользу автора монографии. Выступили Елена Васильевна и Едгорова.

Окончательный разброд в лагерь оппонентов внёс бессловесный Саиди. Случилось это следующим образом.

Секретарша вызвала Саиди из зала. Тот ринулся к двери. Вернулся минут через десять и сразу же подошёл к президиуму. Обид-

заде и Рустамов так и вцепились в него глазами, но не спрашивали ни слова, выжидали. Саиди просипел, как можно ближе подойдя к столу президиума и сбиваясь на фальцет, так что услышал весь первый ряд:

— Меня профессор Нуралиев вызывали.

— Придет он на обсуждение? — кислое выражение не сходило с лица Обид-заде.

— Они сказали, что не придут.

— Чем же он мотивировал свой отказ?

— Они сначала спросили у меня, как проходит обсуждение, я им, значит, коротко рассказал, тогда они сказали, что плохо себя чувствуют и придти не могут.

— Что, что такое? — спросила Шакирова у Саиди, улыбаясь и подумав, очевидно, что Саиди только что принёс очень интересную новость.

— Они спросили у меня... — Саиди стал говорить громче, чтобы слышала Шакирова, и от волнения окончательно перешёл на фальцет, так что мог слышать теперь весь зал. — ...спросили, как проходит обсуждение, я им, значит, коротко рассказал, тогда они сказали, что плохо себя чувствуют и придти не могут.

— Но мнение своё профессор мог сказать хотя бы по телефону? — спросила Шакирова.

— Ну да, ну да, я, конечно, спросил у них: может, вы сообщите мне ваше мнение по этому вопросу, а я абсолютно точно доведу его до сведения собравшихся. — Саиди перевёл дух и, собравшись с силами, продолжал: — Так вот, они сказали; как собрание решит, то это и будет правильное решение и к этому правильному решению профессор Нуралиев с удовольствием присоединяется.

Смех пробежал по залу легким ветерком, затем превратился в такой бурный хохот, что люстры зазвенели.

Председательствующий Разыков долго стучал карандашом по стакану. Обид-заде, чтобы не выглядеть белой вороной, натянуто улыбался; Рустамов побледнел.

Никто больше не хотел говорить.

— Всё и так ясно! — неслись выкрики из зала.

Тогда слово взял сам председательствующий и ещё раз огорошил присутствующих.

— Товарищи! Я поверил Рустамову, поручил ему разобраться в этом вопросе. Я допустил ошибку, товарищи! Я слепо доверял вам, товарищ Рустамов, верил вашей совести, товарищ Обид-заде, а вы... мне очень больно признаться в своей ошибке, но я вынужден честно признать, что, хотя вы и были все время перед моими глазами, но я вас плохо рассмотрел.

Сорвавшийся в колодец не отрывает взгляда от спасительного края и судорожно за него цепляется. Если в руках не хватает сил, он пускает в ход зубы. Только бы удержаться за край, только бы выбраться, стать на твёрдую землю, увидеть солнце.

Вот так и Разыков цеплялся, пытаясь отмежеваться от своих друзей.

В закючительном слове Шакирова критиковала методы «научной работы» Обид-заде и Рустамова, заверила присутствующих, что вопрос «будет обсуждён в министерстве просвещения».

Поражение противников было явным.

* * *

Вот уже дня четыре, как в комнате Толиба — толкотня, шум, бесконечные гости. Шефы во всё вмешиваются, всё хотят знать, чуть ли не залезают Толибу в карман и заставляют делать покупки. Боль-

ше всех радуется преподаватель естествознания и яростный поклонник семейного очага — Халиков. Он безропотно исполняет самые сложные поручения, присылает в помощь свою жену, предлагает в долг денег и, наконец, уводит Рано к себе в дом со словами: «Не отдадим до самой свадьбы».

В холостяцкой квартире Толиба появились соседки: тетушка Анзурат и тётушка Латофат. Кто их подослал, Толиб не знал, да и всё рано ему было. Тётушки улыбались Толибу, пели «Ёр-ёр» и ещё какие-то обрядовые песни. И, как самое главное начальство, заходили Елена Васильевна с Едгоровой. Даже Шариф-заде в их присутствии как-то ступёвывался; шефы позволяли себе на него даже покрикивать, а Шариф-заде покорно выполнял их команды и поручения.

Но вскоре к Толибу заявился такой гость, что сам хозяин квартиры, давно привыкший к толчее и умудрявшийся в такой обстановке писать планы уроков, был огорошен.

Толиб только что переделся, побрился и собирался отправиться к Халикову. Вернее, не к Халикову, к которому он не питал особых симпатий, — а к Рано. В дверь резко постучали.

— Войдите!

Вместе с хола-мулло, вместе с милой тётушкой, в комнату ворвался модный запах дорогих духов, стук высоких каблук, блеск золотых цепочек и колец, панбархатные радужные переливы. Яркий день потускнел в соседстве с этим шикарным сверканием.

— Здравствуйте. Садитесь, пожалуйста! — Толиб придвинул неожиданной гостье стул.

Милая тётушка ответила на приветствие не раньше, чем заглянув во все углы и даже под кровать.

Затем она подошла к Толибу так близко, что могла без особого труда откусить ему нос.

— Где Рано?

— Её нету.

— Куда ты, шайтан, подевал мою дорогую девочку?

— Она уехала.

— Как — уехала?

— Насовсем уехала.

— Куда ты задевал мою Рано? Куда она уехала?

— На луну.

Память милой тётки сработала мгновенно. А так как порох почтенная дама и на этот раз сохранила сухим, то тайфун разразился тоже мгновенно. Когда же ей стало ясно, что «проклятый пират» имеет крепкие снасти, тётка успокоилась. Наступил штиль.

— Вы, молодой человек, оставьте свои шуточки. Вы мне скажите, где Рано? У меня к ней серьёзное дело. — Хола-мулло выглянула через окно на свою машину.

— Ну что же, идемте, — сказал Толиб и повел гостью к дому Халикова.

При виде Рано Сабохат-хола засверкала браслетами и многочисленными улыбками:

— Рано, душенька, я все глаза проплакала, тебя ожидаючи! Пойдём скорее, машина ждёт.

— Но я же сказала, что больше не вернусь к вам, — ответила Рано.

Естественник Халиков, увидев, что его подопечному грозит опасность остаться в холостяках, пришёл в ужас и — бочком, бочком — выбрался из комнаты, но уже с порога перешел на темп стометровки, что при его слабой комплекции было немалым подвигом.

— Почему не вернёшься? Поедем. Дядя обязательно велел привести тебя. Он с ума сойдёт, если узнает, что я возвратилась одна.

— Никуда я не поеду.

— Рано, опомнись! Ведь ты хорошая, умная девочка, но тебя сбили с толку. Смотри, потом пожалеешь, да поздно будет.

— А вы не жалейте, — сказала Рано.

— И зачем ты это сделала, Рано? — хола-мулло пустилась в слёзы и заплакала так жалобно, что даже Толибу едва не захотелось уехать вместе с ней. Именно такого оборота дела он и опасался. Женщины слезами хоть самого дьявола могут разжалобить. — Тебя дядя так любит, так любит! А если я и обидела тебя, так ведь я хотела хорошего. Что бы там ни было, а ведь мы всё-таки родственники. Зачем же ты бросила родной дом, уехала к чужим людям? Что скажут твои односельчане?

В этот критический момент начала прибывать помощь. В комнату, грозно поблескивая окулярами, вкатился Шариф-заде, за ним втиснулся естественник.

— Ну и пусть думают, что хотят!

— И что ты только говоришь, Рано? А я-то думала, будешь ты моей невесткой. Вот уж не гадала, что какой-то проходимец собьёт тебя с истинного пути.

Шариф-заде крикнул возмущенно. За ним, еще возмущеннее, крикнул естественник. Явились, наконец, шефы, и Толиб окончательно уверился, что дело его выиграно.

Рано стояла посреди комнаты с книгой в руках, сдвинув брови. Шефы стали по бокам в позе постовых милиционеров.

— Это всё вы наделали! Подлый, бесчестный человек! — Порох, который милая тётя берегла сухим, наконец вспыхнул. — До сих пор не женились! Денег не было на калым! Так вы решили сманить девушку! Честную девушку с толку сбили... из дому увели!

В дверь одновременно вплыли тётушка Анзурат и тётушка Латофат.

— Что, что, что такое? Какой калым? — спросила тётушка Анзурат воинственно.

— Никакого калыма! — подтвердила тётушка Латофат. — Учителя должны быть примером для своих школьников. Мы поставим этот вопрос на родительском собрании.

— Ну, довольно! — сказала Рано устало. — Дверь открыта, а за дверью вас ждёт машина. Вам давно пора домой.

Рано подошла к тёте вплотную.

— Напрасно вы так расстраиваетесь, ханум, — участливо заговорил елеиным голосом Толиб. — Ничего страшного не произошло. Вы женщина здоровая, нигде не работаете. Что вам стоит взять в свои трудолюбивые руки домашнее хозяйство? Похудеете, станете стройнее на зависть соседкам.

Жена Обид-заде остолбенела. Она не привыкла к таким ответам. Одарив разгневанным взглядом всех собравшихся, она круто повернулась на тонких каблучках и вышла вон.

Некоторое время в комнате было тихо. Все думали, наверное, о неожиданной гостье, которая только что ушла из комнаты, оставив после себя запах дорогих духов и ощущение напрасно прожитой жизни.

Перевел с таджикского Владимир Жуковский

Тянь-Шаньский марш

Рассказ

В Ташкенте у нас была пересадка. Вокзал был забит тысячами транзитных пассажиров, поезда шли, но попасть на них было невозможно. Билеты не продавались.

Тут мы и засели. Была дикая жара. Скушать мешали только мухи. Их были миллионы. Вот тогда-то Димка и выдумал ловить на удочку.

Дело в том, что среди прочих вещей у нас был небольшой чемодан. Обычно с такими чемоданами ходят балерины в театр или чемпионы на каток. Вид у этого чемодана был изящен и даже хрупок, однако носить его можно было только на плече. Внутри его был вставлен прочный каркас из стальной проволоки и он был набит дробью. Чемодан весил около пяти пудов.

Ловили же мы на удочку так: понатужились, дотащили чемодан до пустой скамейки и оставили там. Потом ушли в другой конец зала и установили оттуда тайное наблюдение.

— Посмотрим, кто из промышленных людей первый клюнет, — говорил Дима.

Первым клюнул какой-то здоровенный и довольно прилично одетый парень. Он несколько раз с независимым видом прошел через зал, не глядя на скамью. Затем уселся рядом, затем положил на чемодан руку. Потом парень быстро встал и хотел уйти, но чемодан не сдвинулся. Тогда он рванул его изо всей силы за ручку, но и тут вес чемодана оказался для него настолько неожиданным, что хотя он и оторвал его от скамейки, но не смог удержать и чемодан свалился с лавки на пол, придавив ему ногу. Мы захохотали с Димкой, а вор открыто

погрозил нам кулаком и, сильно хромя, удалился.

Поставив чемодан на место, я было задумал со скуки, но меня очень скоро растолкал Димка.

Теперь мимо чемодана дифилировал с крайне независимым видом классический беспризорный, характернее которого трудно себе представить. Это был парнишка лет четырнадцати, в рваных ватных штанах, опускавшихся до лодыжек, в не менее драном ватнике, с копной нечесаных волос, покрытых потертой фетровой шляпой. На его нижней губе висел, видимо, с незапамятных времен, махорочный окурок, а сквозь рваную тельняшку была видна забинтованная грудь. Повязка была ужасно грязная и сам этот беспризорный был грязен до невероятности, даже на лице у него красовалось грязное пятно не то от дегтя, не то от колесной мази. Вид у него был презрительно-пренебрежительный. Он несколько раз прошелся мимо чемодана, потом на ходу прихватил его за ручку, но чемодан от его рывка только с грохотом свалился с лавки. Громовой хохот всего зала был ответом. Видимо, уже все наблюдали за чемоданом. Беспризорник вильнул и мгновенно исчез за дверь. Напрасно Димка кричал ему вслед:

— Эй, промышленник! Бери, бери! Мы не возражаем!

Состав нашей экспедиции был невелик: я — ботаник и начальник, и Димка — мой помощник-зоолог. Кроме того, к нам командировался аспирант-энтомолог Борис. Он также должен был работать в Тянь-Шане, но ехать один опасался из-за басмачей. Мы согласились включить его в экспе-

дичию при условии, что он будет выполнять триеть общей работы и подчиняться режиму экспедиции.

Борис был молодой человек, лет двадцати шести, очень высокий, очень худой и очень носатый. Он был одет в костюм экспедиционного типа, всегда за спиной у него был рюкзак, в руке большой сачок для ловли насекомых, а на поясе — патронташ, в котором вместо патронов были пробирки. В карманах и везде, где только можно, тоже были напиханы пробирки, заткнутые то пробками, то ватками. На носу Борис носил темные шоферские очки, а на голове — тропический пробоковый шлем. От него пахло эфиром: морилка для насекомых, которая оттопыривала его карман, была всегда заряжена.

Вообще, наше сидение в Ташкенте изобиловало приключениями. Борису надоело сидеть сложа руки и он отправился «пособирать». Через некоторое время бравого милиционер попросил меня в привокзальное отделение. Дежурный потребовал у меня документы. Он смотрел их мучительно долго и задавал вопросы. Смотри в удостоверение личности, он, например, спрашивал, как моя фамилия, имя, какого года рождения. Я ответил, что все это написано в удостоверении. Затем он спросил, куда я еду и зачем и еще задал массу вопросов. Когда мне надоело отвечать и я не скрыл этого от блюстителя порядка, привели Бориса.

Знаю ли я этого человека, спросили меня. Я сказал, что знаю. Но тут же подумал, что действительно вид Бориса в английском колониальном шлеме и в очках, закрывавших половину лица, мог легко смутить хрупкую душу милиционера.

— В чем дело, Борис? — спросил я.

— Да ничего, мух собирал. Вивонат! — Борис подошел к окну и вытряхнул к себе в морилку насекомое из стекла керосиновой лампы.

— Да подождите вы, — сказал я, — где вы мух собирали?

— На перроне. Они потребовали осмотреть морилку. Я им сказал, что там яд. А они говорят: «Яд? Пойдем в отделение!»

— Не смущайте вы милицию, — сказал я Борису, когда, убедившись в нашей благонадежности, нас отпустили и он в пятый раз повторил «какое безобразие!» — Очки — раз, колониальный шлем — два, пробирки — три, яд — четыре.

Приближался вечер и мы решили поест. Во время еды что-то случилось с одним из моих зубов. Я только впился в бутерброд, как почувствовал невыносимую боль. Я встал и стоял так, держа бутерброд в руке. Я стоял и думал, что мне нужно либо во что бы то ни стало сейчас же найти зубного врача, либо кинуться под поезд. Кивнув Димке на вещи, я вышел на площадь. На площади, заложив руки в карманы, с выражением немалого презрения ко всему на свете, стоял беспризорный, тот самый, что пытался спереть наш чемодан. Я молча отдал ему бутерброд, который все еще был у меня в руке, он молча его взял, а я пошел через площадь в неизвестном направлении. Я подошел к милиционеру и спросил, где

найти зубного врача. Милиционер долго думал, а я стоял и мне хотелось его убить. Наконец он показал рукой вправо, и я пошел вправо. По удивительно старой вывеске, на которой были изображены зубы, я нашел наконец какого-то старика. Это был довольно-таки древний старик. Его руки так прыгали и тряслись, что он все время колотил мне по зубам зеркальцем и каким-то стальным крючком на длинных металлических ручках. Эти два предмета отпоясывали у меня во рту настоящий фокстрот.

Наконец врач убрался из моего рта со всем своим железом и, поникнув, уселся на стул напротив меня.

— Надо рвать, — мрачно сказал он.

— Так рвите, — еще мрачнее ответил я.

Я сначала не понял причину его мрачности.

Оказалось, что вырвать зуб он просто не в состоянии. Он долго тянул, тянул, но зуб не выходил. Пот выступил по всему его лицу, залил все его морщины. Я ломал руками подлокотники и прилагал все усилия, чтобы не кричать; я был еще более мокрый. Зуб не выходил.

Доктор положил шпильцы и, страдая, уселся рядом со мной на стул.

Потом он взял какой-то другой инструмент и начал снова. Через пять минут мы оба были почти-что в обмороке. Доктор долго, поникнув, сидел, отдыхая, и его дрожавшие узловатые руки безнадежно свешивались между колен.

Мы смотрели друг на друга, как два затравленных кролика. Потом он ушел и вернулся с сыном. Сын был здоровый парень, но он был, как выяснилось, агроном. Он еще более мрачно взял какой-то инструмент, и зуб затрещал.

Когда через минуту или две у меня чуть прояснило и мы втроем осмотрели зуб, оказалось, что один из его корней остался в десне. Мы некоторое время стояли молча, разглядывая друг друга. Доктор — с виноватым видом; агроном: «мол, сделал, что мог; я: «ка как же со мной?!» Потом мне дали стакан воды и я ушел. Денег не взял.

Мне кто-то помог идти, причем, в темноте я так и не понял толком — кто. Кажется, это был тот самый беспризорный, которому я дал бутерброд. Говорят, в таких случаях людей сразу наполняет чувство горячей благодарности. У меня было не так. Я сперва осмотрел свои карманы, а потом позволил благодарности переполнить себя.

Возле наших вещей никого не было.

Когда через некоторое время вернулся Димка, я накинулся на него, возмущаясь.

Оказалось, у вещей должен был дежурить Борис. Но вместо вещей он предпочел караулить у фонаря ночных бабочек.

— Так за каким чертом он нам нужен! — возмущался Дима. — Стронт из себя Жака Паганеля. — Димка стал раскладывать на газете черешню, хлеб, колбасу, яйца.

Появился Борис, преисполненный восторга от того, что поймал какого-то бражника. Он весь сиял. У меня не хватило духу обругать его за брошенные вещи.

— Ладно, — сказал я. — Садитесь пировать, через полчаса надо штурмовать кассу.

Дважды Борис приглашать не пришлось, он уселся и начал есть. Ел он с удивительным проворством. От его рассеянности не осталось и следа.

Ночью мы всё же достали билеты и с огромным трудом залезли в вагон. Это была целая ночная битва. Нас толкали и оттирали, а мы лезли, нам наступали на ноги, а мы таранили чемоданами кого попало. Мы висли на поручнях, срывались вниз и карабкались опять. Пожалуй, мы бы не сели, если бы не Димка. Он открыл окно с другой стороны поезда, и мы подали ему туда все наши вещи. Хуже всего было с дробью. Чемодан пришлось открыть и передать его содержимое по частям.

Через некоторое время раздался звонок, поезд загудел и тронулся. Наш вагон был набит до предела. До утра мы дремали, привалившись к чему попало. А утром все как-то устроилось и так как сильного притока пассажиров не было, то стало гораздо удобнее. Оказалось, что всем можно сидеть и даже по очереди лежать. В соседнем отделении была даже свободная нижняя полка, на которой сидел какой-то весьма живописный старик. Он сидел с ногами на лавке, а рядом с ним никто не садился, так как старик все время чесался, прямо скреб у себя подмышками. К вечеру Дима, сидевший в проходе на чемодане, сделал верные наблюдения:

— Посмотрите,— сказал он,— этот ушлый старец чешется только при приближении новых пассажиров.

Дима перешел в соседнее купе и уселся на пустующую полку рядом со стариком. Когда тот начал, по обыкновению, чесаться, Димка так начал скрести себе живот и бока под рубашкой, что дед оторопел и отдвинулся от нового соседа подальше в угол.

А поезд неторопливо, неизменно все шел, шел, и вот вдаль показались горы. Это вправо и влево поднимались все выше и выше хребты Тянь-Шаня. Поезд петлял и свистел на подъемах, и вот вместо безжизненных пустынь, появились пырейные и мятликовые весенние луга. На их зеленом фоне горели красные маки; а через несколько часов, на самом перевале, вдоль полотна раскинулись зеленые волны ковыльной степи.

А горы все приближались. Они были со снеговыми гребнями, далекие и манящие, и по мере того, как поезд петлял, пыхтя и трубя, лез и лез на перевал, они то приближались, то опять уходили вдаль.

К вечеру, когда спала жара, мы с Димой вышли на площадку. Было так приятно проветриться после дневной жары! Ветер был уже не жгучий, и солнце уже не палило, и горы в вечернем освещении становились все ближе.

На ступеньке нашей площадки сидел беспризорный. Сверху, когда мы смотрели на него, нам была видна рваная фетровая шляпа с оборванными краями, в которую было воткнуто маленькое перо, и руки, державшиеся за поручень. Все это было грязно до отвращения, особенно руки, потрескавшиеся от грязи.

— «И шляпа с траурными перьями,— продекларировал Дима,— «и в кольцах тонкая рука».

— Не тонкая, а узкая,— неожиданно сказал беспризорник.

— Что?— переспросил Дима.

— Не тонкая, а узкая рука, говорю,— повторил беспризорник.

— Рука, рука... а ну, посмотри сюда! Так и есть,— радостно закричал Дима.— Ведь это тот, кто пытался увести у нас чемодан!

— Мало того,— сказал я,— это не он ли меня от зубного врача до вокзала провожал, когда меня тошнило?

— Пить надо поменьше,— наставительно сказал беспризорник.— Тогда и тошнить не будет.

— Мы вернулись в вагон, я соорудил огромный бутерброд, а беспризорник мгновенно его проглотил. Такая же судьба постигла еще два бутерброда.

— Как тебя звать?— спросил Дима.

— Костя.

— И куда Костя едет?

— По делам,— подмигнул беспризорник.

— И не надоело тебе путешествовать?

— Нет,— сказал он и, никого не спрашивая, полез под лавку, подложил под голову локоть и закрыл глаза.

— Шустрый парень,— сказал я.

— Талантливая молодежь,— сказал Димка.

— Напустит он нам тут вшей,— сказал Борис и брезгливо поморщился.

— Ну и чем же ты не доволен, энтомолог? Будешь собирать коллекцию у себя под мышкой,— вернул Дима.

А поезд все шел. На остановках Борис выскакивал, с сачком и ловил насекомых.

Вскоре Бориса знал уже весь поезд, и к нам в вагон, зажав в кулаке или посадив в спичечный коробок, понесли всевозможных насекомых.

Со всеми, дары приносящими, Борис был суров и спасибо говорил мхуро. А иногда и вовсе не говорил, а ругал: зачем повредили усы у жука?

Я смотрел в окно. Дима курил, беспризорник спал.

— Знаешь, Дима,— сказал я,— а может, возьмем с собой этого путешественника, пусть у нас в экспедиции побудет, может, оботрется?

— Вряд ли,— сказал Дима.— Чемоданы увести может и Блока знает. Слишком высокой квалификации, не удержать такого.

— Ну а все-таки, может, попробуем?

Спустились сумерки, и колеса отступивали свою бесконечную песню, под которую так легко думается, под которую так легко засыпается. А поезд шел, все шел сквозь ночь, везя нас навстречу нашей судьбе. А судьба наша была неясной. На границе, где нам надо было работать, было беспокойно. Там были басмачи.

И долго я не спал, и думал о том, что будет дальше, и через некоторое время вошла луна, и далекие горы, и широкие увалы вблизи полотна были задумчиво красивы. Свет луны падал вниз на пол вагона, в ее свете была неясно видна голова Кости, который спал под лавкой, подложив под го-

лову локоть, и поезд дергал, раскачивая его голову. В выражении Костиного лица было что-то грустное.

Я отвел глаза от этого не по-детски измененного лица. Когда же опять посмотрел на него, то увидел, что Костя не спит, глаза его открыты и он смотрит на меня. Я позвал его кивком головы, он вылез из-под лавки и сел напротив.

— Ты куда едешь?

— Да так,— пожав плечами, сказал он.— Еду вот.

— Родители есть?

— Нет.

— Кто они были?

— Отец — врач.

— То-то ты Блока знаешь.

— Папа любил Блока,— грустно сказал Костя.

— Ну, а какие-нибудь родственники у тебя есть?

— Есть.

— Ну, а к ним?

— Нельзя.

— Почему?

— Такое дело...

— Грязное, что ли, дело?

— Хуже...

— А какое?

— Мокрое,— тихо сказал он и оглянулся.

И я подумал, что, может, Дима прав и что действительно лучше не связываться, ведь бывают же негодяи с ангельскими лицами. И тут я поступил нехорошо. Я побоялся ответственности и хлопот. Я побоялся брать Костю в экспедицию и заснул под стук колес.

А ранним утром проводник разбудил нас, и мы едва успели выкинуть все наше снаряжение и выскочить сами на маленькой станции, где поезд стоял всего три минуты.

Это была крошечная станция. Сразу за ней начиналась пустыня. Станция состояла из нескольких деревянных домиков на кирпичных фундаментах, стоявших посреди сыпучего песка. С одной стороны дома были засыпаны чуть ли не до крыши, с другой стояли на обнаженном фундаменте, повиснув в воздухе, как на сваях.

Местные жители попадали в свои дома различными путями: иногда через дверь, иногда через окно, или сегодня через окно, завтра через дверь, так как сыпучие волны песка двигались.

Здесь везде был песок. Он появлялся у вас в карманах, оставался в кружках с чаем, хрустел на зубах и оказывался на дне закупоренных бутылок с теплым лимонадом. Днем этот песок ослеплял и жег, обдавал жаром снизу и сбоку, ночью он блещет холодно, как снег в свете луны. Вечером, поднятый ветром, он хлестал по лицу, засорял глаза; утром, когда было тихо, радовал необычайной красотой пустыни.

Нам повезло: на этой станции, от которой не было никаких дорог, кроме выючных троп, мы пробыли только сутки. На следующее утро нам удалось нанять верблюдов и тронуться к Тянь-Шаню, который виднелся на горизонте.

Нет ничего прекраснее, чем рано поутру идти верблюжьим караваном по сыпучим барханам пескам. Широка, медлительна поступь верблюда и, кажется, что не едешь, а плывешь и длинноногие тени каравана идут, раскачиваясь, по крутым склонам ближайших барханов.

К тому времени, когда мы приблизились к горам, восхитительное катание на кораблях пустыни превратилось в пытку. Мы стерли себе все ноги о палки и колья, торчавшие из рваных выючных седел, а поясница ныла от непрерывных поклонов, которые мы отвешивали в такт размеренному верблюжьему ходу.

Когда мы к вечеру решили разбить лагерь у подножья гор, на берегу светлой речки, всего в нескольких сотнях метров от большого поселка, то насилу сползли с уже положенных на землю верблюдов. У нас все болело. Но зато мы очутились у самого подножья гор, именно там, откуда нам нужно было начать работу.

Кое-как размяв затекшие ноги, мы поставили палатки, развели костер, примостили чайник, кастрюлю. Потом был ужин, вкусный-вкусный: суп с картошкой и консервами, потом чай, отменно крепкий. А потом ужин был съеден и костер догорел, а мы все сидели, и в ярком свете луны перед нами уже близко стояли спокойные горы, и в темном небе матово светились их ледяные гребни. Они были красивее и таинственнее, в них было что-то зовущее и манящее и одновременно что-то грозное, даже пугающее. Мы ведь еще в поезде слышали рассказы о басмачестве и поэтому восхищение всей этой удивительной картиной ночных гор смешивалось у нас с тревогой за будущее.

А рядом журчала горная река. Она была такая прозрачная, что и сейчас, при лунном свете, видна была галька на ее дне и рыбы, быстрыми тенями перемешавшиеся в светлых струях, и пузырьки, непрерывно идущие из толчи воды к поверхности.

Утром мы с Димой ушли в поселок искать лошадей и рабочих. В полдень вернулись в лагерь, где Борис, оставленный дежурным, должен был приготовить на всех обед.

Мы пришли и сели, и Борис налил нам такую гадость, что я, несмотря на все мое нежелание показать свое неудовольствие, сморщился.

— Знаешь что, Борис,— сказал Дима,— в середине века за приготовление такого супа сжигали на костре, но сейчас нравы смягчились. В гражданскую войну таких поваров просто расстреливали.

— Я приехал сюда заниматься наукой, а не варить супы,— отпарировал наш повар. Пришлось есть эту дрянь.

Борис запустил в суп нечищенную картошку, навалил туда риса, видимо, немытого, так как по поверхности плавала шелуха; в нем были бобовые консервы и кабачковая икра, кроме того, он был пересолен. У меня даже мелькнула мысль: Борис сделал это нарочно, чтобы ему больше никогда не поручали готовить. Короче говоря, суп был отвратителен, и я ничуть не удивился, когда нехотя хлебавший это варево Димка, поло-

жил ложку. Однако на лице у Димы было не отвращение, а изумление и глядел он куда-то вдаль. Когда я проследил за его взглядом, то также опустил ложку и усталился в ту сторону, откуда мы вчера пришли.

К нашему лагерю приближалась одинокая фигура. Хотя она была еще далеко, но второй такой фигуры быть не могло. Этот ватник, эти рваные ватные брюки, эта шляпа!

— Промышленник?! — с изумлением сказал Дима.

Когда Костя подошел ближе, мы увидели, что он совершенно измучен и весь в пыли. Он прошел мимо нас, лег на живот на берегу реки и долго жадно пил. Затем оторвался, вытер рот ладонью, подошел к нам, сел, вернее почти свалился на землю и сказал хриплым голосом:

— Возьмите меня в экспедицию, я буду что угодно делать и буду стараться. И денег мне не надо платить, и, честное слово, ничего не украду!

Мы переглянулись.

— Ешь, — сказал Дима и передал свою чашку с супом Косте. — Ешь, промышленник! Может, хоть ты сможешь с голоду съесть стряпню этого блохолова.

— Прошу, — резко сказал Борис, — без оскорблений, и подобных глупых слов про меня не говорить.

— А этот суп — не оскорбление?

— Ну, довольно об этом, — сказал я, — посмотрим, какой суп сварил ты.

Собственно, никто ничего не сказал, но Костя так и остался.

После обеда мы опять ходили с Димой по поселку в поисках некоторых вещей, нам нужно было достать и седла, и продовольствие, и лошадей.

А вечером мы совершенно неожиданно забрали в садик возле старой церкви. Церковь была старая, деревянная, с несколькими куполами и с огромным числом крыш и коньков. Крыши были маленькие, помещались одна над другой и были крыты замшелой дранкой.

Дима долго с вождением смотрел на эти крыши и сказал:

— Летучих мышей здесь, видимо, сила несметная, и ведь никто этих мышей не знает, тут могут быть и новые виды. Залезу?

— Подожди, — сказал я ему, — давай у дядьного бати попросим разрешения, а то неудобно.

Мы постучались в дверь домика у церкви, из него вышел высокий, широкоплечий и очень мрачный человек с длинными волосами и бородой, одетый в длинную, довольно истертую рясу.

— Летучих мышей? — мрачно спросил он. — Не понимаю.

— Чего же тут не понять? — удивился Дима. — Вы глядите, как пошли, — и он указал на летучих мышей, которые одна за другой начали вылетать из-под маленьких крыш.

— А зачем вам это?

— Да я зоолог.

— А как же вы их будете ловить?

— Да вот влезу по срубам на крышу, сяду на конек и буду сверху хлестать.

Хмурое лицо священнослужителя осветилось неожиданно милой улыбкой. И вдруг этот почтенный батюшка мощным прыжком спрыгнул с крыльца, бегом завернул за угол церкви и уже через минуту показался с гигантской лестницей на спине. Лестница была огромная и тяжелая и я подумал, что такой груз был бы по силам Ивану Поддубному в лучшие годы. Лихо крикнув, батя развернул лестницу в воздухе и приставил ее к стене, так что она достала до крыши. Дима быстро вскарабкался на крышу и, усевшись на конек, начал хлестать хлыстом по потоку летучих мышей, которые одна за другой вылетали из-под конька, на котором он сидел. А я и батя подбавляли его снизу громкими криками. Почтенный священнослужитель впал в такой раж, что подпрыгивал от нетерпения и, кажется, готов был сам вскарабкаться на крышу. А я корректировал куда и как бить и одновременно кричал предостережения, чтобы Дима в азарте не свалился, а мыши уже летели из-под всех крыш и крышек, прямо струями, сотнями. А темнота становилась все гуще, и только вспышки близких молний освещали эту фантастическую сценку.

Дождь согнал с крыши Диму, но достигшего особого успеха.

Обескураженные неудачей, мы медленно пошли к лагерю. А батя отправился нас провозжать, с жадностью расспрашивая о том, что мы делаем и откуда мы.

На окраине поселка мы остановились; уже был виден огонь костра; опять, как вчера, в ярком лунном свете стояли горы.

— Взяли бы вы меня с собой, — неожиданно сказал священник. — А то вот так сидишь, сидишь на одном месте и киснешь. Да еще всякие неприятности.

— А и верно, батюшка, — сказал Дима. — Айда, поедем с нами, я и то смотрю, как это вы с вашей фигурой и пошли по такой специальности.

— А и правду говоришь! — Здрав патлатую голову, батя захохотал. — Я ведь стрелок хороший и с лошадьми умею обращаться. Э, да это всё мечтания, жизнь другое велит.

Махнув рукой, он повернул обратно.

— Занятный тип, — сказал Дима. — Какой атлет, просто жалко, ведь из него мог бы выйти замечательный борец или кавалерист. И вот, не угодно ли, пропадает зря. Только характер неровный у бати: сначала был мрачен, а потом оказался рубахой-парнем.

— Видно, местный комсомол соли подсыпает на хвост, — высказал предположение я.

В лагере было тихо. Борис спал, Костя тоже.

Дима долго сидел у костра и курил.

— Кончай дымить, — сказал я ему, — которую папиросу смолнись!

— Я вообще кончаю, — решительно сказал Дима. — Это последняя в моей жизни!

* * *

Утро было хлопотливое и жаркое, к нам вели лошадей, мы их осматривали, пробо-вали. Одних покупали, других нет. К обеду

все это слынуло, мы уселись у палатки на брезент. Обед, приготовленный Димой, был явно хорош, но когда я увидел, какими руками нам подает чашки с супом Костя, меня чуть не стошнило.

После обеда я достал мыло, полотенце, трусы и сказал Косте:

— Сейчас же раздевайся и — в реку. Все, что на тебе, прокиньтишь в тазу, потом вытираешь.

— Хорошо, потом, — сказал он.

— Не потом, а сию минуту, — сказал я. — Понял? Да ну же, раздевайся! Мыла тебе полкило, воды река, глядишь, может, и отмоешь свою коросту.

— Да ну же, промышленник! — сказал Дима. — Живо! Не ломайся! Я вижу, у тебя настоящая водобоязнь!

Дима решительно схватил Костю за ватник и сдернул его, но когда он стал сдирать и рваную рубашку, раздался совершенно дикий, иступленный визг, Дима неожиданно выпустил Костю из рук и тот опять натянул на себя свою драную рубашку.

— Ну что же ты, — сказал я с неудовольствием Диме, — сдери с этого дурака его рвань, пусть моется!

— Кажется, нельзя, шеф, — сказал Дима.

— Нельзя? Почему нельзя? Надо же вымыть этого дурака!

— В том то и дело, — странно улыбаясь, сказал Дима, — потому и нельзя, что это, кажется, не дурак!

— Не дурак? Умный что-ли!

— Нет не дурак, а хуже — дура.

— Что-о-о?!

— То! Девчонка!

— Не может быть! Костя, это правда?!

— Ага! — рыдая, сказала Костя. Я всю правду расскажу. И слезы текли у нее через все грязное лицо. — Только не выгоняйте меня из экспедиции!

— Выкладывай!

— Ну, в общем, когда папа умер, я пошла к тете. А тетя меня продала.

— Продала? Да неужели нашелся дурак, который тебя купил? — удивился Димка.

— Сам ты дурак, — отвечала Костя.

— Кто же тебя купил?

— Один теткин знакомый, землемер.

— Землемер? Интересный землемер.

— Ну да, он вообще был какой-то не такой. То приезжал, то уезжал.

— А зачем же он тебя купил?

— Ну, в жены купил.

— В жены? Не может быть!

— Нет, правда.

— Ну, а дальше что?

— А дальше, он привез меня к себе, я ничего не знала. Ну, а потом стал ко мне приставать...

— Ну и что?

— Ну, я сначала кричала, кусалась.

— А потом?

— А потом полоснула его бритвой.

— И что?

— Выскочила из дому и бежать. Потом обрезала волосы бритвой.

— А потом?

— Потом поехала к другой тете в Москву.

— Ну и как?

— Не нашла.

— Потом?

— Потом думала, думала — куда? В милицию хотела, побоялась — не поверят, решила, лучше буду беспризорничать.

— Однако ты молодец! — сказал Дима.

— Как же тебя зовут?

— Ксения.

Мы посидели, помолчали. Я был совершенно ошарашен, Ксения ревела, а Димка был чем-то страшно доволен. Во всяком случае, у него был такой вид. Я долго думал, что нам делать, а потом мы послали Ксению мыться, дав ей брюки и рубашку, а сами сели и долго разговаривали.

Мы решили, что, по-видимому, она ни в чем не виновата, и что, если так, то ей надо помочь. Ксения ни одной фамилии не хотела назвать. Мы узнали только, что случилось это где-то здесь, в Средней Азии.

Мы решили все это выяснить осенью, разыскать тетку и поговорить с ней всерьез.

— А у нас подбирается неплохая экспедиция, — сказал Дима вечером. — Сумасшедший блохолов, дикая беспризорная девка, взять бы еще этого недовольного жизнью попа для коллекции.

Но тут уж я не выдержал, мы легли на спины, разинули пасти и долго хохотали прямо в небо.

Потом пришла Ксения, она была причесанная и чистая. Я посмотрел на нее и подумал: «Как это мы раньше не разобрали, что это девчонка?»

Пришел с ловли Борис. Сначала он ничего не заметил, потом стал все пристальнее приглядываться к Ксении, а потом отозвал в сторону Диму. Дима вернулся, широко улыбаясь:

— Можете себе представить, — сказал он нам, — Борис утверждает, что она похожа на женщину.

В этот вечер я долго сидел, смотрел на залитые лунной горой и думал, что они нам сулят. Потом я увидел, как Дима с электрическим фонариком что-то ищет в камнях.

— Ты что там потерял? — спросил я.

— Да так ничего, — сказал он.

Потом он исчез, а когда я подошел к краю высокого берега и заглянул вниз, то заметил огонек. Видимо, Дима не выдержал, нашел брошенный вчера окурок и курил потихоньку.

В это время к нам в гости пришел батя. Он шутил, смеялся и был вообще весел.

Не успел он уйти, как появились еще две личности. Они долго торчали в отдалении и что-то высматривали. Личности показались мне подозрительными, я взял ружье и пригласил их поближе. Они подошли. Это были два паренька с комсомольскими значками.

— Вам что, ребята? — разглядев, что это не бандиты, спросил я.

— Вы — экспедиция? — мрачно спросили они.

— Допустим.

— Научная?

— Научная.

— А почему к вам враг науки ходит?

— Какой враг науки?

— А здешний поп.
— А почему же он враг науки?
— Да как же, он всем говорит, что мы произошли от Адама и Евы, а не от обезьяны.

Мы захохотали.
— А что вам до этого попа?
— Нам комитет поручил вести антрепренерскую работу.
— Ну и как вы ее ведете?
— Да как,— подумав сказали они,— мы ходили и убеждали его, что нет бога и что-бы он это сам сказал в церкви.
— А он что?
— Он спихнул нас с крыльца.
— Ну и что же вы стали делать дальше?
— Лекции в клубе устраивали, кошачьи концерты ему давали, дохлятину в церковь через окошко бросали.

— Знаете что, ребята,— сказал Дима,— вы ведь это все зря. По-моему, у вас неплохой поп, ей богу хороший, только вы к нему не тот подход применяете. Вы бы нашли ему какую-нибудь интересную работу, он бы и сам с удовольствием запер бы на ключ свой собор и занялся бы чем-нибудь другим. Ему его ремесло, по-моему, и так надоело хуже горькой редьки. Подумайте, ребята, правда.

— Вы серьезно говорите? — недоверчиво переглядываясь, сказали они, глядя на нас исподлобья.

Несколько дней шло формирование, несколько дней мы возились с лошадьми, седлами, продовольствием.

Наконец все было готово, мы взяли двух мальчишек на должность коногонов. К нам присоединилась маленькая киноэкспедиция, ехавшая снимать видовой фильм по Тянь-Шаню. Во главе этой экспедиции стоял маленький плешивый человек, одетый с особым кинематографическим шиком. На нем была какая-то кожаная курточка с множеством карманов, высокие шнуровые ботинки и кепка, которую он, согласно кинематографическим обычаям, носил козырьком назад.

Перед самым выходом, осматривая наше разношерстное сборище, Дима сказал:

— Боже мой, ну я же говорю, что единственное, чего нам не хватает, это поп-атлета. Это не экспедиция, а бродячий цирк.

* * *

— Били! Рвали землю подковы! По крутым склонам сыпался щебень с узкой тропы. Хрустел песок, скрипел камень, взлетала дорожная пыль под копытами наших лошадей.

Вверх! Вверх! По крутым склонам, по узким тропам, по камню, по песку, через бешеные струи горных рек идет и идет караван.

— Пошел! Пошел! — кричат коногоны.
— Ач! Ач! Ач! — дикими голосами орут погонщики верблюдов.

Привет тебе, божественный Тянь-Шань! Гигантские хребты, холод снегов и зелень долин, суровые скалы, бурные, kloкочущие реки, тучные пастбища, волшебнопредкрасные леса!

Могучи твои хребты, в безмерной вышине режет их гребни бесконечно синее небо.

Белы и непрístupны твои ледяные вершины. Густа и сладка трава твоих высокогорных джейлау, где сотни кутасов, тысячи копей, миллионы баранов пасутся все лето, тучнее на глазах.

Прекрасны еловые леса твоих склонов, где стройные ели на сорок, на пятьдесят, на шестьдесят метров уносят свои вершины в кристальный горный воздух.

Богаты твои яблоневые леса, где по осени ломаются ветки от тяжести плодов, где вся земля покрыта ими, где ручьи текут наполовину из воды, наполовину из яблок.

Богаты поля и сады твоих подножий, где до земли клонятся колосья пшеницы, где выше домов растет кукуруза, где столько арбузов и дынь на бахчах, что под ними не видно земли.

По твоим непрístupным скалам скачет красавец-киик, да крадется свирепый ирбис. В твоих лесах и степях живет стремительный илдек и ворчливый медведь. По осыпям стаями крохочут кеклики, со снежных скал свистят улары.

Шириют в небе орлы и грифы. Кипит жизнь на склонах твоих хребтов.

И владыка этой прекрасной страны, горный киргиз, орлиным взором окидывает свой стада, пастбища, леса и поля.

Привет тебе, божественный Тянь-Шань! На сотни километров раскинул ты свои хребты, на тысячи метров поднял свои вершины и нет тебе равных, могучий, прекрасный Тянь-Шань!

Рвали, били землю подковы. Свистели камчи, сыпался щебень с тропы.

Вверх! Вверх! Вверх по склону шел и шел наш караван.

— Пошел! Пошел! — кричали коногоны.
— Ач! Ач! Ач! — кричали погонщики верблюдов.

— Кайда барасен? — спрашивал старый киргиз, сидя у своей юрты при дороге.

— Далеко, наверх, на джейлау, — отвечали мы.

* * *

Мы шли целый день, поднимаясь на первый хребет Тянь-Шаня. Как всегда, сначала многое не ладилось: то дурили лошади, то падали выюки, то терялось какое-то снаряжение.

Я строго следил, чтобы никто не отставал. Ведь мы ехали туда, где действовала банда басмачей.

Кинодатель без конца что-нибудь рассказывал.

— Представьте,— говорил он,— какие бывают режиссеры? Вот один, не буду называть фамилии, все его знают. На съемке — вопль, крик на известную артистку, его собственную жену, чуть не матом. Я не могу, кричит, это ад! Кругом идюты, кто одел римского воина в татарский панцирь? И раз, раз! Рвет на себе рубашку. В следующий раз опять крик, шум; ну, думаю, полетела рубашка! Ничего подобного! Оказывается, он не в рубашке, а в какой-то самоновейшей парижской замшевой курточке. С тех

* — Кайда барасен? (киргиз.) — Куда едешь?

пор, как что, я прихожу и говорю его жене: «Слушай, Тамара! Если ты хочешь, чтобы я работал с твоим мужем, одевай его всегда в курточку!»...

Вообще, рассказы нашего кинодеятели замечательны тем, что он говорит, в основном, о себе, реже о своих друзьях, да и то если эти друзья — знаменитости: министры, послы, великие ученые. Ниже заслуженных артистов и профессоров он в своих рассказах никогда не опускался.

Но на кого приятно смотреть, так это на Ксеению или, как ее у нас называли, на Ксюшу. Она сияет. Из-за нее уже возник спор. Дима говорил, чтоб ее отдали ему, что он ее выучит птичек препарировать; Борис хотел, чтобы она помогала ловить насекомых ему; кинодеятель, в свою очередь, высказался, что она «могла бы приобрести под его руководством ряд ценных навыков».

Вечером мы остановились на берегу шумного ручья. Когда стемнело, у нас уже стояли палатки, горел костер. В свете костра выступали только ближайшие деревья, а дальше все было темно, только по воде плясали блики света. Лошади тихо хрустели травой, то появляясь в освещенном пространстве, то уходя в темноту. Усталые и притихшие, все сидели вокруг костра и ждали. А в казане над костром булькал суп, распространяя дивный дух.

Неожиданно раздался торопливый топот копыт, и в освещенное пространство въехал всадник. Он пристально обвел взглядом наши лица. Это был очень крупный человек с усами, на его руке я заметил большой синий якорь.

— Экспедиция?

— Экспедиция.

— Здравствуйте, Семен Иванович! — закричали, вскакивая, наши конюгоны Шурик и Алешка.

— Будьте осторожны, — сказал приехавший, — недалеко работает банда Меченого.

— А кто этот Меченый?

— Да есть такой курбаши у басмачей, не то татарин, не то русский, из семеновских казаков.

— А Меченый — это фамилия?

— Прозвище. Ему кто-то, видимо, шашкой по щеке заехал. Так что будьте осторожны. Хотя для борьбы с бандой мы организовали два комотряда, человек по тридцать, из коммунистов и добровольцев, но это и все наши военные силы. Так что вы держитесь поближе к комотрядцам или к нашим полевым бригадам, туда-то они сунуться побоятся.

— Это какие полевые бригады?

— Да нашего совхоза. Ну, пока, — сказал он и исчез в темноте.

— Кто это? — спросили у Алешки и Шурика.

— Директор совхоза, — отвечали они.

На следующий день мы встали рано и тронулись вперед. Дорога вышла через гребень и перед нами открылось широкое межгорное плато. Далеко впереди тянулась бесконечной полосой ковыльная степь, зеленели четырехугольники посевов; за этим межгорным плато поднимался склон второго хребта.

Когда мы с Димой въехали на холмик то неожиданно увидели двух всадников на хороших конях. У одного из них была винтовка, но не на спине, а как-то странно, под коленом. Басмачи. Бежать было поздно, да и наши должны были подъехать с минуте на минуту. Но тут я с облегчением увидел что всадники были в шинелях. У меня от легло от сердца.

— Здравствуйте...

— Здравствуйте, — улыбаясь, ответил перенный. Он был киргиз, но совершенно чисто говорил по-русски. — Куда едете?

— Экспедиция.

— Что будете делать?

Мы сказали; затем посыпались вопросы о том, сколько нас и где будем стоять и т. д.

— Вы комотрядовцы? — наконец догадался я. — Показать документы?

В этот момент показались наши.

— Идите вперед, догоним, — сказал я своим и караван по тропе между высоких кустов потянулся вниз.

Когда наши проехали, я обернулся: верховой все еще читал мой документ и только тут я заметил, что он держит его вверх ногами.

— Не боятесь басмачей? — спросил проверяющий.

— А их тут много? — спросил я.

— Да, есть, — отвечал комотрядовец.

И тут я увидел, как кусты зашевелились и на дорогу выехал еще один всадник на удивительно хорошей лошади. Я люблю хороших лошадей, а эта была чудо. Это был кровный донец, рыжий, с белой звездой и в белых чулках. Он легко, не скользя, взлетел по крутому склону к нам на вершину холма и я, удивленный этой ловкостью, увидел, что копь кован на кавалерийские подковы с шипами. Всадник, русский, с светлыми усами и небольшой бородой странной формы, подъехал к нам в ту минуту, когда я брал из рук моего собеседника свой пограничный документ.

— Видать, лихие ребята эти комотрядовцы, — сказал я Диме, когда мы догнали наш караван.

— Может, они и лихие, и хорошие, — отвечал Дима, — да больно у них морды поганые.

— Скептик ты, — сказал я.

Мы шли целый день по плато и вечером подошли к комотряду, или, как здесь его называли, к заставе. Часовой нас остановил шагов за двести и пропустил только меня.

Застава представляла собой небольшой домик-мазанку, стоявшую в середине двора, окруженного высоким четырехугольным глиняным дувалом. В дувале через неравные промежутки были пробиты на высоте плеч дыры, служившие бойницами; во дворе стояли оседланные кони.

Вслед за провожатым, нагнувшись, я вошел в мазанку. Внутри была только одна полутемная комната, ее окна были забаррикадированы мешками с песком и свет проходил только через узкие щели бойниц. На полу, на разостланных кошмах и одеялах, сидели и лежали комотрядовцы. На некоторых были гимнастерки и галифе, но боль-

шинство было одето как попало, в рубашки и ватники. Люди также были совершенно разные: были и молодые, и бородачи. Из всей этой группы по форме одет был только один — начальник. Это был маленький человек с голым коричневым черепом. Он был тонкий и шуплый, на голову ниже всех своих подчиненных, ноги были у него циркулем и весь он чем-то неуловимо напоминал муравья. Все это воинское соединение имело исключительно мирный вид. Кто играл в шашки, кто штопал, кто читал. Никто грозно не чистил оружие, никто не хмурился.

— Вот, — говорил начальник нарочито громко и резко, как бы скандируя отдельные слова и хмуясь после того, как я доложил ему, кто мы и зачем едем. — Значит, занимаетесь наукой в наших краях? Очень хорошо. А мы вот бьемся с байскими бандами, защищаем советскую власть. Новости в районе есть какие? Как там внизу?

— Новость в районе одна, — сказал какой-то молодой, давящийся от смеха, задорный голос. — Колькина Клава после его отъезда в комотряд ходит на танцы с Петьюкой.

Дружный хохот и страшная возня были ответом на это заявление. Видимо, Колька мял под собой друга, сообщившего эту новость.

— Тише вы, жеребцы стоялые! Только бы вам о бабах.

— А как же, товарищ начальник, — сказал все тот же смеющийся голос. — О чем же еще? Вот у вас есть с собой баба, так вам и горя мало, а у нас нет.

— У меня не баба, — возразил наставительно начальник, — а, главным образом, пулеметчик. А что она моя жена, так это никого не касается. Ясно?

Чтобы переменить тему разговора, начальник сказал:

— Вот тут мы читали сочинение Дюма «Граф Монте-Кристо». Вам не приходилось?

— Читал! — совершенно опешив, сказал я.

— Вот тут мы решали вопрос, какая современная оценка ему будет, Дантесу. Он ведь страдал от буржуазии, от этого банкира и Данглара, ну и от других, и он с ними боролся. Как это расценить? У нас тут некоторые бойцы считают, что он революционер и прямо его можно было бы в партию принять. Ну, не сразу, конечно. Проварить в заводском котле. Тогда и из него вышел бы хороший партиец. А богатство свое он с радостью отдал бы на революцию.

В это время в двери появилась чья-то мощная фигура. Фигура оказалась огромной женщиной с чрезвычайно развитыми формами. Очевидно, это и была пулеметчик и жена начальника.

— Разболтались! — грозно скомандовала она. — Грязь, окурки, а они целый день валяются, все своего графа читают. А ну, убрать сейчас же, чтобы полная чистота была, а то жрать не дам!

И исчезла. Все сразу вскочили; видно было, что команды этого начальника исполнялись сразу. Во время уборки мы с начальником вышли.

— Ну, документы проверять у вас не

стану, — сказал начальник. — Вижу, что за люди.

— Да у меня уже проверяли ваши, — сказал я, — беда только, проверяющих ваш неграмотный.

— Где проверяли?

— На перевале.

— Какие люди?

Я рассказал.

— С бородой и лошадь в белых чулках?

— Да! Да!

— Ну, счастливы ваш бог, — сказал начальник. — Ведь этот, на дощце, в бороду решил свой шрам прятать, это же самый бандит и есть. Это Меченый. Самый курбаша, самая контра! Мы в том месте их вчера прижали, одного убили. Так, значит, они сами приезжали его похоронить.

Этой ночью едва не погиб Дима. Он, видимо, продолжал дымить потихоньку, так как бросил курить слишком торжественно. Он не ответил в темноте на окрик часового: «Эй! Кто там курит?» и чуть не получил пулю.

На следующий день мы начали работать. Надо было обследовать все пастбища, составить геоботаническую карту, помочь совхозу разобраться, где какие у него есть угодья, сколько кормов, какие животные и птицы обитают на территории совхоза. Честно говоря, работалось плохо, все мысли были о басмачах, мы все время оглядывались.

Мы выезжали верхами; Дима, Борис, Шурик, Алешка и я. Я собирал и описывал растения, Димка стрелял птиц, Борис ловил насекомых, Шурик помогал мне, а Алешка непрерывно, как часовой, оглядывал окрестности. Оседланные лошади стояли возле.

Киношник сидел на заставе, время от времени выходил, расставлял своего помощника вынимать и разставлять аппаратуру. Вся застава затихала. Он долго ходил задумчиво, затем говорил: «Нет! Нельзя! Солнце уходит в контражур!» — и сворачивал аппаратуру. Он был недоволен. Начальник отзывал меня в сторону и спрашивал, можно ли сделать, чтобы солнце не уходило в контражур.

Вообще наш кинодеятель пользуется на заставе огромным авторитетом, ему дают лошадей и охрану, его приглашают обедать, когда у комотрядовцев что-нибудь вкусное. И все это оттого, что он непрерывно рассказывает, как он пил коньяк с Колькой (это нарком), охотился с Васькой (это председатель госплана), ловил рыбу с Климом и т. д.

Через несколько дней мы ушли на склон хребта и проработали до вечера. К вечеру, когда мы с Димой собрались домой, то увидели внизу группу всадников. Спрятав лошадей в кусты, мы залезли туда сами и присидели, подремывая, всю ночь.

Утром никого не было видно, и мы поехали на заставу. Проходя через толпу, по которой прошла конная группа, мы долго рассматривали следы.

— Эх! — сказал Димка, подражая Дерсу Узала, — я вижу у вас «посмотри есть, а поймай нету!» Неужели не видите, все подковы местной базарной работы, а один след кавалерийских казенных подков с шипами.

Застава была на пожаре. Горели ячменные поля. Прискакал матрос — директор совхоза.

Мы забрали, какие нашли, кошмы и по-скакали туда. Там с шумом и треском горели сухие огромные поля ячменя. Пламя шло широким фронтом. Мы намочили кошмы в ручье, прицепили их на длинные веревки к седлам и ловолокли по огню. Один верховой ехал по одну сторону пламени, другой — по другую, так что мокрые кошмы волочились по самому пламени и тушили его. Мы довольно сильно закоптились, были и ожоги, но не страшные, и все кончилось более или менее благополучно.

— Кто же все-таки это сделал? — возмущался директор совхоза. — Какая гада это устроила?

Мы пошли к тому углу поля, откуда начался пожар. На мягкой земле обочины были ясно видны следы кованой лошади с шипами.

* * *

Однажды, во время сбора растений, мы опять наткнулись на басмачей. Дело происходило так: напоролся на них Борис, а Аляша, увидев, что дело неизвестно чем кончится, героически залез в кустах до выяснения событий. Борис увидел на кусте листогрызов, пошел к ним и неожиданно оказался перед четырьмя наведенными на него дулами винтовок. Борис принял басмачей за своих, сказал: «Одну минуточку», и стал собирать в пробирку листогрызов, усыпавших ветку боярышника.

— Девона!* — сказали басмачи, переглянувшись.

Это и спасло Бориса. Его вывели на дорогу, раздели и дали прикладом в спину.

Возле совхозной бригады мы встретили несуразную фигуру в трусах, в драных носках, с сачком в одной руке и морилкой в другой. Борис был в сильном нервном расстройстве; с опозданием, но все же до него дошло, какой опасности он подвергался. Он был бледен, слегка заикался и ничего толком сказать не мог, а все оглядывался.

Следующие дни мы работали вблизи, возвращаясь ночевать на базу, где было много народу и где было безопасно.

Как-то я задержался в поле и застал лагерь уже спящим. Только у костра сидел Димка.

— Знаете, шеф, — громко сказал он, — наш великий кинодеятель сегодня выкинул номер. Он заявил директору, что хочет его снимать. Ну понятно, сниматься, кажется, все любят. Директор, конечно, побрился, матросский костюм надел. А этот наш герой снимал его на пустую кассету. Ведь вот, ей богу, какая-то склонность людей обманывать. Ну это еще куда ни шло. Но то, что он получил в благодарность полведра меду, чуть не целый окорок и все это жрал один, а что не съел — спрятал, это уже свинство. Удивительный субъект, в комотряде всем головам заморочил своими рассказами о наркомках и все бегал обедать. Здесь опять то же самое.

* Девона — блаженный, сумасшедший.

— Откуда ты это все знаешь? — спросил я. — Ведь ты днем был на хребте?

— Ксюша сказала. Она дежурила в лагере.

— Где же он все это спрятал?

— Да тут недалеко...

— Недалеко! И ты говоришь об этом в таком эпическом тоне? Тащи всё сюда.

Дима зажег «Летучую мышь» и двинулся в кусты.

Хихикая, из палатки выскочила Ксюша.

По-видимому, никто еще не спал, наш разговор слышали. Через минуту вылезли все. Даже Борис, радостно улыбаясь, вылез из палатки. Мы разожгли костер поярче, уселись вокруг и молниеносно съели все мясо, а затем пили чай с медом. Мы ели и громко ругали киношника. А он лежал в палатке и притворялся спящим.

* * *

Шумит лес, качаются высокие ели.

Шумит лес, бежит шумливый ветер, шуршит листьями кустов, пригибает метелки трав, качает тяжелые еловые лапы.

Шумит лес. Струится ветер, шевелит мои волосы, прохладной струей забегает в рукава рубашки, за ворот, ходит, обвиняет мое горячее тело и руки, и грудь и от этого становится хорошо-хорошо.

И высокое небо, и белые спокойные облака, и темные ели и вся жизнь — все прекрасно.

В глубокой щели, в густом лесу, стоят наши палатки, пасутся наши кони, курится дымок над костром.

Недалеко от нас, в домике кордона, стоит застава.

А мы живем в глубокой щели, среди густого елового леса. Отсюда мы выходим работать на склон или на равнину, но наверх, где высокогорные джейляу, выходить еще боимся.

Мы приходим и туда. Но сейчас над нами качают лапами огромные тьянь-шаньские ели. Это великаны, их могучие стволы до двух метров в поперечнике, как гигантские серые колонны, окружают наш лагерь. Мы живем в каком-то удивительном храме, где крыша — зеленая хвоя, пол — золотисто-зеленый мох и мягкие лесные травы.

Здесь пахнет тайгой, здесь по ночам изпод моха выходят на свет красивые макушки сыроежек. В ветвях посвистывают юркие таежные синицы, дятел простукивает деревья. Сюда же, в лес, заскакивают со степных и кустарниковых склонов стремительные косули, забегают, квохча, табунки кекликов.

Бориса точно подменили. После встречи с басмачами он не отходит от лагеря и, несмотря на непрерывную пикировку с Димой, предпочитает работать поблизости. Дима, наоборот, хотя и не расстается со своим тройником,* но ходит далеко по лесу, и вниз на плато свистит по-разбойничьему, непрерывно стреляет и ничего не боится. Правда, это необходимо ему по работе, он

* Тройник — трехствольное ружье, где два ствола (для дробы) — гладкостельные, а один (для пули — нарезной).

стреляет своих птичек полузарядами, так что звук от выстрела негромкий, но все же.

И еще не совсем нравится мне этот мальчишка, этот Костя, оказавшийся Ксюшей. Это существо с катастрофической скоростью стало превращаться на наших глазах в девушку. И вот Дима и Борис, хотя и слегка, но начали за ней прударять. Конечно, неплохо, что они бреются и даже моют иногда руки, но между ними появилось соперничество, которое в некоторых случаях вносит в нашу жизнь нервозность. Вообще Ксюша стала неожиданно центром экспедиции, оба наших петушка вертятся вокруг нее и наш киношник непрерывно рассказывает ей всякие истории. Сегодня он, как говорит Дима, «выдал» следующий рассказ.

— Представьте,—говорил он.— Однажды снимаем любовную сцену на мосту. Все-го и участвуют: актер, актриса и я снимаю и режиссирую. Вдруг появляется пьяный; здоров, скотина, как черт, и начинает приставать к актрисе и ко всем нам. Мы его и так и сак, и добром и криком — никакого внимания. Не дает снимать и только! Что делать?

Бегу к нашей даче, мы тогда со всей съемочной группой недалеко на даче жили. Хватаю шкуру медведя, которая у нас была специально приспособлена, чтобы одевать ее и в ней изображать медведя. Бегу назад, на опушке одеваю шкуру, становлюсь на четвереньки, иду к мосту, где по-прежнему бушует пьяный. Я думал, он побежит, нет, представьте, наши убежали, а пьяный лег и вдруг представился мертвым. Ну тут уж я задал ему! Я его и катал по мосту, и бил, и лапой царапал. Наконец, скатил его в воду с моста, он выплыл и бжать. Я снял шкуру и продолжал съемку.

Наши комотрядовцы становятся все активнее, они посылают группы к перевалу, они днем и ночью патрулируют тропы. Но сейчас тихо, неправдоподобно тихо. Зато внизу, в равнине, в далеких пустынях идет кипение. Мы знаем, что там продолжают нападения, но, видимо, басмаческая активность падает. Нам известно, что Меченый со своей группой пытался поднять восстание, что его агенты по аулам пугали коллективизацией, отбиранием жен, детей и т. п. Им удалось кое-кого сагитировать и были налеты, была кровь и грабежи, но того, чего хотел, о чем мечтал басмаческий курбаши,—массовости выступлений не было. Оборудовали только отдельные шайки. А комотрядовцев становилось все больше, покскими бандам становилось все теснее. За явились отряды самообороны и басмаченими начался охота.

Так и не вспыхнувшее в пожар пламя басмачества, начало, чада, угасать.

Соперничество между Борисом и Димой не прекращалось. Они часто ругались между собой и ходили ко мне жаловаться. Борис говорил, что Димка бездельник, трепач и грубиян. Дима же утверждал, что Борис трус и пижон, что он работает под Жака Паганеля или под кузена Бенедикта, но только что все это папоказ.

А рядом с нами жил своей жизнью комотряд, быть может, более слаженный, чем

мы, так как там ребята были связаны большей дисциплиной. Оттуда ходили в разъезды, там проводили занятия, начальник объяснял международное положение, читал газеты. Его жена-пулеметчик рычала из-за грязи, ведала продовольственными делами и по-существу была самым внушительным членом отряда. С Димкой она сильно ссорилась, так как он ее называл «баобаб среди баб». Она страшно на это обижалась и требовала от мужа, чтобы он арестовал Димку. Она и в отряде во всё вмешивалась и к нам стала захаживать, чтобы давать указания.

Так, пришла раз и стала мне говорить, что заставлять девушку ходить в штанах нельзя и чтобы мы сшили Ксюше платье. Я ей сказал, что в экспедициях девушкам ходить в штанах лучше, удобнее. Она сказала, что нет, нужно шить платье. Я сказал, нет, не нужно. Тогда она вдруг на меня заорала: она «заставит меня сделать то, что нужно.» Я обозлился и сказал, чтобы она не совалась в чужие дела.

— Что?!—заорала она.

— То!— в свою очередь заорал я.

С тех пор у нас с ней установились не очень хорошие отношения. Правда, в своем отряде она продолжала командовать самодержавно, в частности, потребовала, чтобы ее супруг бросил курить, так как курить вредно. В результате, кроме Димки, появился второй тайный курильщик и я не раз видел, как они вместе под кружаром, в стороне от лагеря, тайно курили.

Кинематографист время от времени «выдавал» подходящие рассказы». Например: «Иду раз по улице, навстречу женщина красоты необычайной. Я поглядел на нее, она на меня. Оборачиваюсь через некоторое время — она идет сзади, еще раз оборачиваюсь — опять идет. Подхожу к своему дому, она подходит и говорит: «Я не могу без вас жить!» Я ей говорю: «Я очень сожалею, но я женат.» Она в слезы, рыдает. Пришлось ее проводить. Потом начался целый поток писем, но я не стал отвечать: к чему подавать ложные надежды?»

В то утро все было тихо и спокойно, все были заняты своей работой, ночные разъезды вернулись благополучно, не привезя никаких известий.

В это время к заставе прискакал кто-то. — Смотрите!— кричал Димка.— Да это никак наш знакомый батя!

Действительно, на крыльце наш старый знакомый пробивался к начальнику комотряда, но его не пускала жена начальника, говоря, что «он» был всю ночь в наряде; а сейчас спит.

— Господи Иисусе,—благочестиво сказал Димка,—какая радость. Вы, батюшка, приехали в комотряд обедню служить!?

— Дурак ты, вьюношь. Эта глупая баба не пускает меня к начальнику,—ответил батя,—дело важное. У пасеки свалился с лошади директор совхоза и расшибся сильно. Так я взялся вам пакет доставить.

— Однако молодец вы, батюшка!—сказал я, полегонечку оттирая начальственную жену от двери.

Разбуженный начальник прочитал письмо и задумался, потом у него письмо забрала жена. Однако он не дал ей дочитать, отобрал письмо и подал его мне, сказав:

— Вот, почитай и считай, что и ты, и все твои,—все мобилизованы.

Послание гласило, что Меченый, как и другие мелкие курбаши, видимо, потерял надежду поднять восстание, так как их несколько раз сильно потрели. Теперь все их шайки объединились. Возможно, они собираются напасть на поселок, возможно, собираются уходить всей группой в Китай. Группа эта насчитывает по одним данным 150 человек, по другим — 300. Если они пойдут в Китай через перевал, комотряд должен любой ценой их остановить.

— Ну, что будем делать? — сказал начальник, поджав губы. — Меченый гонит перед собой пять совхозных отар. Перевал здесь один, а дороги к нему две, одна здесь, через кордон, другая стороной. Людей мало. Нужно, видимо, всех брать и идти наверх, к перевалу, и там, где две дороги сходятся, встречать. И торопиться нужно, а то как бы он раньше нас не подошел к тому месту.

Я получил огромного рыжего жеребца, правда, слегка хромого. Из вооружения мне дали две охотничьи берданки разного калибра, на каждую из которых было только по патрону. Кроме того, я получил шашку. Нижний конец у ножен моей шашки был оторван и клинок высывался из них, как босая нога из короткой штанины. Димка был вооружен своим трюйником, к которому у него было много патронов. Шурик и Алешка также получили по берданке и по шашке. Борису дали шашку.

Киношнику и Борису начальник велел быть при нем коноводами и связными.

Мы тронулись по лесной тропе, вверх. Погода была хорошая, но на душе было нехорошо и тревожно, по совети сказать, страшно. Ко мне подъехал киношник и сказал, что его, совершенно штатского человека, никто не имеет права мобилизовать, что у него плоскоступие и порок сердца.

Чем выше мы поднимались в горы, тем ниже становились ели и реже лес. Вышли на верхнее плато. Впереди, в полукилометре, шла тройка дозорных. Они первые достигли подножья увала, через который шел наш путь, и начали подниматься на него. Они достигли гребня, когда мы подошли к его подножью.

И тут началось.

Впоследствии я рассказывал об этом так: «Едва дозорные обнаружили банду, прогрмела команда, мы понеслись в карьер, высочили на гребень, рассыпались в цепь и открыли ураганный огонь. А потом вскочили на коней, и выхватив клинки, с громким «ура!» понеслись в атаку, рубя направо и налево. Я скакал и рубил как черт!» и т. д. Ну а в действительности дело было несколько иначе.

Сначала донесся пронзительный крик дозорных и командир, обернувшись к нам, закричал:

— Вперед! Ребята! Вперед! Скорее!

И мы поскакали вверх по склону. Когда я выехал на увал, раздалась команда:

«Коноводы! Взять коней!» В это время с треском откупориваемых бутылок уже забухали винтовки. Слотыкаясь и путаясь в шашке, которая мне ужасно мешала, я кое-как спрыгнул с лошади и подвел ее к Борису. Борис стоял бледный и трясущимися руками взял у меня повод.

Я высочил на гребень. Вправо и влево лежали на земле комотрядовцы и стреляли вниз. Горное эхо гулко повторяло стрельбу.

Внизу я увидел целую толпу; там были и люди, и кони — верховые и вьючные, верблюды и собаки. Огромное пространство занимали бараны. Испуганные выстрелами, они волнами шаркались туда и сюда. Всё дно долины под нами было занято этой кашей из людей и скота. И все они были ниже нас. По-видимому, в этом и заключалось наше единственное преимущество, потому что их было страшно много. И комотрядовцы лежа стреляли туда, вниз. Оттуда тоже стреляли, там также мелькали слегка голубоватые дымки из боевых винтовок и белые облачка от выстрелов охотничьих ружей.

Я скинул с плеч берданку и выстрелил из одной и из другой, а потом сел и стал думать, что же мне делать. Патронов у меня больше не было.

— Ложись! — закричал мне командир.

Я покорно лег. Грохот стрельбы и визг пуль создавал какое-то бодрое, но и тревожное настроение. И тут впервые в своей жизни я услышал рядом какой-то ровный рокот и, оглянувшись, увидел пулемет, в который, дергаясь, бежала лента. Вцепившись в его ручки огромными руками и прильнув к нему лицом, лежала пулеметчица. Я подумал, куда же это она стреляет, потом увидел, что по противоположному склону уходит вверх, изо всех сил нахлестывая лошадей, группа всадников, человек в пятьдесят. Было видно, как там металлись и крутились лошади, падали люди, как взлетали белые дымки от пуль, бивших по камням. А пулемет рокотал, пулеметчица, лишь иногда приостанавливаясь, переводила тупой ствол пулемета в другую сторону и опять дергалась и тряслась ее руки и бегала ручка.

Это продолжалось долго. Через некоторое время пулемет замолк; пока пулеметчица заправляла третью ленту, из кобуха свистом бил струей пар. В эту минуту затихи снизу, из толпы, переполнявшей ложину, донесся крик. Сначала кричали и махали руками несколько человек, потом буквально вся эта человеческая каша забила, замахала руками, завопила о пощаде.

И тут раздалась команда и мы опять разобрали лошадей у Бориса, который трясущимися руками старался раздать нам перепутанные поводья. Лошади волновались и крутились, и я никак не мог сесть верхом, потому что мой хромой тоже крутился, и шашка все попадала мне между ног, и я никак не мог попасть в седло.

Еще не успев найти носками стремян, я почувствовал, как мой огромный жеребец взял с места и в азарте, позабыв хромоту, понесся вниз по склону, догоняя комотрядовцев, скакавших впереди. И я думал только о том, как бы мне не свалиться с лоша-

ди. Через минуту я увидел, что выравниваюся с остальными, затем жеребец вынес меня вперед, и я понесся прямо на толпу басмачей. Тогда я дико испугался и попытался задержать лошадь, но безуспешно. И все скакали, и я скакал, все махали шашками и я крутил в воздухе камчой, потому что вынуть клинок не успел да и не догадался. Я летел и диким голосом кричал не знаю что. Все скакали и я скакал, все кричали и я кричал. Потом я увидел, что я один, что остальные где-то остались, а кругом увидел чужие искаженные лица. Особенно бросилось мне в глаза совершенно перекошенное от страха лицо какого-то мальчишки с открытым ртом.

Тогда я подумал, что же я должен делать, но тут раздался крик командира: «Забери оружие! Отгоняй от вещей!» И вместе с другими я начал отгонять от вещей толпу людей в халатах, отбирать у них и бросать на землю ружья и винтовки.

Мы отделили толпу от вещей, баранов и лошадей. Их было довольно много и они заняли довольно много места на склоне, где мы их обыскали.

Суматоха была ужасная, хорошо, что басмачи в общей сумятице не поняли, как нас мало.

Дима носился с обнаженным клинком среди этой толпы, по-моему, без какого-либо особого смысла. За его спиной были одеты две винтовки, на седле у него висело еще две. Киношника я не увидел. Ксюша в стороне бинтовала кого-то.

Затем, бросив баранов, выюки и лошадей на попечение нескольких человек, среди которых я заметил Бориса, мы погнали эту толпу пешком по дороге, по которой сюда пришли. На увале, широко расставив свои огромные ноги в высоких сапогах, стояла наша пулеметчица, и все басмачи, проходя, смотрели на нее. Очевидно, у всех у них на уме был один и тот же вопрос: «неужели это она так страшно стреляла, эта огромная женщина?»

И когда мы их гнали по широкой межгорной долине и азарт прошел, я с удивлением увидел горы вокруг, увидел, что день по-прежнему ясен и что как будто бы ничего не произошло, а мы шли как бы опомнившись после всех этих событий, которые казались сейчас почти нереальными.

Когда мы уже входили в лес, я неожиданно увидел рядом с тропой нашего киношника. Он стоял как-то очень смущенно и когда я проежал мимо, спросил:

— Вы не видели мою лошадь? Она убежала, и я немного отстал.

Мы не успели дойти до кордона, спустилась ночь, и нам пришлось остановиться на очень широкой поляне, вокруг которой был густой лес. Посередине этой поляны мы положили басмачей. Все большое пространство в ее центре было завалено их неподвижными или чуть шевелящимися телами. Мы не разрешали им ни вставать, ни садиться.

Ночь была лунной и странную картину можно было видеть на поляне; сплошную массу тел посередине, нас — реденькое кольцо вокруг неподвижно лежащей толпы и

темную стену леса вокруг. Нас было чуть не в десять раз меньше, чем лежащих, и если бы они кинулись, они бы, несомненно, в одну минуту нас смели.

Перед утром тень от леса дошла вплотную до площадки, занятой лежащими басмачами. Ксюша толкнула меня, и хотя у меня совершенно закрывались глаза, я увидел, что от груди тел отделилось небольшое темное пятно и стало двигаться к лесу.

Все остальное произошло быстро, я резко сказал:

— Назад!

Пятно не двинулось, видимо тот, кто полз к лесу, застыл. Я второй раз крикнул громко:

— Тебе что сказали? Назад!

Тогда я двинулся на него и когда был уже совсем рядом, увидел, как он вскочил, кинулся на меня, и я, не успев даже поднять к плечу винтовку, выстрелил в упор, и он упал.

Ночь уже кончалась, и когда на выстрел ко мне подбежал командир, я увидел, что небо посветлело на востоке.

Убитый лежал навзничь, раскинув руки. В траве валялся нож, на нем уже была роса. Я увидел бледное мертвое лицо, но это было русское лицо, с русской небольшой бородкой, и в нем было что-то знакомое. Я невольно сделал шаг вперед, наклонился и возле бороды увидел шрам, пересекающий горло и выходящий возле уха к щеке.

Передо мной лежал тот самый человек, которого мы встретили на второй день нашей работы в горах, владелец дивного домика в белых чулках, кованого на шпиль.

И тут я увидел, что весь косяк лежащих басмачей приподнялся и внимательно смотрел сюда, и в этих взглядах было много разного. Было и горе, было и откровенное злорадство, и удивление, и просто любопытство.

И когда слово «Меченый» было произнесено, привлекая все большее внимание к телу, я неожиданно услышал громкое «Аааа!» Ксюши и, обернувшись к ней, увидел ее искаженное лицо.

— Что? Что ты! — схватил я ее за руку.

— Он!

— Что он?

— Тот, который купил меня!

— Это? Не может быть!

— Он! Он! Конечно, он! Ведь это я его бритвой полоснула, а ведь я думала, что убил.

— Так значит это ты его, — сказал командир. — Однако, ты молодец! А посмотри, как они все на него смотрят.

Потом подошел Дима; его лицо в неверном утреннем свете было каким-то серым и измученным.

— Устал?

— Да нет, то есть, конечно, устал, но знаете, шеф, я готов еще сутки, еще двое не спать и ничего, потому что я успокоился. Ведь, по правде сказать, все эти субъекты, — он кивнул головой на басмачей, — всем страшно мешали. Правда? Работать мешали, да и жить мешали, мы все хоть и хорошились друг перед другом, а ведь боялись. Да и не только мы. Они всем мешали; вот

этому агроному,— он кивнул на начальника комотряда,— мешали землю пахать, бате — мешали сесть спокойно и подумать, а подумавши, остричь свои патлы, снять свою юбку и заняться делом. Да и сами себе они мешали, ведь большинство из них не имели никакого настроения жечь магазины и резать людей. А ведь жгли и стреляли в кого попало. Нет, правда, начальник, разве я неправду говорю?— сказал Димка начальнику заставы.— Я устал, но на душе какое-то ужасное облегчение. Правда? А? Вот разве тебе, начальник, не надоел этот длинный ножик, которым рубят людей? Или твоей бабе не надоел этот чертов пулемет? Ну, скажи!

И начальник молча улыбнулся и кивнул. Он, видимо, в эту минуту думал о том, что бы он сейчас делал, если бы не басмачи. Он даже не сказал Диме как всегда: «не баба, а женщина». Он внимательно и долго смотрел на Меченого.

— Завалить камнями,— наконец сказал он.

Я позвал басмачей, лежавших поближе, и они завалили труп камнями.

Когда мы подошли к равнине, к нам присоединилась большая группа комотрядовцев. Я пошел к командиру и сказал, что

нам нужно работать, нужно опять идти в горы, пока не пришла осень.

Мы пожали друг другу руки. Они пошли вниз, а мы отдохнули, перевьючились, подтянули подпруги и двинулись назад, туда, где были свободные горы.

И опять рвали землю подковы. По крутым склонам сыпался щебень с тропы. Хрустел песок, скрипел камень, взлетала дорожная пыль под копытами коней.

— Пошел! Пошел!— кричали коноводы.

Привет тебе, божественный Тянь-Шань!

Опять кипит мирная жизнь на твоих склонах, в твоих долинах пасутся тысячные стада овец и коз, лошадей и мохнатых ку-тасов.

И владыка этой прекрасной страны, вольный горный киргиз, принялся за свой мирный труд. Он пасет стада коней и баранов, воздвигает дома и мосты, рубит леса и прокладывает шахты.

Нет равного тебе, могучий, прекрасный Тянь-Шань!

Рвали землю подковы. Храпели от натуги кони. Вверх шел наш караван.

— Кайда барасын?— спрашивал старый киргиз, сидя у своей юрты возле дороги.

— Далеко, наверх, на джейляу,— отвечали мы.

Дорогой Сатым Улугович!

В день Вашего юбилея передаем Вам сердечные поздравления редакции, литературного актива и читателей журнала „Гулистон“.

Один из ведущих писателей Таджикистана, драматург, видный общественный деятель, ученый, Вы положили немало сил для роста и процветания родной литературы и искусства, для взлета советской культуры таджикского края.

Ваш большой творческий труд художника обогатил советскую таджикскую литературу многими замечательными произведениями, полными оптимизма и глубокой веры в человека—строителя, творца новой жизни.

Во всем хорошем, чего добился таджикский народ под руководством великой партии коммунистов, есть большая доля труда писателей, в том числе и Вашего труда, дорогой Сатым Улугович.

Вместе с другими писателями старшего поколения Вы приняли эстафету безраздельного служения народу, Родине, Коммунистической партии. Сейчас Вы находитесь в расцвете своего таланта. От всего сердца радуясь тому, что вышло из-под Вашего пера, мы уверены, что Вы подарите народу еще много хороших и умных книг, достойных чудесного времени, в котором мы живем.

Желаем Вам крепкого здоровья, душевной молодости, творческого задора.

Редколлегия журнала „Гулистон“

РОМАНИСТ, ДРАМАТУРГ, УЧЕНЫЙ

Сатым Улугович Улуг-зода — один из ведущих писателей Таджикистана, видный общественный деятель, член-корреспондент Академии Наук Таджикской ССР. Имя его, особенно за последние годы, стало широко известно не только у нас в стране, но и за рубежом: успех кинофильма «Судьба поэта», поставленного по сценарию писателя, принес заслуженную славу его создателям и актерам. Фильму «Судьба поэта» предшествовал не менее волнующий и значительный фильм о великом ученом и поэте Авиценне, созданный С. Улуг-зодой в творческом содружестве с Витковичем и явившийся первым сценарием в таджикской кинодраматургии. Важно отметить, что С. Улуг-зода часто выступает одним из начинателей новых тем и жанров советской таджикской литературы.

Сатым Улуг-зода свою литературную деятельность начал как критик и литературовед. Впервые созданное государство таджиков обрело не только свое счастливое, свободное настоящее, не только широкую перспективу грядущего — оно обрело и свое богатейшее прошлое, великое культурное наследие таджикской классической литературы и искусства. В передаче этого наследия в руки народа С. Улуг-зода видит свою живейшую задачу. Начиная с тридцатых годов, в печати регулярно появляются его статьи по вопросам развития таджикской советской литературы.

В конце тридцатых годов, не прерывая работы в критике и литературоведении, писатель обращается к драматургии.

В годы Великой Отечественной войны Сатым Улуг-зода стал военным корреспондентом фронтовых газет. Активный участник боев, он продолжает творческую деятельность и пишет пьесу «В огне».

В первые послевоенные годы Сатым Улуг-зода заканчивает повесть о войне — «Возвращение». Несхожи характеры рисуемых им людей — от суровых и сдержанных, до мягких, лиричных. Несхожи разрабатываемые им приемы. Но всех его героев роднит удивительная вера в человека — вера в честь, достоинство, моральную силу, людей, способных на любые испытания, на любой подвиг.

Свои мысли, свое восхищенное отношение к жизни, готовность к борьбе за торжество принципов и идеалов коммунистического строительства писатель со всей полнотой высказал на страницах своего

Сатым Улуг-зода

крупного прозаического произведения — романа «Обновленная земля», в котором рассказывает о важных проблемах колхозной жизни. Годы создания укрупненных колхозов совпадают с переселением людей из высокогорных кишлаков в плодородные долины, на целину.

Писатель следует непреложному требованию социалистического реализма — писать правду. Поэтичный рассказ о трогательной любви молодой девушки, колхозницы Шодигуль, любви, в которой ей довелось изведать и радость, и печаль, и счастье, и беду, — сталкивается с историей Мусаева, который ловко пользуется в своих целях предрассудками, ещё бытующими в сознании некоторых отсталых людей. В ярко вылепленном образе проходимца Мусаева таится зло, которое и по сей час порой есть еще в нашей жизни. Стяжательство, жажда обогащения, цинизм и, наконец, преступление — вот путь этого человека, который обдуманно стремится развалить колхоз, потому что условия жизни в колхозе чужды ему. И вот перед ним девушка — хрупкая и нежная. Но сильнее Мусаева. Она — представитель своего народа — вобрала в себя его большую волю, мужество непреклонного борца. И она побеждает.

Интересно обрисованы также характеры секретаря партбюро колхоза Нурали Баратова, секретаря райкома партии Боровикова, председателей колхозов Юнусбая и Хаджиумара. В романе «Обновленная земля» предельно ясна позиция автора-коммуниста.

Одним из самых значительных произведений Улуг-зода является автобиографическая повесть «Утро нашей жизни». Это рассказ о детстве мальчика из горного кишлака, о юности, совпавшей с юностью республики, только что отвоеванной у старого мира.

С первых же страниц вы попадаете в атмосферу поэтического видения жизни — в полный звуков и запахов, зримый, вещественный мир маленького горца.

Маленькому герою ничего не стоит забраться на крышу дома или на вершину одного из гигантских тутовников, хозяевами которых были птицы и дети. Два кладбища за кишлаком привлекали малыша тем, что огорожены они «очень толстыми глинобитными стенами, по которым можно бегать, как по дорожкам». Махкама — единственное в кишлаке каменное здание, покрытое белым железом, ослепительно сверкающим на солнце. Оно пугает ребенка. Оно принадлежит особому миру власти, непонятному, устрашающему, и люди стараются держаться как можно дальше от него.

Щедрая волна солнечных красок как бы разбивается о подводную скалу. Это особая манера писателя стремительно и резко открывающего жизнь, в которой могут соединиться и сталкиваться резкие крайности — радость и беда. И чем старше становится мальчик, тем больше приглядывается он к окружающему. Отец Собира вернулся из Ташкента, где был на заработках. Он подарил детям диковинную игрушку Ваньку-Встаньку — Мирзодикака. Однажды перед молитвой Мирзодикак попал в мечеть и вызвал там целый переполох. Муэдзин принял игрушку за джина, он с опаской дотрагивается до «джина» кончиком метлы, пытаясь выяснить, что это такое. Мирзодикак повалился набок, и тут же выпрямился, приняв свою обычную, почти теленную позу — остался сидеть, поджав ножки, вытаращив на обидчика синие глаза.

— Не джин ли, а? — проговорил старик.

И тогда сам мулла Зайниддин, спрятав руку в длинный рукав своего халата, осторожно взял Мирзодикака за голову и вынес его из мечети с таким видом, словно это была змея.

Вы прочитываете книгу и узнаете о многих тяжелых, подчас трагических событиях — это голод в кишлаках, кровавые бесчинства

басмачей, мучительная гибель сошедшей с ума Зеби, когда-то самой смешливой, отважной и доброй девочки. Умирают и родители Собира...

Но в дом под блестящей железной крышей приходит новая власть. Она дала людям хлеб и землю, право на жизнь без унижений и подневольного труда. Во дворе самой большой мечети кишлака, на ровной площадке, поставлены парты. Здесь проводится первый показательный экзамен в новой народной школе. Ученики с опаской наблюдают за муллами, присутствующими на экзамене. Здесь всё ещё идёт острая борьба двух миров. Достаточно ли сил у молодого, наступающего мира перед лицом старого, не желающего признавать себя побеждённым?

— «Пиши! — приказывает мулла Зайниддин маленькому Собир-ру, — Бог восемнадцати тысяч миров милостив к своим рабам, которые постоянно помнят о нём»...

И вдруг Садык-кладовщик прерывает муллу:

— И скажу! Моё пиши: «Советская власть даёт сиротам хлеб»!

Новая школа доказала свою правоту.

С большим интересом и волнением следишь за всеми событиями книги.

Собир Умаров — сирота из кишлака Варзик, вступает в жизнь. И если в этой жизни ему предстоит совершить подвиг, на который потребуется больше физических и душевных сил, чем на все подвиги его детства, — он готов на подвиг!

Жизнь Собира Умарова — это жизнь советского таджикского писателя Сатыма Улуг-зода. Простившись в книге с маленьким героем, мы с глубоким волнением говорим: «Здравствуй!» в новой встрече с ним — счастливой встрече с полным сил и энергии художником слова, которому советская власть, Коммунистическая партия дала всю полноту жизни и творчества.

нист?» — настойчиво допытывается он у Салима и поясняет свой вопрос: «Душа у тебя чиста?»

За такими короткими сценками кроется большое содержание. В Хоркаше как бы воплотилась подсознательная тяга масс к коммунистам, организаторам борьбы за справедливость, и перерастание стихийного гнева против жестокоостей, чинимых басмачами, в политическую, классовую зрелость. Некоторые критики не уловили этой сущности образа и пришли к выводу, что драматург «не показал таджикский народ», что борьбой его героев «движет какая-то личная обидка».* Подобную точку зрения разделяет и Л. Н. Демидчик в работе «Зарождение и становление таджикской драматургии (1929—1941 г.г.)». «...драматург,— пишет она,— не сумел обнажить всей сложности политической обстановки и классовых отношений той поры, подменив её сложностью личных взаимоотношений персонажей пьесы».**

Но ведь любое событие истории всегда отражает переплетение общественного уклада с индивидуальными судьбами. «Общественное бытие определяет сознание» — эта всеобъемлющая формула одинаково объясняет и развитие общества, и отдельные поступки отдельных людей. Поэтому-то шли дехкане в партизанские отряды краснопалочников, что борьба с басмачеством была их личным делом: она касалась их домашних очагов, чести их жен и дочерей, их жизни... Обманутый Хоркаш мог оказаться в рядах басмачей, как оказался временно его племянник Джалил. «Сложность личных взаимоотношений персонажей пьесы» как раз и есть сложность «политической обстановки и классовых отношений той поры». Сатым Улуг-зода обнажил ее достаточно убедительно и тем самым четко намечил и организующую роль Коммунистической партии, которая была призвана руководить стихийным подъемом масс.

Другое дело, что драматургу не в полной мере удался образ коммуниста, председателя колхоза и командира отряда краснопалочников Салима. Он суховат, прямолинеен и дидактичен. Вот, например, эпизод, где Салим узнает о том, что невеста его Хурмо похищена басмачом. Салим переспрашивает: «Значит, Одна украл Хурмо!»

«Хоркаш. Да... Мое дитя — пленница черного дива. (Плачет.) Этот мерзкий человек подарил твою невесту диву Рахиму. (Поднимая руки.) О, господи милосердный, неужели эти гнусные твари могут быть твоими рабами? Ниспошли на них свое правосудие, поломай когти этим хищникам, покарай их так, как не карал ты еще ни одного твоего раба...

Салим. Хурмо... Хурмо... О, несчастье!.. (Опомнившись.) Не плачь, дед Хоркаш. Слезами горю не поможешь... Мы отомстим им за все!»

* С. Б. Сутоцкий, см. книгу «Декада таджикской литературы в Москве», Таджикгосиздат, Сталинабад, 1950 г., стр. 147.

** См. книгу «Таджикская драматургия и театр», Таджикгосиздат, 1957 год, стр. 154.

Драматургу в этой сцене изменило чувство меры в изображении душевной силы горя. Уходя от ненужной сентиментальности, он впадает в пафос. Внезапный переход от горестного «О, несчастье!..» к патетическому «Мы отомстим им за все!» не раскрывает ни глубины обрушившегося на Салима горя, ни его социального гнева. Подрывается вера в естественность его любви к Хурмо, вся эта линия кажется нарочитой, привнесённой в драму со стороны.

Но, отвлекаясь от этого, в конечном счете, частного недостатка, следует подчеркнуть такие выдвигаемые на первый план черты Салима, как решительность и смекалку вожака и бесстрашие воина. Сцены в лагере басмачей, где они проявляются особенно ярко, относятся к числу лучших в драме. «Большевик воюет для того, чтобы победить, а не для того, чтобы умирать, Ходжияр! Умереть без толку — дело нехитрое, это не доблесть», — говорит Салим в одном из эпизодов, и в словах его, исполненных внутренней силой, звучит удивительно ясная логика человека и коммуниста.

Характерно, что для положительных героев автор ищет только яркие, контрастные, сразу же бросающиеся в глаза, краски. Даже басмаческого джигита Джалила, который впоследствии переходит к краснопалочникам, он наделяет жизнерадостным характером, острым умом и не менее острым языком. Народу-борцу, как бы подчеркивает драматург, чуждо ощущение трагичности. Трагическое начало он ищет в образах врагов.

Это вовсе не значит, что враги в драме упрощены. Нет, они изображены сильными, хитрыми, изворотливыми. Непреклонную волю, фанатизм и жестокость видим мы в образе предводителя басмаческой шайки Рахимбека, лишь осторожность и решительность в нужный момент — у предателя Ходжияра...

Мотив обреченности, зазвучавший словно вскользь в ту самую минуту, как Рахимбек спросил, есть ли уверенность в победе, растет от сцены к сцене, обрастает художественными деталями и подробностями, пока не достигает апогея в восьмой, предпоследней картине. Здесь драматург великолепно изобразил чувство страха, охватившее Рахимбека в предчувствии скорой гибели. Ярость его по-прежнему дикая, но теперь она приобретает истерический характер: «Аллах, еще раз спаси меня... дай мне силы — в отчаянии молит он.— Я сожгу все дотла, превращу эту страну в сплошные развалины, перебью всех на этой земле, чтобы утонула она в крови... О, рухнуло все!.. (Падает на землю)».

Этой сценкой завершается внутренняя логика развития событий. Идеальная концепция автора нашла в ней исчерпывающее воплощение. Тут так и хочется сказать стихами восточного поэта:

Пословица гласит, что силы нет
В том, кто халатом хочет скрыть расцвет.

Впервые показанная зрителю в Москве на первой декаде таджикской литературы и искусства (апрель 1941 г.), драма «Краснопалочники» ознаменовала собою крупную веху в короткой, едва исчислявшейся десятилетием истории развития национальной драматургии и национального театра. Именно тогда были сказаны первые ободряющие слова об их зрелости. Критика единодушно отмечала, что театр «дал подлинный высокий стиль народно-героического спектакля».*

Героический подъем чувств, восхищение благородным пафосом силы и бесстрашия народа определили звучание и другой работы Сатыма Улуг-зода для театра. Она была сделана три года спустя, в разгар Великой Отечественной войны, в славном 44-ом... Речь идет о драме «В огне», произведении своеобразном и, пожалуй, наиболее сильном с точки зрения мастерства драматурга. Здесь все соразмерно и выверено с такой максимальной точностью, что этого расчета не видишь,— есть великая и впечатляющая простота большого искусства.

Сатым Улуг-зода как-то остроумно заметил: «Форма не может существовать сама по себе и сама для себя. Это так же верно, как то, что тибетейка служит для головы, а не наоборот».*

Стремление воссоздать историческую правду борьбы за Советскую власть в Таджикистане определило яркую, изобилующую острыми сюжетными положениями форму «Краснопалочников». Театральность драмы продиктована самой жизнью, такой же острой, такой же напряженной, потому что линия фронта тогда проходила через каждый кишлак, через каждый дом, и враг шел на любую подлость, и в разных лагерях оказывались самые близкие родственники или друзья.

Великая Отечественная война изобиловала не менее эффектными драматическими ситуациями, но от эффективности драматург отказался— на этот раз ему важно было не доказать, а **показать** величие духа своих любимых героев, людей новой формации, перед лицом смерти, в огне грандиозной битвы.

Драма «В огне» читается легко и свободно, будто записки очевидца об одном из эпизодов войны. Люди переправились на вражеский берег реки, в ожесточенных боях удерживают маленький клочок земли, наслаждаются короткими передышками, попадают на перевязки к военврачу, подносят оружие и боеприпасы, идут в контратаку... Это ряд картин, лишенных обычной интриги и любовных перипетий, но зато скрепленных последовательно развивающимся единым действием. И в нем-то, в единстве действия,— секрет все возрастающего напряжения, с которым следишь за живыми и яркими характерами персонажей.

* А. Никулин, «Краснопалочники». Газета «Правда», 18. IV. 1941 г.

* С. Улуг-зода, «О мастерстве драматурга». Журнал «Шарки сур», № 6 за 1951 г.

Героев драмы отличает органическая цельность и удивительная светлость души. Они мечтают, любят, страдают, умеют весело шутить и гордо умирать. Писатель передает все их качества скупыми, но весьма экспрессивными мазками.

Однако драматург отнюдь не однообразен в изображении своих героев. Все вместе они подобны молюсцитной глыбе, а порознь наделены обыкновенными чертами обыкновенных людей: Ковалев рассудителен, Морозов педантичен, Гречко хладнокровен, а Соловьев, наоборот, горяч и порывист... Когда лодка перевернулась в воде, Ковалев стал отчаянно цепляться за Ломидзе. «Что с тобою случилось?»— спросили у него потом. «Чего не наделаешь в страхе»,— просто отвечает он. Но эта обыденность людей, собравшихся на маленьком клочке отвоанной у врага земли, еще ярче подчеркивает величие их подвига.

Драма «В огне» является и одним из первых, и одним из самых значительных произведений таджикской драматургии, посвященных теме интернационализма и братской дружбы народов нашей Отчизны. Театр создал по ней тогда же, в 1944 году, патристический спектакль, находивший горячий отклик в сердцах жившего буднями фронта зрителя. Драма живоначала своим суровым, как тогдашний быт, лаконизмом и правдивым отражением героического напряжения духовных сил советских людей.

«Мы должны сделать такое, что еще никому не доводилось...» А сделать такое может лишь человек, для которого святые слова о чести и долге перед Родиной стали органическим выражением его мироощущения, который не мыслит себя вне народа и счастлив тем, что и он «этой силы частица»...

История и современность

Здесь вспоминаются слова А. С. Пушкина, сказанные о трагедии, но в равной степени применимые к изображению человека и в драме: «Судьба человека, судьба народная».

К подобному воплощению человеческой судьбы Сатым Улуг-зода, как мы видели, стремился всегда. Остался он ему верен и в своей последней пьесе, посвященной бессмертному сыну таджикского народа, «адаму поэтов», основоположнику таджикско-персидской классической литературы Абульхасану Рудаки (1958 г.).

В те годы Сатым Улуг-зода обратился к севой истории и написал сценарий художественного фильма «Абуали ибн-Сино» («Авиценна»), а в канун 1100-летнего юбилея Рудаки — «Судьба поэта»; к стати сказать, одноименный фильм, поставленный Сталинабадской киностудией по второму сценарию, завоевал в 1959 году высшую награду Каирского кинофестиваля стран Азии и Африки.

Такой «крутой поворот» писателя к прошлому не покажется случайным, если

вспомнить его работы по истории таджикской литературы и культуры, в частности, работу о выдающемся таджикском просветителе и поборнике дружбы с великим русским народом Ахмаде Донише... Объяснение, таким образом, следует искать, во-первых, в многогранности творческих интересов С. Улуг-зода, а, во-вторых, — в самом пафосе анализируемого произведения; выражающего, в конечном счете, все ту же дорогую сердцу автора идею о счастье быть с народом и творить для народа. Недаром же Рудаки произносит под занавес вещице слова:

— «Народ мой — друг мой, его сердце — моя обитель. Подайте мне посох, я ухожу в свою обитель!»

Однако скажем сразу, что эта глубокая мысль не нашла в пьесе достаточно яркого художественного воплощения. Сцены, показывающие связь Рудаки с народом, носят больше иллюстративный характер, они заглушены и отодвинуты на задний план слишком уж детализированным рассказом о любви поэта к невольнице Нигине. Собственно, линия Рудаки — Нигина является в пьесе основной, определяющей движение и развитие сюжета.

Такая акцентировка несомненно имеет свои преимущества. Она позволила драматургу спустить поэта «с пьедестала истории» и нарисовать его очень живым и обаятельным человеком, обнажить всю глубину, всю силу обуревавших его чувств, которые с такой пронзительной красотой запечатлены в дошедших до нас стихах. С этой точки зрения образ Рудаки является большой и принципиальной удачей Сатыма Улуг-зода. Именно принципиальной, потому что историческим произведениям нашим порой присуща этакая монументализация главного героя. Вспомним хотя бы фильм о Белинском или Александре Попове, пьесу Вс. Иванова «Ломоносов», или совсем свежий и близкий здесь пример — Абуали ибн-Сино (Авиценну) в сценарии самого С. Улуг-зода.

Но жизнь и творчество Рудаки несет на себе и печать величайшей трагедии. Само по себе противоречие его идеала народного певца с положением придворного поэта глубоко трагедийно. Как справедливо отмечает И. Брагинский, «в условиях средневековой замкнутости... письменная поэзия могла преуспевать только при дворе. Во дворце Саманидов Рудаки и стал первым среди поэтов, был окружен почетом и богатством. Слову его была обеспечена вечность, но он лишился того счастья, которое имел у себя дома, в горном селе: его лиру заставили звучать для

царя-деспота и его сановного окружения».*

Вот этой-то трагической особенности, к сожалению, в пьесе нет. Драматург сразу же представляет нам Рудаки, как певца, любимого народом, как поэта, для которого главная сложность жизни состоит не в том, чтобы утвердить и отстоять в своей поэзии народное начало, а в том, чтобы сломить «окаменевшие сердца, холодные и злые» и добиться признания своего права на любовь.

Однако, при всех своих просчетах, пьеса Сатыма Улуг-зода представляется значительным явлением таджикской драматургии, в которой жанр исторической драмы по существу делает только первые шаги. Поэтому столь важно определить и ее слабые, и ее сильные стороны. А к числу главных достоинств в первую очередь следует отнести умение драматурга воссоздать эпоху, в которую действует герой.

Другим главным достоинством пьесы следует признать ее богатый и прекрасный, насыщенный поэзией язык. Дело здесь не в том, что драматург широко использовал стихи Рудаки, а в том, что мысли и чувства героя выражены в отточенной, чуждой ложной стилизации речи. Многие реплики достигают афористической выразительности, и чеканные строки стихов тогда воспринимаются их органическим продолжением.

...Ну, а в чем же все-таки современность пьесы Сатыма Улуг-зода? В какой связи находятся история и современность?

Перечитайте еще раз пьесу или посмотрите спектакль, вдумайтесь в чистоту отношений Рудаки и Нигины, в его мысли о назначении поэзии и о судьбе народа, в его мужество перед палачами... разве все это не волнует нас сейчас? Разве не хочется каждому из нас заслужить право сказать: «Народ мой — друг мой, его сердце — моя обитель»?!

* * *

...Около четверти века работает Улуг-зода в драматургии, но тем не менее подводить какие бы то ни было итоги еще рано, потому что писатель находится в расцвете творческих сил и несомненно порадуется нас новыми взлетами своего большого и мудрого таланта. Можно сделать лишь один вывод: любовь к театру у него крепка, как крепка его вера в силу воздействия художественного слова на человека и в силу человека, тысячами невидимых нитей связанного со своим народом.

* И. Брагинский, предисловие к сборнику избранных стихов Рудаки. ГИХЛ, Москва, 1953 г. стр. 6.

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

ТЕМА СОВРЕМЕННОСТИ В ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Пленум Союза писателей Таджикистана проходит в знаменательные дни, когда все творческие работники воодушевлены новым значительным вкладом в науку марксистско-ленинской эстетики — статьей Никиты Сергеевича Хрущева «К новым успехам литературы и искусства», опубликованной в журнале «Коммунист». Мы, писатели, помощники партии, прочитали этот документ с чувством глубокого искреннего волнения и благодарности ленинскому Центральному Комитету Коммунистической партии. Каждая строка этого документа проникнута заботой о приумножении духовных богатств нашей великой социалистической родины, идущей навстречу исторической дате — XXII съезду КПСС.

Никита Сергеевич Хрущев призывает всех нас работать лучше, теснее укреплять связь литературы и искусства с жизнью народа. Заботливо и чутко направляет партия развитие литературы и искусства по пути социалистического реализма.

«Работники литературы и искусства,— говорит Н. С. Хрущев,— всегда были и являются верными помощниками Коммунистической партии во всех ее делах. Значение их творческой деятельности особенно возрастает в настоящее время, когда коммунистическое воспитание трудящихся, формирование нового человека стало одной из самых насущных задач партии...

Нам нужны такие книги, кинофильмы, спектакли, произведения музыки, живописи и скульптуры, которые воспитывали бы людей в духе коммунистических идеалов, пробуждали в них чувство восхищения всем замечательным и прекрасным в нашей социалистической действительности, рождали бы в людях готовность отдать свои силы, знания и способности беззавет-

ному служению своему народу, желание следовать примеру положительных героев произведений и вызвали непримиримость ко всему антиобщественному, отрицательному в жизни».

Этот призыв учит нас следовать блестящему примеру, который показывает нам партия. Партия вооружает нас своим опытом, показывает, как принципиально и остро надо вскрывать недостатки, как непоколебимо и стойко следует бороться за дело коммунизма, беспощадно разоблачая ложь и утверждая правду во имя дальнейшего материального и духовного подъема нашей страны.

И можно быть уверенным в том, что наш Таджикистан, разоблачив антигосударственную, антинародную деятельность бывшего руководства республики, разоблачая очковтирателей и подхалимов, исправляя недостатки в народном хозяйстве и культуре, пойдет теперь более быстрыми темпами в своем развитии.

Да, нам, писателям, надо во всем учиться у партии. Мы должны с полной ответственностью приложить все силы к тому, чтобы вдохновенно отобразить величие дел народа.

В своей статье Н. С. Хрущев указывает: «Строительство нового, коммунистического общества,— многогранный, сложный исторический процесс. Его нельзя представлять себе вне борьбы нового со старым, передового, прогрессивного, с отсталым, консервативным во всех сферах общественной жизни, в отношениях между людьми, в идеологии, в культуре, в быту людей. Руководить этим процессом революционного преобразования общества — значит влиять на ход его развития, всегда быть на стороне передового и поддерживать его, помогать его победе над старым, непримиримо относиться ко всему отживающему и косному».

* Доклад на II пленуме СП Таджикистана. Печатается с сокращениями.

Это положение, высказанное Никитой Сергеевичем от имени партии, не только определяет задачи литературной критики, но относится ко всей жизни нашего общества, ко всему нашему творчеству.

Чем же мы, советские писатели Таджикистана, отвечаем на призыв партии, народа, поднять нашу литературу на уровень высоких требований времени?

Хочу сразу оговориться, что в докладе не будет идти речь о крупной прозе, так как за время, минувшее после IV-го съезда писателей Таджикистана, у нас еще не появилось, к сожалению, монументальных произведений о современности, на материале которых можно было бы построить большой разговор. Наиболее крупные произведения прозы, созданные за последние 2—3 года, это—повесть Джалола Икрами «Паутина», его роман «Дочь огня» и роман Х. Ирфона «В хижине кустаря». Эти произведения прозы охватывают период кануна революции и первых послереволюционных лет в Таджикистане.

Появление этих произведений—важное событие. Но тема нашего сегодняшнего разговора—современность, проблемы, возникшие после XXI и перед XXII съездом нашей партии.

Призыв нашей партии к писателям, неоднократные выступления Никиты Сергеевича Хрущева по вопросам литературы, писательские разговоры на съездах, пленумах, совещаниях, наконец, новая в нашей жизни практика проведения Недель братских литератур, которая значительно расширила связи между литературами,—все это дало нам большой толчок в смысле поворота к темам современности, темам семилетнего плана, развернутого строительства коммунизма, грандиозных свершений нашего народа.

Таджикские писатели повернулись лицом к сегодняшней действительности. В нашей литературе наблюдается большое оживление во всех жанрах. Появилось много новых очерков, стихов, поэм, повестей, рассказов.

Я не стану всех их перечислять, потому что их действительно много, а доклад о творчестве—это не бухгалтерский отчет. С другой стороны, я боюсь, как бы меня не обвинили в «приписке», потому что она может произойти не только в количественном подсчете, но и в определении качества.

Скажу коротко—минувший период был довольно урожайным «по валовому сбору». Но в литературе вопрос «вала» не является основным, главное для нас—это вопрос качества, «сортности» нашего урожая. И тут нужно признаться, что из многочисленных произведений малых и больших форм далеко не все дают пищу для духовного обогащения человека. Написано много, и написано много интересного, нужного для народа. Однако не все написанное—равноценно.

Среди созданных произведений «крупной прозы» роман Лагунова «Будни» солиден по объему. Но так как этот роман несет на себе следы небрежности: содер-

жит массу жидкости, беспомощен писательски, созданные в романе образы ходульны, бледны—по этому роману был у нас в Союзе писателей широкий разговор,—я не могу избрать этот роман темой для разговора о современности.

Особенно привлекли мое внимание очерки. Именно в жанре очерка достигли наши писатели наибольшей удачи. Очерк стал более оперативным, описывает живых людей, их живые дела.

«Фаттох и Музаффар» Фазлитдина Мухаммадиева; очерки о Джуре Саркоре Агзама Сидки; публицистический очерк Рахима Джалила «Мой город»; путевой дневник «От Сталинабада до Киева» Джалола Икрами; острые, богатые очерки А. Б. Однцова; история одного открытия—«Зменный яд» Абдумалика Бахори; живой рассказ об увиденном—«Я не был раньше в Узбекистане» Гафара Мирзоева, очерки Абдусалома Дехоти, Мутилло Нажметдинова—мне хочется включить сюда и такое произведение военной очеркистики как фронтовые новеллы Фатеха Ниязи, особенно новеллы «Памяти девушки-зенитчицы» и «Свадебный вечер»,—все это богатый полнокровный жизненный материал, боевой писательский голос, заметные вехи на пути развития нашей литературы.

Итак, главная тема моего разговора—очерки. Как в них представлены будни нашего народа, героический труд, живые люди нашего времени, которые строят легендарное Завтра, и в которых зримо воплощаются черты человека будущего общества?

Несколько слов об очерке Фазлитдина Мухаммадиева, о принципиальной позиции писателя, о зоркости писательского глаза. Когда писатель написал своего Фаттоха и вскрыл отрицательные его черты, увиденные в жизни, реальные, достоверные,—наши критики в ряде выступлений упрекали автора в очернительстве, в дискредитации председателей колхозов. Но ведь это в корне неправильно. Нельзя на основании одного произведения, на основании одного образа считать, будто писатель «встал на путь очернительства» и что будто «все председатели такие». Обратитесь к самой жизни. Разве не выявились у нас факты грубейшего нарушения колхозной демократии? Разве в ряде случаев не оказались на постах председателей люди, которые занимались окочкитательством, приписками, встали на путь прямого обмана партии и народа? Разве не вскрылись у нас эти позорнейшие явления? На самом деле, писатель оказался прав. Прав в том, что увидел, и трижды прав в том, что смело, по-боевому рассказал об этом в своем произведении.

Наша страна переживает бурное, счастливое время роста. Цветет и хорошеет земля. Но на зеленом ковре молодых лугов встречаются и темные пятна лишайников. У нас еще есть пережитки прошлого. Народу предстоит очистить до последней соринки наш новый прекрасный мир. И задача писателя—помочь нашему обществу в его очистительной, обновляющей че-

ловечество работе. Поэтому мы повторяем: душа писателя перед партией должна быть, как зеркало, чиста, и, как зеркало, точна в своем отражении мира. Наша жизнь и наше творчество — в коммунистической правде!

Горько созавать и горько говорить, что в нашей республике некоторые люди, и даже отдельные руководители встали на ложный путь, пошли на обман народа, стали жонглировать самым святым, что есть в нашей жизни. Партия разоблачила очковтирателей, их антипартийную, антигосударственную деятельность. Но это отдельные случаи. И эти отдельные случаи я никак не могу отождествить со всей нашей деятельностью.

Однако всё это надо говорить полным голосом только с позиций высокой гражданственности, с партийной позиции, чтобы мушное рыльце не заслоняло от глаз писателя всю зеркальную поверхность. Нельзя делать из мухи слона, ибо масштабы несоизмеримы. Сильный, могучий организм народа чист и незапятнан. Дела наши огромны и величественны. Наша страна является знаменосцем прогресса человечества.

Наша советская таджикская литература должна нарисовать образ человека, который своими честными, добросовестными, правдивыми поступками, всем своим существом прокладывает новые тропинки к будущим свершениям. Герой нашей литературы должен быть героем и нашей жизни. Обратимся к окружающей нас действительности.

На строительстве Кайбак-Кумской ГЭС простым бетонщиком работал матчинский горец Арикулов. За свой труд, равный подвигу, он получил высокое звание Героя Социалистического Труда. Сейчас он работает бригадиром бетонщиков на строительстве Головной ГЭС и показывает со своей бригадой образцы трудового героизма.

Председатель колхоза имени Ленина района имени Вось Миранли Махмадалиев прошел путь от рядового дехканина до руководителя большого коллективного хозяйства. Сейчас он депутат Верховного Совета СССР, его колхоз вышел на одно из передовых мест в республике, стал образцово-показательным.

На нашем Шелкокомбинате бригадиром бригады коммунистического труда является Файзулла Курбанов. Один из первых в республике он возглавил борьбу за звание бригады коммунистического труда.

Такие люди своим пытливым трудом принесли славу советскому обществу. Валентина Гаганова, Николай Мамай, прославленные строители первого космического корабля, инженеры, рабочие, физики, химики, запустившие в космос ракету, устремленную к Венере, наконец, потрясший весь мир, открывший новую эру в жизни человечества полет первого пилота-космонавта коммуниста Юрия Гагарина — что может быть удивительнее этих героев! А есть ли эти герои в нашей литературе? Кто

живет в наших книгах? Воплощены ли образы таких замечательных людей нашими писателями?

К сожалению, за последние два-три года в произведениях крупного плана нашей прозы и поэзии пока не появился такой герой, который был бы цельной и яркой личностью, могущей стать примером для подражания тысяч и тысяч читателей-тружеников нашей республики.

Конечно, героем не обязательно должен быть петральный персонаж большого литературного полотна. Героя мы можем найти и в небольших лирических стихах, и в публицистическом выступлении, и в очерках. Вопрос в том, где писатель ищет и находит главные идеи, главные свершения жизни, насколько остро ставит он жизненные проблемы, в какие сложные ситуации ставит своего героя и как показывает путь героя в борьбе.

Обратимся, например, к очерку Джалола Икрами «От Сталинабада до Киева». В этом очерке действительно нет основного центрального героя. Но все, что в нем происходит, все, о чем говорит писатель, — это обобщенный образ нашего современника, раскрытый через лирического героя произведения — самого автора и тех людей, с которыми он сталкивается или которых вспоминает за время пути. Автор здесь не просто фиксирует общеизвестные факты, цифры, события. Свой замысел он доносит через переживания, мысли, заботы советских людей, которые неустанно трудятся, обновляя и украшая родную землю, наши города, села, заводы, фабрики, колхозы, обогащая духовную и материальную жизнь людей.

Для всего творчества Джалола Икрами характерна непосредственная связь с современностью. Это видно во многих его произведениях, таких, как «Шоди», «Ситора» и многих других. Нужно сказать, что Джалол Икрами находится в расцвете своего творческого дарования. За последние годы он создал цикл прекрасных очерков, а кроме этого плодотворно работает над исторической темой, и читатели уже читают новый роман Дж. Икрами.

Хотелось бы остановиться и еще на одном, сравнительно небольшом очерковом материале, который тем не менее ставит важную и серьезную тему.

Раскроем книгу, которая вышла два года тому назад. В этой книге-сборнике «Утро семилетки» — помещен очерк молодого журналиста Мутилло Нажметдинова «Спор». Как мы уже сказали, очерк написан два года тому назад, но посмотрите, насколько он современен, как он убедительно звучит сегодня. Героиню очерка, главного зоотехника совхоза Кариму Сагинову, мы встречаем на заседании бюро райкома, где разбирается вопрос о ее принятии в партию. И разгорается спор, жаркий спор между передовой женщиной, отстаивающей интересы совхоза, интересы коммунистического строительства и председателем райисполкома Хамдамовым, выражающим интересы «отсталых людей» таких, как его друг, директор совхоза Бободус-

тов, который всячески старается очернить Саягинову, чтобы выжить ее из совхоза, где она мешает Бободустову жить по-старинке и, по-существу, вести совхоз к развалу.

И этот спор приобретает гораздо более широко звучание, чем обсуждение кандидатуры молодого коммуниста. Речь идет о борьбе с «пылью», с той пылью, которая пытается засорить наши дороги, и которую, как мы видим в финале очерка, смывает свежий очистительный дождь.

Мутило Нахметдинов не впервые выступает в печати со своими очерками на современную тему, и всегда у него есть что сказать читателю. Он идет от жизни, и лучшие его очерки обладают удивительным свойством настоящей правды и художественности — они не стареют. Таких молодых писателей, как Нахметдинов, у нас немало. О них нам, писателям, старшего поколения, нашим журналам, Союзу писателей надо заботиться, проявлять к ним больше внимания и больше требовательности.

В своем пристальном внимании к жизни наши писатели затрагивают самые различные стороны труда и творчества людей, самые различные сферы их деятельности. В очерке Абдусалома Дехоти «Борьба человека с горой» внимание писателя приковывают садовник, ученый, преобразующие суровую природу Памира. В книге очерков «Из дома в дом» А. Одицова выступают люди, болеющие за победу нового в сельском хозяйстве, в своей борьбе утверждающие это новое на родной земле. В очерке Гафара Мирзоева «Я раньше не был в Узбекистане» утверждается сила дружбы народов.

Как и везде, очерк стал одним из наиболее боевых жанров нашей литературы, он вышел на передовую линию борьбы за современность. Хочется отметить, однако, что далеко не все работы наших очеркистов заслуживают одобрения. И в периодической печати, и в наших газетах и журналах появляются еще очерки поверхностные, не ставящие важных проблем, несущие на себе печать скороспелости, серости. Такие очерки имеются в сборнике «Утро семилетки» и особенно в сборнике «Спасибо партии», изданном в прошлом году Таджикгосиздатом к 50-летию Международного женского дня. Эта книга, носящая такое высокое название, получилась книгой сугубо парадной. Судьбы наших женщин достойны самых лучших слов, идущих из глубины сердца художника. Наша женщина вышла на широкую дорогу жизни, поднялась из мрака к свету, но шла она трудным и сложным путем борьбы и труда. Не все проходило гладко, порой были и горечи, и трагедии. Порой и в настоящее время, мы видим горькие судьбы женщин, которые становятся жертвами феодально-байских пережитков.

Разве можно писателем быть в стороне от этого жгучего вопроса в судьбе нашей женщины? Нам хотелось бы об этом прочесть на страницах этой книги. Но, увы, составители сборника обошли острые углы,

печать лакировки заглушила живые жизненные конфликты.

Так появляются у нас бесконфликтные произведения, лакировочные очерки, где все трудности, встающие в жизни перед героями, сглаживаются, затушевываются и путь героев к победе представляется гладким и слишком простым. Так у нас легко перевоспитываются герои в пьесах, так появляются примеры барабанных стихов, так появляются надуманные поэмы, так молниеносно разоблачают диверсантов в наших фильмах, так с ветряными мельницами вступают в бой идеальные личности в наших повестях и романах. И так принимается роль положительного героя, выступающего в нашей литературе.

Сколько раз мы уже говорили о том, что нельзя спекулировать на важной теме. Чем серьезнее тема, тем серьезнее автор должен подходить к её художественному воплощению.

В четвертом номере журнала «Гулистон» напечатана очерковая повесть Нальского «Инженер». В центре очерка образ сельского инженера Ахмеджана Турсунова. Автор хотел через образ Ахмеджана раскрыть те важнейшие преобразования в сельском хозяйстве, которые произошли после исторических решений нашей партии по дальнейшему подъему сельского хозяйства в стране. Замысел автора заключается в том, чтобы дать картины борьбы нового с косностью в механизации сельского хозяйства, борьбы новаторства с консерватизмом, разоблачить те отрицательные явления, которые мешают внедрению передовой практики в развитии сельского хозяйства. Турсунов сталкивается с очковитательством, с нарушением правил агротехники, с демагогическим поведением отдельных руководителей колхоза. Но в борьбе с этими трудностями, частично верно подмеченными в жизни, а частично искусственно придуманными автором, характер героя не раскрывается глубоко, художественно.

В журнале «Шарки Сурх» в минувшем году была опубликована повесть молодого писателя Амонова «У подножья голубых гор». В редакции журнала предварительно состоялась широкая и жаркая дискуссия, возникла дискуссия по отдельным образам повести, по проблемам, которые в ней затронуты. Автор, впервые в таджикской литературе, — затрагивая вопросы научной жизни республики, показывает борьбу молодых ученых с закостенелыми взглядами, носителями которых оказываются люди, имеющие в руках власть и поэтому тормозящие прогрессивное развитие науки. Автор попытался поднять тему перестройки школы, а, следовательно, и проблемы воспитания молодого поколения.

Мы считаем, что это произведение — важная заявка молодого автора. Но, повторим, — это пока еще только заявка. Острая, злободневная тема не выдумана писателем, она взята из жизни, но, к сожалению, автор не сумел полно и убедительно разрешить ее в художественном отношении. Рыхлая композиционно, непро-

Думанная сюжетно, во многом идущая не от художественного обобщения, а от фотографии, повесть получилась в ряде эпизодов, картин, характеристик слабой и наивной.

И тут у нас возникает такой вопрос: в чем критерий СОВРЕМЕННОСТИ произведения? Только ли в том, что дата времени действия героя в произведении совпадает со временем написания самого произведения? Или современной будет лишь та книга, в которой ставятся и решаются проблемы сегодняшнего дня? Нам кажется, что истина лежит где-то гораздо глубже. Нельзя сводить современность только к злободневности. Безусловно, современным будет то произведение, которое поднимает актуальную проблему сегодняшней жизни, в котором действуют люди, герои, решающие грандиозные задачи сегодняшнего этапа строительства, в котором определяются черты человека будущего — человека коммунизма.

Поэтому нас радует, что Фатех Ниязи после 2-й части своего романа «Верность», в котором было много недостатков, в своей новой работе многое переосмыслил и создал свои фронтовые новеллы, которые так радуют нас.

Ведь Тася-зенитчица, капитан Симаков, капитан Угринович, Костя Демченко, Шараф — это как раз те люди, которые по своему своему душевному строю угадываются в сегодняшних героях, которые борются и побеждают на фронте героического труда в нашей стране.

Вот почему мы, говоря о произведениях на современную тему в нашей таджикской литературе, снова обращаемся сегодня к повести Толиса «Лето» и другим книгам наших писателей на военную тему.

22 июня 1961 года исполнилось 20 лет с начала Великой Отечественной войны. Молодое поколение семнадцати- и двадцатилетних, которые сейчас принимают знамя борьбы за коммунизм из рук своих отцов и старших братьев, не знает, что такое война. Они — только наши читатели, они, к счастью, не очевидцы. И тем более важно для нас еще и еще раз возвратиться к этой теме потому, что она не только история, она — наша сегодняшняя борьба за мир во всем мире, за светлое небо над Африкой и Кубой, за открытую дорогу к звездам для всего человечества.

Я должен еще раз отметить, что дала повесть Толиса «Лето» нашей литературе. Помимо хорошего языка, точной характеристики героев, крепкой сюжетной линии, искренней взволнованности повествования — помимо всего этого Толис привлек и утвердил в нашей литературе психологическое раскрытие образа героя. Обратите внимание — писатель вам ничего не навязывает, ни за что вас не агитирует, — вы во всем убеждаетесь сами. Так тонко прорисованы все движения сердца, помыслы маленького Хасана, или его дядюшки-спекулянта Абдулатифа.

Это внимание к психологическому укладу души — большое завоевание нашей ли-

тературы последнего времени, проявившееся в целом ряде произведений.

В таком же психологическом плане интересно написал свой рассказ «Раскаяние» наш старейший прозаик Рахим Джалил. Основной герой, от лица которого идет повествование, — молодой рабочий Джамол, крепко любящий свою молодую жену Зиёду. Это тот новый человек, который воспитан в высоких нравственных устоях, смело отвергающих устои старого феодального быта. В рассказе мы видим, как этот старый быт ополчается против светлой и чистой любви юной пары. Зиёду отнимают у мужа, опутывают ложными рассказами, ломают семью. Писатель Рахим Джалил не согласен с этим, и его герой Джамол борется за свою любовь: он не сдаётся, не уступает. Зиёда уже в родильном доме. Истрадавшаяся, измученная, она рождает ему первенца. И мы видим в рассказе, как Джамол, полный волнения и веры в торжество их любви, их нерушимого единения, идет к любимой на свидание. Читатель верит, что победа на стороне Джамола. Верит, что глаза Зиёды открыты навстречу радостному завтрашнему дню.

Как же критики помогают развитию нашей литературы, как они встречают появление новых произведений? Изучают ли они, как тот или иной писатель отразил в своей книге тему современности, тему положительного героя? Всегда ли они поддерживают новое, появившееся в нашей литературе?

К сожалению, мы вынуждены отметить, что до сих пор наша критика все еще остается в стороне от самых животрепещущих проблем современности.

Как писатель должен быть инженером человеческих душ, так критик должен быть исследователем душ писательских. На деле мы таких исследований не видим. Тот факт, что до сих пор нет ни одной статьи о повести Амонова, о новеллах Фатеха Ниязи, о рассказах Рахима Джалила, о вышеупомянутом очерке Икрами — все это свидетельствует, что наша критика не боится общелитературным делом, остается равнодушной к тому, о чем все мы, писатели, ведем жаркие принципиальные споры в своих беседах, на своих собраниях, на дискуссиях.

Когда я думаю о нашей писательской молодежи, я смело хочу сказать полным голосом, что таджикская литература стоит на пороге создания крупных произведений, больших литературных открытий. Это очень отраднo.

Но в работе с молодыми писателями у нас еще много недостатков. Есть небрежное, я бы сказал, небрежливое отношение к творчеству молодых.

Возьмем хотя бы такой пример. Я внимательно прочёл работу молодого писателя, которого мы недавно приняли в Союз, — повесть «Каникулы» Ортыкова. Вот краткое содержание повести: группа ребят советуется, кто чем будет заниматься ле-

том. Каждый выбирает себе дело по душе. И вот, два товарища — Шараф «Рыжий» и Мардон — решают идти на птицеферму колхоза и помогать там. Все остальные события повести разворачиваются на ферме. Конечно, в повести есть еще много недостатков, но я от чтения этой повести получил большое наслаждение. События, которые происходят, — реальные, не выдуманные. Образы мальчиков запоминающиеся, характеры их непосредственны. Повесть написана ясным, образным народным языком, написана сочно, со вкусом.

Конечно, это очень хорошо, что видный писатель, мастер прозы и драматургии Сатым Улуг-зода выступил с открытым письмом к молодому автору. Это надо чаще практиковать — чтобы старшие писатели всегда приходили на помощь молодежи.

Но жаль, что Сатым Улугвич не оставил более подробно на положительных сторонах этой талантливой повести, не вскрыл причины успеха молодого автора. Тогда все остальные его замечания, к которым я в основном присоединяюсь, были бы более убедительны для молодого писателя.

Также не может нас удовлетворить и статья Табарова о рассказе молодого прозаика Шарки «Дедушкин помощник». Рассказ написан с доброй улыбкой, тепло и сердечно, с лукавым народным юмором. Подобных рассказов немало в литературе. Они обогащают нас познанием природы, тонко показывают силу, мудрость человека. И нелепо сводить их к обнаженной, прямой дидактике, к тому же притянутой за уши, как это получилось в статье Табарова, где он квалифицировал рассказ Шарки, как «прославление тунейдства». Это небрежное отношение к молодому автору, это статья осуждающая, а не обобщающая, вредящая нашей литературе.

Я вспоминаю один похожий случай. Несколько лет тому назад один критик выступил против рассказа Рахима Джалила на том основании, что автор вывел в своем рассказе женщину со всеми чертами старости. Критик не согласился и заявил: «Разве может быть наша советская старуха морщинистой и согнувшейся!»

Рахим Джалил опытный писатель, он такие нападки выдерживает легко. А вот молодому Шарки, боюсь, перенести нелепую критику Табарова было гораздо труднее.

В связи с этим мне хочется остановиться на очень важной стороне нашего литературного процесса, которая имеет первостепенное значение для всех нас — как для писателей старшего поколения, так и для молодых. Это — творческое освоение нашего богатейшего классического наследия.

Вопрос освоения классического наследия — вопрос для нас не новый. Мы всегда утверждаем, что одним из главных источников развития любой литературы является ее родная почва, на которой она вырастает, как вырастает дерево в голу-

чем лесу. Отмирает одно, зарождается другое, даже облетевшие листья не пропадают бесследно.

Но дело в том, как этим наследием пользоваться. Ведь впитав тысячелетние соки, наш голос должен быть абсолютно современным.

У одной части молодежи существует тенденция — пренебрежение классическим наследием. Она идет от боязни оказаться в плену классических традиций, а подчас от нежелания «утруждать» себя лишней работой.

Другая группа молодежи, особенно поэтов, наоборот, целиком «окутулась» в классику. От их произведений веет традициями, но — дурными! Водоворот классики их засасал. И, вернее, не классики, а ложно понятой классической традиции, как поэзии риторики, дидактики, схемы.

И в этом, и в другом случае, ущерб, наносимый писателю, очевиден. Чем слабее поэт, тем резче в его произведениях проявляются эти тенденции. Наоборот, яркая, творческая индивидуальность сохраняет свою цельность: не может обойтись без богатства классики, но и не подпадает под ее прямое влияние.

Наш поэт Боки Рахим-заде — прекрасный знаток классики. Но посмотрите, как на протяжении его творчества все сильнее горит в его стихах свет современности, подкрепленный высоким мастерством. Опыт классики дал ему в руки могучее оружие свободного и смелого владения словом, ритмом, мыслью стиха.

Новатором может быть только сильный. К классике нужно относиться только творчески. Мы уважаем классику. Как из благотворного источника, пьем мы из родника русской классической литературы, русской советской литературы и других литератур братских народов. Изучаем родной фольклор. Черпаем из бескрайнего океана передового, прогрессивного искусства, омывающего материку и континенты всей нашей планеты. Все это, взятое вместе — источник нашего мастерства, наш арсенал.

И тем не менее среди части наших литераторов, среди литературоведов и критиков существуют неверные настроения. Так, наши литературоведы углубляются в классику и совсем не занимаются вопросами современной литературы, а, с другой стороны, наши литературные критики — преимущественно это молодые литераторы — судят о литературе так, словно у нас за спиной нет тысячелетнего пройденного пути.

Это звучит как анекдот, но в коллективе писателей существует даже такое мнение, что литературный критик до той поры занимается современной литературой, пока он плохо знает классику. А как только изучит, тут же переходит на «высшую ступень» — в литературоведение. Такое понимание «многоступенчатости» не делает нам чести. На такой «ракете» в космические высоты литературы нам не взлететь.

Хуже всего дело обстоит в Академии наук. Там юридически узаконили размежевание наших критиков и литературоведов. Это вредит делу.

Когда мы перелистаем страницы поэтических книг, мы слышим мужающий голос нашей поэзии. Мне хочется проиллюстрировать это на примере творчества трех наших поэтов — я имею в виду творчество Боки Рахим-заде, Аминджона Шукухи и Гафара Мирзоева.

Эти три поэта совершенно разноплановы. Я умышленно остановился на них именно в силу этой разноплановости. Каждый из них сугубо индивидуален, поэзия одного совершенно не похожа на поэзию другого.

Если поэзия Боки Рахим-заде лирико-публицистична, сдержанна, строга, спокойна, то Гафар Мирзоев предстает перед нами, как поэт яркой страстности, злободневности. Аминджон Шукухи всегда привлекает нас обаянием лирического тона, певучестью слова и замысла. Уровень мастерства у них тоже разный, богатство средств изображения неодинаково. Если Боки Рахим-заде находит больше слов для выражения, то у Гафара Мирзоева больше находок, но у него не хватает запаса слов.

А. Шукухи, по моему наблюдению, обладает тоже особым свойством. Он лирик, как и Боки, но у Боки больше классического в языке, а Шукухи ищет для выражения своей лирики более простой, народный язык, он ближе всего к фольклору.

Мне хочется, чтобы наши критики, ведя разговор о поэзии, подметили в каждом поэте его индивидуальность, его стиль, стремительность движения его души в поэзии.

Гафар Мирзоев и Аминджон Шукухи похожи на реки. Гафар Мирзоев — как быстрый горный поток, бурно срывающийся с отвесных склонов, в нем все в кипении, он безрассуден и расточителен.

Красота Аминджона Шукухи в могучем подводном течении мысли, сила которой угадывается под зеркальной гладью, казалось бы плавного, внешне спокойного течения.

А вот Боки Рахим-заде — он еще полностью не выразил себя в своей поэзии. Если бы это случилось, его поэзия стала бы еще богаче.

Наш милый Боки еще скрывает себя от читателя. Он великолепный собеседник, он выдумщик, прекрасный рассказчик, все мы знаем его острый и милый юмор, но это еще очень мало отражается в его стихах.

Наша поэзия ждет от этих поэтов многого. И я не сомневаюсь, что в будущем они осящат нашу литературу новыми, еще более яркими произведениями.

О стихах Гафара Мирзоева много спорят. Это хорошо, значит есть материал для спора.

Но беда, что в оценке его произведений многие наши товарищи подходят только с точки зрения языка. А того, какие темы поднимает писатель, какие мысли его волнуют, они не замечают. Конечно, плохой язык может испортить самое хорошее произведение, самый интересный замысел. Но в отношении Гафара Мирзоева такая точка зрения будет в корне неверной. У молодого талантливого поэта есть интересные новые образы, поэзия его всегда думающая, мыслящая и язык его, при всех огрехах, вовсе не так плох. Почему мы замечаем его неудачи, но не хотим замечать путь, по которому он стремится идти. А это путь поисков нового — и в образах, и в размере, и в рифмах. Пусть не все попытки бывают удачны, но есть и удачи, удачи бесспорные, которые нельзя зачеркивать только на том основании, что они не подходят под рамки привычных, устоявшихся, примелькавшихся формул.

А во многих стихах наших товарищей гладкий язык, но нет ни свежих мыслей, ни ярких образов.

Как по конвейеру, сходят многочисленные стихи из-под пера Хабибулло Назарова, тонкого исследователя, автора полюбившейся народу повести о Кариме Девоне.

Бледные и невыразительные стихи пишет Болтакул Диёри, снизил требовательность к себе Файзулло Ансори.

Мало помогают нам в борьбе за качество литературы и наши издательства.

В наших издательствах нет требовательного отношения к качеству издаваемых книг. Некоторые рукописи, получившие резкую критику на обсуждениях в Союзе писателей, получают в издательстве «зеленую улицу», как, например, произошло со сборником рассказов Кадыра Наими «Я с вами». Отдельные произведения вообще выходят в свет минуя творческие обсуждения в СП Таджикистана, как, например, сборник «Открытие тайны» Таджи Усмана, или повесть С. Трофимова «Не страшась усталости», книга чрезвычайно низкая по своим художественным качествам. Часто Таджикосиздат своей деятельностью сводит на нет всю нашу работу, наши дискуссии, наши стремления. Просто удивительно, с какой последовательностью они пропускают плохие произведения, плохие вещи.

Мы просили бы от имени пленума об укреплении издательства редакторскими силами. Очень важно, чтобы в полную силу, регулярно работал художественный совет издательства.

Подобная практика — не считаться с мнением коллектива Союза писателей или обходить его, — к сожалению, широко бытует в наших печатных органах. В прошлом году в нескольких номерах газеты «Комсомоли Тоджикистон» печаталась поэма Бурхана Махмамова «Делегат съезда», посвященная 30-летию таджикского комсомола. Эта поэма — яркий пример того, как можно дискредитировать

принизить самую высокую тему. Поэма Махкамова — образец настоящей халтуры. Говорят, что эта поэма была рекомендована к печати нашим уважаемым поэтом Мухаммеджаном Рахими. Нам кажется, что опытные мастера, старейшие писатели должны с большим чувством ответственности подходить к судьбе каждого произведения, потому что из этого складывается судьба всей нашей литературы.

Дело в издательстве доходит порой до анекдотических случаев. Не так давно учпедгиз издал на таджикском языке небольшую книжечку для детей «Сказка о коте и мыши» Мавджуды Саидовой. Однако, читая эту сказку в стихах, мы видим, что от первого до последнего слова она принадлежит перу знаменитого иранского поэта Ираджа Мирзо. Просто диву даешься, куда смотрели наши издатели и редакторы. У них было время разобраться в этом вопросе: книга была сдана в печать еще в 1956 году. Нам кажется, что пять лет — вполне достаточный срок для того, чтобы определить, кому же принадлежит эта сказка. Нам бы очень хотелось, чтобы подобные «сказочные» истории не позорили впредь честь нашей литературы и доброе имя издательской практики.

Стыдно издательству за свой вопиющий промах, но нам непонятно, как мог молодой автор, только вступающий на светлую дорогу литературы, пойти по пути прямого плагиата.

Или возьмем другой пример. Недавно учпедгиз издал сборник песен для школьников. Сам по себе факт достоин всеобщего одобрения и поддержки. Но, на самом деле, эта книга является вовсе не песенником. В ней собраны стихи, отрывки из поэм, легенды, причем, каждый отрывок имеет довольно большой объем. Пусть-ка попробуют дети спеть «песенку» размером в 200 строк! Очевидно, составители сборника поставили себе задачу воспользоваться из наших детей исполнителей нового Гуругли!

Мы знаем замечательные песни Абулкасима Лахути, Садриддина Айни, Хабиба Юсуфи, Мухаммеджана Рахими. Советский народ знакомился с нашим солнечным краем по песням Мирсаида Миршакара, Боки Рахим-заде, Абдусалома Дехоти. Прекрасными песенниками стали Аминджон Шукухи, Файзулло Ансори. Но почему-то в последнее время хорошие песни все реже и реже стали звучать в театре и по радио, хороших поэтов все реже привлекают к песенному творчеству, и вместо настоящих произведений выступает самая дремучая халтура. Наши певцы исполняют трафаретные шаблонные поделки, наполненные розами и соловьями так густо, что места для человека в них не остается. Особенною активностью развивают композиторы с самой низкой музыкальной культурой. Они берут первые попавшиеся под руку вирши, а зачастую сами выступают как авторы текстов.

Была у нас в репертуаре хорошая песня Егорова «Приезжайте в Таджикистан», которую знал весь наш народ. Но она почему-то исчезла из репертуара, а на ее месте появилась халтурная песня Супина «Приезжайте в Сталинабад». Непонятно, кто берет под свое крылышко этого бездарного халтурщика, о котором мы с возмущением говорили еще с трибуны IV съезда писателей Таджикистана.

Мы переживаем величайший период в истории нашей планеты, когда совершается гибель колониализма, когда возрождаются ранее угнетенные народы закабаленных континентов.

И во всех этих свершениях мы славим силу нашей партии, силу нашего народа. Жить и творить нам очень радостно, очень интересно.

И нам нужно работать с предельной отдачей, с предельным напряжением сил. Надо жить и творить для нашего народа, для партии, во имя быстрейшего завершения задач нашей семилетки. Надо с большим жаром души ввязаться за перо, создать такие произведения, чтобы партия и народ сказали нам «Спасибо!»

А у нас еще мало в поэзии жизни, мало действительности, мало конкретных героев, совсем не разрабатывается жанр поэтического репортажа, стихотворного очерка, узка география в произведениях наших поэтов, лирический герой в большинстве стихов еще не стал Человеком большого и смелого полета, ярких дерзаний, высокой творческой мысли. Наш герой еще не взлетел в космос, а ведь поэзия должна быть крылатой.

Глубокое проникновение в жизнь, в ее проблемы обязательны для всех жанров литературы. Хотя на нашем пленуме поставлен отдельный доклад о таджикской драматургии и кинодраматургии, мне хочется затронуть ряд вопросов, связанных с этими важнейшими жанрами. И здесь, в первую очередь, следует поднять проблему героя, посмотреть, кто же живет на сценах наших театров и на экране Таджикфильма?

Наша студия за последние годы добилась значительных успехов. Фильм «Судьба поэта» по великоллепному сценарию С. Улуг-зода получил международную премию «Золотого орла», с большим успехом на советском экране прошел фильм-балет «Лейли и Меджнун». Мы уверены, что фильм «Знамя кузнеца», который вот-вот выйдет к зрителям, тоже будет положительно оценен общественностью. Это наши плюсы. Но, очевидно, таджикские киноработники весь жар своей души отдали исторической тематике! А нам хотелось бы увидеть на экране такие же хорошие, а может быть, еще лучшие фильмы, героями которых являются наши современники. По тем фильмам, которые посвящены сегодняшней действительности, — «Сыну пора жениться», «Операция «Кобра» — мы, к сожалению, так и не получим полного представления о жизни наших

современников. В большинстве случаев эти фильмы легковесны, не поднимают жизненно важных проблем. Чувствуется схема, примитив. Несмотря на то, что наша кинодраматургия еще очень молода, но она уже успела обзавестись штампами. Так, по стандарту, по штампу сделан фильм «Операция «Кобра»; все в ней подогнано, подчинено одному стремлению — угодить любителям развлекательной детективной литературы. Также примитивно сделан фильм «Сыну пора жениться», построенный на стандартных водевильных ситуациях.

Нам кажется, что киностудии давно пора пересмотреть практику своей работы с авторами. Вместо серьезного отбора полноценных произведений, вместо высокой требовательности, вместо мобилизации талантливых писательских сил республики мы часто оставляем дело на самотек, берем готовые вещи со стороны, приглашаем ремесленников, которые легко меняют в своих произведениях степи на горы, папаху на тюбетейку и, как настоящие иллюзионисты, «создают» таджикский колорит одним мгновением руки, вернее, вечной ручки. Так, например, сценарий «Насреддин в Багдаде» превратился в «Насреддин в Ходженте».

Не так уж блестяще обстоят дела и в нашей драматургии. Хотя об этом резко говорилось на наших пленумах и съездах, но положение в драматургии не улучшилось. Во-первых, за два года появилось очень мало пьес. Во-вторых, большинство из появившихся написано на прежнем огорчительно низком уровне. И главный недостаток — отсутствие сильного характера, отсутствие жизненного, действенного героя. Писатели ищут по боковым линиям, обходя самые важные конфликты, минуя самое главное — человека, борца, создателя, нашего современника.

Файзулло Ансори, талантливый поэт и интересный драматург, еще активный приход в драматургию все мы приветствовали, после постановки своих первых пьес не учел мнения и добрые советы, высказанные в его адрес, и поторопился опубликовать подряд в нескольких номерах газеты «Маориф ва маданият» новую пьесу «Извините, мама», в которой повторил свои прежние недостатки.

Или возьмите пьесу Ганиева и Мительмана «Советы». Здесь нет живых людей, живых характеров, на сцене ходят и действуют овеществленные идеи, схемы. Наши люди устремлены в будущее, охвачены мечтой и дерзанием и, честное слово, с ними совсем не вяжутся те мелкие, мешанские страсти, которые кипят вокруг них на театральных подмостках.

Мы уже неоднократно говорили, что Академический театр драмы имени Лахуги потерял свое лицо, превратился в театр музыкальной комедии, водевиля. А где глубокие психологические драмы? Где эпопеи нашей жизни? Нет, театр не должен ждать, пока писатель «раскачается». Писателей мы тоже критикуем за то, что они не

уделяют должного внимания драматургии.

Отошли от театра С. Улуг-зода, Д. Икрами, А. Дехоти, Боки Рахим-заде, М. Миршакар, Саидмурадов, Мухаммеджан Касымов. Но в этом, очевидно, и большая ошибка театра; он должен завоевать авторов, работать с ними, наталкивать на мысль, требовать с них, широко привлекать новые молодые кадры драматургов. А они у нас есть.

Вы не думайте, товарищи работники театра и кино, что эти замечания мы отнесим только к вам. Мы говорим сейчас с точки зрения общей заботы об этих отдельных важных отраслях нашей культуры. И в оставании драматургии и кинодраматургии в первую очередь виноваты мы сами, писатели, так как не дали хорошего драматургического материала на современную тему.

Еще одно замечание по вопросу об организации творческой работы наших писателей. Недопустимо слабо, инертно, инициативно работали за этот год творческие секции Союза писателей. За два минувших года наши секции не выполнили главное, которое они сами же представили Президиуму Союза. Ни секция прозы, где председатель тов. Икрами, ни секция драматургии, где председатель тов. Улуг-зода, ни секция поэзии, где председатель тов. Дехоти, ни секция критики, где председатель тов. Табаров, не собирались на регулярное обсуждение произведений. А ведь руководители этих секций все являются членами президиума.

Я сторонник создания спокойной, творческой, рабочей атмосферы в Союзе писателей. Это не значит, что мы не должны спорить. Спорить нам необходимо, но надо, чтобы споры носили творческий, принципиальный, партийный характер.

Наш коллектив здоровый. И впредь надо стремиться, чтобы интересы у нас были общие, а не групповые. А такие настроения чувствуются в последнее время, особенно среди критиков. Почему молодой критик Сайфуллаев выступает в защиту слабых произведений? Такой грамотный, способный критик, а выступает, зачастую, с совершенно неверных позиций. Это проявление неприципиальности. Например, статья Сайфуллаева о поэме Сухайли «Хабиб». Чем иначе она могла быть продиктована, как не чувством «приятельства»? Но ведь это не позиция для настоящей критики.

В нашей критике часто проскальзывают нотки пигилизма в отношении нашей литературы. Яркий пример этому — последняя статья Гафара Мирзоева «С чем мы идем к XXII съезду КПСС», опубликованная в газете «Коммунист Таджикистана». Гафар Мирзоев — мыслящий человек, он всегда выступает с интересными статьями. Мне не совсем удобно говорить об этой статье, так как он в ней касается меня и затрагивает мое творчество. Но мне хочется отметить его крайнюю тенденцию в этой статье, зачеркивающую значительные достижения нашей литературы на данном

знание. Таджикские читатели, прочитав Гафара Мирзоева, могут подумать, что наша литература идет к XXII съезду партии только с одним Турсун-заде и двумя не опубликованными очерками, которые он несправедливо упоминает, т. к. они еще не опубликованы, и хвалить их или ругать критик не имеет права.

Все мы прекрасно понимаем, как велико значение критики для подъема нашей литературы. Настоящая, принципиальная, умная критика — большой друг и помощник писателя. Вспомните роль Белинского для развития таких гениев русской литературы, как Пушкин, Гоголь, Некрасов. Вспомним, как страстно выступал учитель всех наших литератур Алексей Максимович Горький по самым животрепещущим литературным проблемам, как внимательно он следил за появлением каждого нового таланта, как заботливо помогал их росту, остерегал от ошибок, детально анализировал рукописи совсем неизвестных авторов. А кто из нас не ощущал на своей литературной судьбе отеческого внимания нашего устода Садриддина Саидмуродовича Айни, его зоркого глаза? Кто знает, если бы не его теплота, не его сердечное и требовательное участие, не его взыскательный суд, не его доброе, вовремя сказанное слово, насколько трудней был бы путь в литературу таких крупных наших писателей, как Джалол Икрами, Сатым Улуг-зода, Рахим Джалил, Фатех Ниязи и многих, многих других. Нельзя отрицать, были у нас неплохие статьи, заметки критиков-литературоведов Табарова, Мирзо-заде, Мухаммеджана Шукурова, Рахим Хашима, М. Муллоджанова, М. Явич, Р. Ходи-заде, Бабаева и др.

Так, серьезным разговором о языке переводов является статья Шукурова, опубликованная в журнале «Шарки Сурх», его же статья о поэзии молодых. Большой интерес представляет статья Р. Ходи-заде «Современный герой наших произведений»; темпераментная дискуссионная статья о таджикских очерках опубликована критиком Табаровым.

Но, к сожалению, не все опубликованные в наших журналах и газетах статьи поднимают проблемные вопросы, ставят дискуссионные темы, важные для литературы, для писателей.

Правильно поднимает молодой критик Муллоджанов в своей статье, опубликованной в последних номерах «Шарки Сурх», вопрос о принципиальности нашей критики, о честности, объективности оценок, о партийной позиции таджикских критиков.

Мы уже говорили о том, что у нас мало проблемных статей. А те немногие статьи,

в которых поднимаются важные вопросы, не всегда правильно их решают.

Так, в статье Юрия Бабаева «Проблемы исторического жанра» допущена путаница в определении «исторического» и «современного» в литературе. Автор считает, что историческими являются произведения, имеющие историческое, важное значение, хотя они и посвящены современным проблемам. На дискуссии, которая состоялась в Союзе писателей по вопросам критики, товарищи Явич и Бабаев спорили о понятии современности, но мы из их спора ничего не поняли, они только углубили путаницу.

Сейчас наша страна находится на большом политическом, экономическом и культурном подъеме. Наша страна поднялась на уровень космических высот, перевернувших все прошлые представления в науке, в производстве, в труде.

Писатели должны быть достойны подвигов народа.

Но, говоря о таджикской литературе, мы должны признать, что порой у нас тоже были «приписки». Мы приписывали себе такие качества, которыми не обладали и пока еще не обладаем. Прячась за могучей и широкой спиной нашего устода и других выдающихся писателей, мы перечисляли длинную вереницу наших поэтов и прозаиков, говоря, что их произведения стали чуть ли не мировой известностью. А если сказать честно, то большинство перечисляемых произведений еще не вышли за пределы республики.

Посмотрите вокруг. Появились «Небит-Даг» Б. Кербабаева, «Сестры» А. Мухтара, «Честь» Г. Башира, «Птичка-невеличка» А. Качхара, повесть М. Гусейна о нефтяниках. Наши прозаики не могут похвалиться произведениями о героике наших дней. Многие их герои живут в прошлом, а не в настоящем.

Путь развития нашей таджикской литературы — это путь в будущее, во имя будущего, во имя коммунизма. Эта идея партии и народа может быть выражена лучше всего в книгах о наших современниках. Это испытанный курс советской литературы. С этого курса мы не сойдемся, не отойдем ни на шаг.

Мы, писатели Таджикистана, заверяем нашу родную Коммунистическую партию, что будем направлять все свое умение, всю силу таланта и вдохновения на создание лучших произведений, достойных нашего великого народа, свою повседневную кипучую деятельность будем тесно связывать с партией, с народом, чтобы наша Таджикская советская социалистическая республика всегда гордо несла знамя передовиков строительства великого будущего с тем, чтобы достойно встретить XXII съезд КПСС.

СЕГОДНЯ О СЕГОДНЯШНЕМ

Как-то раз в кабинете редактора журнала «Шарки Сурх» собралось человек пятнадцать. Все молча сидели и кого-то ждали. Наконец, пришел и тот, кого ждали, — Боки Рахим-заде. Он снял тубетейку, вынул из нее четверо сложенный листок бумаги, неторопливо развернул его и стал читать. Читал он тихо, медленно, и, казалось, монотонно. В тесной комнате редактора стало тихо. Только изредка раздавались восклицания, каким-то удивительным образом дополнявшие сердечный рассказ.

Глядя на взволнованные лица, я думал о магической силе слова, о власти поэта...

Он кончил читать. И комната ожила, в ней сразу стало шумно и тесно. Я задал Боки нелепый вопрос:

— Вам самому очень нравятся эти стихи?

Он ответил:

— Больше всего мне нравятся те из моих стихов, которых я еще не написал...

Двадцать пятого мая, когда Мирзо Турсун-заде предложил III-ему Пленуму СП Таджикистана повестку дня, в которой главной темой разговора должна быть наша жизнь, наша современность и задачи писателей, сам не знаю почему, но первое, что пришло мне на ум — слова Боки Рахим-заде.

Поэт убежден, что он должен, («должен» не только в смысле долга, но и в том смысле, что ему бы очень хотелось, и в том смысле, что у него накоплен большой материал, и в том смысле, что он в большом ладу с нашей жизнью, с теми процессами, которые свершаются в ней, что жизнь, которую он глубоко понимает и любит, вдохновляет его, заставляет брать в руки перо и писать), — в этом смысле поэт убежден, что он должен написать произведение лучше того, которое он уже написал и что он его обязательно напишет.

Забота о мастерстве, беспокойство о качестве нашей литературы занимают главное место в докладе Мирзо Турсун-заде и — так или иначе — отразились почти во всех выступлениях.

В последнее время у нас вышло немало книг — и хороших, и похуже, и плохих. Один из старейших критиков и литературоведов Сохиб Табаров, открывая прения, повел большой разговор о художественной, эстетической ценности вышедших произведений.

Наша литература нуждается в таком разговоре, потому что для многих вещей типичен один и тот же недостаток — не сам образ является в них выразителем темы, настроения и идеи автора, а тема и идея живут в произведении, как авторская декларация, не являясь кровью и плотью героев рассказа или повести.

В значительной части своей речи С. Табаров полемизировал с критиками, которые в разное время критиковали его самого.

Не стоит сейчас вдаваться в существо этого спора и выяснять, кто прав: тов. Табаров или его оппоненты. Только нам кажется, что если обвиняешь других в недостаточной чуткости к критике, то — хочешь, не хочешь — а самому надо относиться к ней терпимее. Очень болезненно воспринял С. Табаров правильные выступления в печати критика М. Муллоджанова, в которых последний оспаривал выдвинутые С. Табаровым обвинения против некоторых молодых литераторов. Статьи М. Муллоджанова были проникнуты большой чуткостью к авторам, стремлением помочь им.

Следом за тов. Табаровым выступил Л. Кандинов. Он говорил о драматургии, о том, что литературная критика занима-

ет по отношению к драматургам «полный нейтралитет, пьесы не получают признания критики до тех пор, пока они не поставлены на сценах театра. А потом, когда появляется рецензия, все недостатки драматург относит за счет театра».

— Но почему же?— надо спросить у тов. Кандинова.

Очевидно, потому, что так пишутся рецензии. Дело, конечно, вовсе не в том, появятся ли рецензии на пьесу раньше спектакля или позже. Дело в том, какая это будет рецензия. Значит, вопрос опять-таки сводится к качеству литературной критики, к умению критика правильно проанализировать произведение.

М. Муллоджанов анализировал состояние таджикской литературы в конкретной связи с жизнью, с теми изумительными свершениями, которые проходят на глазах. Самое значительное событие нашего времени — это XXII съезд Коммунистической партии, съезд, который примет Программу строительства коммунизма.

Программа партии — это программа для каждого советского человека: рабочего и писателя, колхозника и академика.

И потому тема современности в литературе приобретает особый смысл. Каждое произведение, вышедшее из-под пера художника, должно сегодня же помогать людям лучше и полнее видеть завтрашний день и все делать для того, чтобы приблизить его.

В этой связи интересными были выступления Боки Рахим-заде и Гафара Мирзоева.

Первый говорил о том, что писатель должен хорошо знать то, о чем он хочет сказать людям. Высокое мастерство немалыми без знания жизни. «Писатель должен дышать одним воздухом со своим героем, хорошо знать его... А для этого надо быть не сторонним наблюдателем, а постоянно находиться в гуще народа».

Поверхностное знакомство с жизнью, сказал Гафар Мирзоев, неизбежно приводит к неглубокому, поверхностному, а нередко искаженному отражению ее в литературе. Так случилось с очерком Я. Нальского о бывшем председателе колхоза Карадустове.

Нам, далее говорил Г. Мирзоев, нужен в литературе настоящий герой, который бы зажигал сердца людей, воодушевлял, звал на подвиг.

Нальский видит в Карадустове передового председателя, не задумываясь над тем, что за тридцать лет руководства колхозом Карадустов даже не удосужился научиться грамоте. Пришло время, и этот образ сам отверг себя. Жизнь пришла в противоречие с автором очерка.

— В жизни,— говорил литературовед и критик тов. Ходи-заде,— часто встречается, что рядом с явлениями положительными есть и отрицательные. Но как часто находят они отражение в произведениях наших литераторов? К сожалению, не очень часто.

Речь идет не о пропорциях хорошего и плохого. Речь идет о том, что нам нужны положительные герои в литературе, чтобы меньше было отрицательных явлений в жизни.

Затем Р. Ходи-заде подробно остановился на вопросе чистоты языка в произведениях таджикских писателей. Начатый им на эту тему разговор был продолжен литературоведом и критиком Ш. Хусейн-заде.

— Таджикский народ,— говорил Ш. Хусейн-заде,— всегда очень любил поэзию. Поэты воспитывали народ. И это чувство любви к поэзии и поэтам наш народ пронес через века. В наши дни эта любовь стала еще большей, поэзия стала ближе к народу. И потому чрезвычайно важное значение приобретает вопрос о мастерстве художника, о языке, которым пишут наши поэты и прозаики.

Художественный, образный язык — важнейший элемент любого литературного произведения. Литератор должен всегда заботиться о языке своих произведений. Как только писатель взял в руки перо, он обязан чрезвычайно бережно и осторожно обращаться со словом... К сожалению, некоторые писатели, особенно молодые, печатают иногда далеко не выдержанные в смысле чистоты языка произведения.

— Одним из наиболее интересных явлений в нашей литературе за последнее время — является повесть П. Толиса «Лето», — сказал А. Одинов. — Можно соглашаться или не соглашаться с критиками этого произведения, но бесспорно одно: в книге — яркие, запоминающиеся характеры. Толис показывает жизнь в полнокровных художественных образах.

Такая же манера письма присуща и другому талантливому таджикскому прозаику Ф. Мухаммадиеву.

Далее А. Одинов подробно говорил о плодотворной работе в Таджикистане русских литераторов и в этой связи поднял вопрос о необходимости увеличения периодичности журнала «Гулистон», единственного русского журнала, выходящего в республике.

Это предложение тов. Одинова было поддержано и другими писателями.

Вопрос о современности в таджикской драматургии и кинодраматургии был темой доклада Министра культуры республики А. Имамова.

Советские люди ждут от драматургов, театров, композиторов, работников кино ярких произведений, в которых центральное место занимал бы человек, наш современник, строитель нового общества.

Тов. Имамов называет ряд вещей, в свое время сыгравших заметную роль в идейном и эстетическом воспитании трудящихся. Это прежде всего пьесы «Шодмон», «Краснопалочники», «Дохунда», «Саодат» и некоторые другие.

В последние годы таджикская драматургия и кинодраматургия отвечает далеко не на все вопросы, которые выдвигает жизнь. За три года поставлено лишь че-

тырнадцать многоактных и несколько одноактных пьес местных авторов.

Этого явно мало. Но хуже всего то, что многие пьесы мелки по своей социальной значимости, они не затрагивают больших жизненных конфликтов.

Оценивая пьесу «Совесть» С. Ганиева и Е. Мительмана, А. Имамов говорит о том, что герои ее поверхностны, поступки их плохо мотивированы. И потому образы получились нежизненными и неубедительными.

Плохое знание автором пьесы жизни и людей нередко губит интересно задуманную тему. Так случилось с пьесой М. Сайфитдинова «Чудо», герои которой больше напоминают ходячих добродетелей, чем живых людей.

Не заняла своего места тема современности и в таджикской кинодраматургии. Тов. А. Имамов объясняет это отсутствием художественно завершенных, полноценных киносценариев. Недостаточная творческая связь писателей с коллективами театров и киностудий привела к тому, что большинство сценариев было представлено авторами из других республик. А ведь кому, как не таджикским литераторам лучше знать свой край, своих людей, их жизнь, их обычаи. Им, как говорится, и перо в руки!

Тов. А. Имамов говорил и о том, что в театрах нет хорошей комедии, драмы, трагедии, совершенно забыта музыкальная драма, хотя имеются три музыкальных драматических театра.

Крайне ограничен и репертуар для детей. Дети с большой радостью смотрят спектакли «Ущелье голубой реки» и «Тошбек и Гулькурбон». Этого же мало. Театры наши имеют возможность — и они обязаны — в год ставить не менее двух новых детских спектаклей. А где они, новые детские пьесы?

В республике — сотни кружков художественной самодеятельности, для которых наши драматурги должны писать хорошие одноактные пьесы. Трудно переоценить роль такой пьесы, если она затрагивает острые вопросы жизни. Между тем, у нас совершенно недостаточно таких одноактных пьес.

Б. Кимьягаров назвал некоторые произведения таджикских писателей, в частности, повесть П. Толиса «Лето», в которых есть большой материал для создания хорошего фильма. Но таких произведений

недостаточно. Б. Кимьягаров говорил также и о том, что из числа таджикских литераторов очень мало кинодраматургов. Этим и объясняется недостаток сценарной литературы. Он предлагает организовать при Сталинабадской киностудии специальный семинар для авторов, которые бы пожелали работать в кинодраматургии.

Проблемам таджикской драматургии и прозы посвятил содержательную речь Д. Икрами. Он говорил о том, что писатель, за какое бы произведение он ни взялся, должен быть очень взыскательным к себе. Подробно анализируя повесть Р. Амонова «У подножья голубых гор», Д. Икрами показал, как торопливость автора, стремление во что бы то ни стало скорее опубликовать рукопись приводят к тому, что книга получается сырая, образы — поверхностными и схематичными.

Об этом же, только на других примерах, говорил и литературовед М. Шукуров.

— Большой недостаток многих вышедших из печати произведений, — сказал он, — это их слабая художественная форма, бедность и сухость языка. Журналы и газеты должны быть требовательнее к авторам.

Это, конечно, сказано совершенно справедливо. От плохого рассказа или повести, видимо, только сам автор получает удовлетворение. У читателя же они вызывают досаду и разочарование. Все, что пишется в наши дни, должно быть современно не только по теме, но и современно по качеству, т. е. высокохудожественно.

С большой яркой речью выступил на Пленуме Председатель Совета Министров Таджикской ССР тов. А. Кахаров. В работе Пленума приняли участие первый секретарь ЦК КП Таджикистана тов. Д. Расулов, секретари ЦК тт. И. Коваль, Н. Зарипова, заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КП Таджикистана В. Шарипов.

Третий Пленум Союза писателей Таджикистана прошел под знаком сплочения писательской организации, мобилизации творческих сил таджикских литераторов на решение величественных задач, выдвинутых Коммунистической партией перед советским народом. Быть всегда с народом, в гуще народа, писать для народа — вот благородная задача наших писателей!

С. Шароф

ПУЛАТОВ ТОЛИС

16 сентября 1961 года трагически скончался член правления Союза писателей Таджикистана, писатель Пулатов Толис.

Пулатов Толис известен читателям своими талантливыми повестями «Молодость», «Лето», и рядом сборников интересных рассказов. В его произведениях нашли художественное отражение актуальные вопросы нашей современности, главным образом, вопросы воспитания молодого поколения.

В лице Пулатова Толиса мы потеряли чуткого, отзывчивого товарища, одного из видных таджикских прозаиков. Память о писателе и другие Пулатове Толисе надолго сохранятся в наших сердцах.

Группа товарищей.

Правление Союза писателей Таджикистана, редакция журналов «Шарки Сурх» и «Гулистон» с глубоким прискорбием извещают о трагической кончине члена правления СП Таджикистана, члена редколлегии журнала «Шарки Сурх», писателя

ПУЛАТОВА

Толиса

и выражают глубокое соболезнование семье покойного.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

**НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

„ГУЛИСТОН“

Что будет напечатано в нашем журнале в будущем году ?

Вы об этом узнаете, подписавшись на журнал „Гулистон“ на 1962 год.

Журнал выходит на русском языке 4 раза в год

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

Одного номера — 50 коп.

На год — 2 руб.

